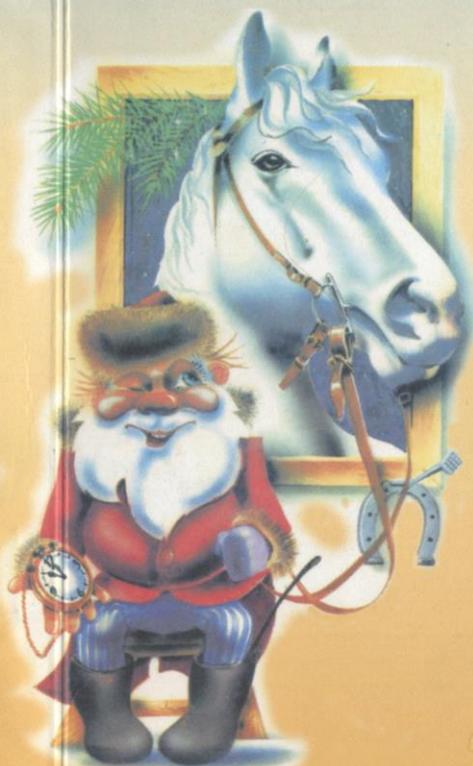

Леонард Золотарёв

Грибное счастье

Книга
для детей

Орёл, 2012

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ

книга для детей

Орел – 2012

3 81 Леонард Михайлович Золотарев. – Грибное счастье. Книга для детей и для взрослых. Орел: Издатель Александр Владимирович Воробьев, 2012. – 396 с.

В этот том «Грибное счастье» большого русского писателя Л.М. Золотарева входят книги рассказов для детей различных возрастов: «Тыква на яблоне», «Миша Кнопочкин с трубочкой», «Три белых коня», «Сережкины березки», повесть – сказка «Грибное счастье».

Сюда же Леонард Михайлович включает произведения для взрослых о детях. В доступной форме подаются воззрения славян на природу, приметы, обычаи и нравы русского народа. И все это представляется в рассказах, былинах и былях, легендах и мифах, то есть в живой, яркой, народной художественной манере. Особое место занимает повесть-сказка «Грибное счастье», написанная когда-то для сына, затерянная автором где-то в архивах и «спасенная» сыном, чтобы попасть сюда, в это собрание.

Том – это, по сути, семикнижие для детей и для взрослых. Собрание интересно любому читателю, с детства любящему Родину, родную речь, свой народ. Вся эта грамота – еще и мифологическая, мудрая. Эпос и энциклопедия – о корнях русского народа, о детстве всего человечества.

ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ

**Рассказы, сказки,
былины, были, сказания**

Белый гриб – всем грибам полковник

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

БАБУШКИНО СОЛНЦЕ

Тень да тень –
Целый день.
Что тебе, синичка,
Птичка-невеличка?
Песенка, как лесенка:
Тиу-тиу, тень да тень,
На сугробе полутень,
Под сугробом спрятан пень.
Как начнет ворочаться,
Птичкам кушать хочется.

«Тиу-тиу, пинь да пьень,
Я не ела целый день.
Поиграю в ладушки,
Помогу-ка бабушке.
Тиу-тиу, пинь да пьень,
Отряхну-ка всю сирень,

Обогрею ей плетень.
Бабушка, хорошая,
Покорми нас крошками.

Тиу-тиу, тень да тень.
Пиу-пиу, пьень да пень.
И в мороз поется
Птичьему народцу.
Оттого что бабушка
Испекла оладушка,
Надавала внучеку:
«Угости голубчиков».

От блинков горяченьких
Песенке тепло.
И морозец прячется где-то за село.
И текут сосулечки,
Ручеек по улочке.
И висит вверху один
Самый пышный, самый жаркий,
Самый круглый, главный блин.

Чистит птичка перышко,
Машет им в оконце:
«БАБУШКА, ХОРОШАЯ,
ИСПЕКЛА НАМ СОЛНЦЕ!»

*А это луч Денницы,
после ночного сна*

РОДИНА

И океан над нею вспенится,
И звёзды рухнут в тишине,
Но никуда она не денется,
А потому что вся во мне.

Не пугайте нас, звёзды!
Пока мы дети, мы ничего не боимся!

Миша Кнопочкин: «У нас на огороде».

Автор: «Как и в книжке – рассказ за рассказом».

Предисловие

По книжкам, как по лесенке

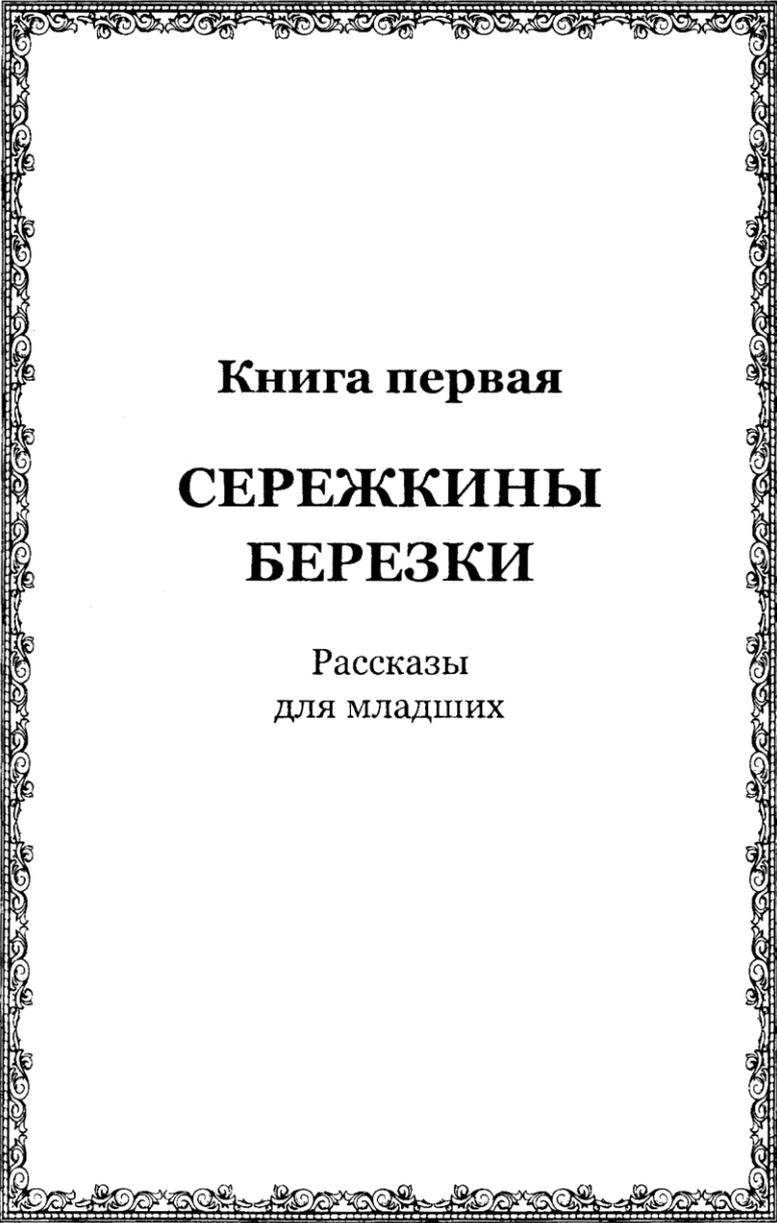
В этот том рассказов для детей разных возрастов и для взрослых вошли семь книг. Как по лесенке, идет по этим книгам человек, подрастая и подрастая. Сначала это книги для самых маленьких: «Сережкины березки», «Тыква на яблоне», «Миша Кнопочкин с трубочкой», «Грибное счастье». Затем человек становится все старше и старше – «Три белых коня». Потом это книга уже для детей среднего возраста и взрослым о детях – «Анечкино письмо». И под конец, когда человек совсем повзрослеет, ему предлагаются малые драмы «Азов-Азовушка». А когда этот человек еще и поумнеет, то книга «Русские люди» – мифологическая энциклопедия с моими объяснениями. Тут и сказки, былины, сказания из сборника русских

народных сказок Афанасьева, и разумное осмысление духа и быта русского народа. Давным-давно, когда человек был настолько слит с природой, что представлял с ней единое целое. И это называется такими учеными, как Лосский, «детством человечества».

Так по ступенькам, как по лесенке, и пройдет читатель вместе с автором по всему этому семи-книжию из рассказов, сказок, былин и сказаний. И придет человек к самому себе, к осмыслению себя в этом непростом, поэтическом, человеческом мире людей.

От автора.

Книга первая

СЕРЕЖКИНЫ

БЕРЕЗКИ

Рассказы
для младших

*Миша Кнопочкин (своей подружке):
«Две березы за хатой моей деревенской».*

КОЛЬКА-ЧЕМПИОН

Кольке всего шесть лет. Но он уже человек. Недаром в ордер, когда Смирновым давали квартиру, вписали и его, Кольку.

Здорово живется ему в большом новом доме. Во весь двор огромный каток. А народу на нем — тьма. Особенно полно после четырех, когда кончают смену рабочие из соседнего общежития. Как защелкают клюшками, как замелькают на льду красные, синие, зеленые шапочки.

Дядя Андрей из соседней квартиры тоже любит кататься. Коньки у него чудные какие-то — длиннющие, наверное, с метр. И острые, как бритва. А ботинки — во! С корыто. Сам дядя Андрей говорит, что номер у него «сорок последний, растоптанный».

Дядя Андрей катается поздно вечером, когда на катке уже мало народу. Ложась спать, Колька видит внизу, за окном, под электрическими столбами, быструю черную тень. Говорят, дядя Андрей — чемпион, и он тре-ни-ру-ет-ся.

Кольке тоже хочется стать чемпионом. А у него нет даже «снегурок». У отца лучше и не просить,

неделями пропадает в командировках. Мать уходит в школу затемно и когда возвращается – на улице также темно. Бабушка говорит про нее, что она нервная. Лучше не надоедать маме, попадешь еще под горячую руку... Всю ночь Колька мечется в постели, а утром вскакивает раньше всех. На лестничной площадке замечает приоткрытую дверь, а в коридорчике за дверью – коньки. Те самые – длиннющие, острые. Только надень их – и понесут в тридевятое царство, в тридесятое государство, за синее море, за высокие горы. «Я же на полчасика, – переминается с ноги на ногу Колька, – возьму и назад. И никто не заметит... Я же на полчасика...»

Он хватает ботинки за длинные языки и, перепрыгивая порожки, слетает во двор. На каток. Не разуваясь, всовывает свои подшитые валенки прямо в ботинки и утопает в них. Зашнуровывает почти у колен. Первый шаг и – носом. Он старается не плакать, но слезы выступают сами собой. Когда он поднимает голову, над ним высится дядя Андрей.

Дядя Андрей подхватывает Кольку за воротник, ставит на ноги и – хохочет. Да так сильно и заразительно, что где-то на четвертом этаже от-

крывается форточка и чей-то голос встревоженно спрашивает:

– Что такое!..

– Ну вот что, чемпион, – говорит, отдышавшись от смеха, дядя Андрей. – Коньки эти не подходят тебе, велики, покатаешься – отнесешь на место, а завтра я достану тебе «снегурки». Идет?

– Идет, – шепчет обрадованный «чемпион» и утирает слезы.

«ДУХАНЧИКИ»

Алька знает Африку еще с прошлого лета. А теперь он старше ровно на год и, конечно, в сто раз умнее. Потому что с папой они прочитали сто книжек про Африку. Про доктора Айболита, про страшного Бармалея, про доброго шоколадного мальчика Фикки, который никогда не видел шоколада, и про птичек, которые улетают на зиму в Африку. Стоит папе взять газету в руки и сказать слово «Африка» – Алька вот он, читай всю газету. Алька знает всего-то две буквы – «А» и «Ф», Стоит Альке увидеть их где-либо рядом, он тут же тянет это свое сокровище папе. И читают они га-

зеты, журналы, даже самые толстые книжки, где есть это слово – «Африка».

А сегодня папа пришел с работы красивый и радостный. Положил перед Алькой кулек, а в кульке – золотые шары.

– Вот, – сказал, отдуваясь, папа. – Купил. Апельсины из Марокко.

Алька был равнодушен. Папа даже обиделся.

– Африканские, – быстро поправился папа. – Это тебе от доброго твоего шоколадного мальчика Фикки.

Алька взял золотой шар, повертел в руках, посмотрел снова на папу.

– Вот, – сказал, торжествуя, папа и надорвал кожуру. Запахло сильно и вкусно.

– Духанчики, – удивился Алька. – Папа, это духанчики! – затормошил он папин рукав.

После первой же дольки, захлебываясь от сладкого сока, Алька всплеснул руками и запел во все горло:

– Да здравствует милая Африка!

Ура, ура! И рада, и счастлива вся детвора!

Через полчаса кулек похудел. Алька подошел к папе, попросил тихо-тихо:

– Папа, купи мне шоколадку. Серебряную. Со слоником.

– Ну, хорошо, хорошо. Завтра куплю, – сказал папа сердито, оттого что даже сейчас Алька помнил о какой-то там шоколадке.

– Нет, не завтра, а сегодня, сегодня! – захныкал Алька.

– Ну, хорошо, – сказал папа и вернулся после работы домой с шоколадкой.

А когда папа засел за свои чертежи, Алька вышел во двор, пролез сквозь дырку в заборе, подобрался к голубятне дяди Матвея. Голуби с шумом взлетели, а в сарае закудахтали куры. На крыльце показалась соседка – тетка Настасья. Закричала звонче, чем куры, схватила Альку и притащила к папе.

– Гляди! – уперев руки в бока, грозно сказала тетка Настасья. – Сменщик-то твой... весь в тебя чужих кур гонять!

– Я не кур, – для приличия всхлипнул Алька. – Я к голубю... привязать шоколадку...

Папа посмотрел на Альку внимательно, взял за плечи, и пошли они к калитке – такие похожие, светлоголовые.

– Тьфу! – плюнула с досады тетка Настасья. – Подрос шкода на мою шею.

А папа привел Альку домой, поставил его перед собой и сурово спросил:

– А зачем ты, Алька, хотел привязать к голубью шоколадку?

Алька смотрел на него, не мигая, не опуская глаз:

– А помнишь, папа, мы читали про птичек, которые улетают в Африку, к доброму шоколадному мальчику Фикки? Помнишь, ты сам говорил: на хорошее давать сдачи только хорошим?

– Помню, – смущенно ответил папа. – Но... понимаешь... улетают в Африку осенью, а сейчас только май. Давай мы лучше напишем доброму шоколадному мальчику Фикки письмо. Оно долетит до него быстрее, чем птица.

Весь вечер Алька с папой сочиняли письмо. А когда вложили его в конверт, Алька взял оранжевый карандаш и вывел на нем вместо адреса две оранжевые буквы – «А» и «Ф». Совсем близко друг к другу. И сбоку нарисовал огромный оранжевый шар.

«ЛЮЛИ»

Ночью у Андрейки подпрыгнула температура, и мама не повела его в садик. Но сама на работу все же пошла. Андрейка поднялся с постели, прошле-

пал к окну: на улице падал снежок и было белым-бело. Соседский Витька катался на здоровеннейших лыжах. Андрейка соорудил этому Витке рожицу и поплелся на кухню. На кухне полез в стол, отыскал банку с мукой, из которой мама пекла по праздникам коржи, и стал посыпать дорожку. Потом вытащил санки...

– Ах ты, горе мое невоспитанное! – неожиданно появившись в дверях, всплеснула руками мама.

– Я не горе, – ответил Андрейка, незаметно отряхивая штанишки, – я просто делаю снежную горку.

– Все равно невоспитанный. Что скажет папа, когда вернется из командировки?

Андрейка опустил голову: маме, конечно, виднее.

– Мы приготовим папе сюрприз, идет?

В свои четыре с половиной года Андрейка хорошо знал, что сюрприз означает подарок, а подарки он очень любил и сам.

– Приготовим? Па-а-пе? – протянул он чуть разочарованно.

– Ол-ля-ля! – подхватила мама Андрейку закружила по комнате. – Мы выучим десять слов по-французски, мы удивим нашего папу...

Вечером начался первый урок.

– Это лё тапи, – показывала мама на стенку возле кровати.

– Никакие не «лё тапи», а вовсе мой коврик.

– По-русски, разумеется, коврик, а по-французски «лё тапи», ясно?

Ясно, конечно. Разве же переспоришь маму? Папа и тот иногда сдается. Андрейка морщился в размышлении: «Чудно как-то, коврик и – «лё тапи»...»

– А вот я у папы спрошу, – решительно заявил Андрейка.

– Не разговаривай! Повторяй за мной: мячик – ля баль, кроватка – лё ли...

– Кроватка – люли! – произнес уныло Андрейка.

– Да не люли, а лё...ли! – раздражаясь, сказала мама. – С чего это, скажи на милость, люли?

– Люли, – повторил вслед за мамой Андрейка и заплакал.

Наутро мама укутала его потеплее, сунула полмышку книжку с цветными картинками и оттащила к соседке.

– А-а, Андрюшенька пришел, – запела, засуетилась соседская – Витькина бабушка. – Сейчас Витя покажет тебе ракету... Витька!!

Андрейка хотел ему, как и вчера, скорчить рожицу, помешала бабушка. Андрейка протянул принесенную из дому книжку, попросил пожалобнее, как просил только маму, когда очень хотелось послушать про французского короля, у которого росли ослиные уши:

– Почитай, бабушка.

Бабушка долго всматривалась в написанное. Потом надела очки. Потом сняла их.

– Не вижу я что-то, внучек. Стара стала... Вот Витька этот мастак.

Витька важно взял у бабушки книжку, смерил Андрейку презрительным взглядом: он, Витька, как-никак ходил уже во второй. Витька взглянул на страницу. Наклонился пониже, растерянно переревел глаза на Андрейку.

– Ну, чего ты? – спросил Андрейка.

– Я сейчас, сейчас, – заторопился Витька. – Тут только буквы какие-то... кверху ногами.

– Переверни книжку, – посоветовала бабушка.

– А ну, дай, – протянул руку Андрейка и повел пальцем по строчке. – Люли... лю-ли...

– Батюшки свет! – ахнула Витькина бабушка. – Никак по-заграничному писано... Карапуз – и ведь читает по-ихнему! Вот оно как в ученых-то семьях. А что это, милый, будет люли-то?

– Автомат, – не моргнув глазом, ответил Андрейка.

– Автома-ат?.. Глади-ка, – умилилась старушка и, повернувшись к Витьке, больно дернула его за ухо. – А ты, идол, только на шкоду!

Витька потрогал ухо: плакать, да еще при Андрейке, никуда не годилось.

– А у моего брата есть лыжи, – заметил он грустно.

– А у меня автомат.

– А у меня пушка, во! Она посильнее твоего автомата.

– А мой папа приедет из командировки и забросит твою пушку, ого-го куда, через крышу.

Папы у Витьки не было, и как-то обидно вдруг стало от этого Витьке, схватил он Андрейку зашиворот, и они покатались по полу.

Вечером пришла Андрейкина мать. Андрейка отвернулся к стене: он ждал ее, ждал вот уже два часа, и горло болело, и хотелось домой...

– Сын, – сказала усталая мама, – я не могла раньше.

Он не стал пить даже кефир, сидел на кровати своей в серой пижаме – маленький и несчастный.

– Ну, Андрейка, Андрей! – тормошила его мама.
– Ну, давай, давай почитаю... А лучше закрепим пройденное. Так как по-французски «ковер»?

Андрейка молчал.

– Ты слышишь? Я спрашиваю! – голос ее сделался тверже. – Как будет «ковер»?

– Лё ковер, – уныло ответил Андрейка.

– Что я слышу! – схватилась за голову мама. – Нет, вы только послушайте... Да легче слона научиться, чем тебя.

Губы у Андрейки задержались, глаза налились слезами.

– Лё тапи, – сказал он. – И еще есть ля баль и люди.

А ночью ему мерещилась Африка, где ужасно большие слоны с ужасно большими ногами хотели затоптать и его, и маму, и Витьку...

А утром как продолжение сна Андрейка увидел папу.

– Ты? – облегченно вздохнул Андрейка и протянул руки.

Мама подошла к мужчинам, весело подмигнула Андрейке:

– А ну, что мы приготовили папе? Скажи нам, как будет «кровать»?

– Как же еще? Кроватка, – схитрил большеглазый Андрейка.

Папа только пожал плечами. А когда мама вышла на кухню, Андрейка положил папе руки на плечи, сказал папе:

– А давай-ка лучше с тобою по-русски... Я песню новую выучил. – И запел хрипловатым баском:

– Три танкиста, три веселых друга – экипаж машины боевой... И мой велосипед.

– А при чем тут велосипед? – спросил папа и лукаво прищурился. – Разве велосипеды боевыми бывают?

– Это просто песня такая, – ответил Андрейка. И наклонился, зашептал папе на ухо: – А правда, папа, – мама говорит, ля баль – это мяч, лё тапи – ковер, а кроватка – люди?

КНИЖКИНЫ ВИТАМИНЫ

Когда-то я подарил Гошке азбуку. Большую чудесную азбуку с огромными буквами. И все мечтал, когда научу Гошку складывать из них не просто домики и заборчики...

А теперь Гошка сам складывает слова. Слева направо и справа налево. Но книжки сам читать

почему-то хочет. Ждет, чтоб читала мама. Вот и сейчас я положил перед ним новую книжку, а Гошка тянет к окну. Там черемуха, там чирикают воробьи.

– Мама пришла! – кричит он. Мама в дверях. Идет, на ходу припевает:

– Козлятушки, ребятушки, ваша мама пришла, молочка принесла.

И достает из волшебницы-сумки клубнику, черешню, смородину. Замечает на столе раскрытую книжку, видит кислого Гошку и говорит укоризненно:

– Опять ты, папа, ребенка мучаешь?

И сажает надутого Гошку за маленький столик, ставит перед ним яркую чашку с клубникой, черешней, смородиной.

– Ешь, милый, ешь витаминчики.

– А зачем в ягодках витаминчики? – интересуется Гоша.

– Чтобы их ели дети.

– А зачем их едят дети?

Мама смотрит на чересчур уж серьезного Гоку, и ей становится очень смешно,

– А чтоб они, – смеется мама, – были веселыми, как Буратино.

– Как Буратино? – удивляется Гошка.

– Чтоб они были добрыми, как Айболит.

– Как Айболит? – просияв, улыбается Гошка.

– Чтобы они были большими и сильными, как дядя Степа.

– Как дядя Степа, ура! – вскакивает из-за стола Гошка.

Через пять минут ягоды съедены, и Гошка живо усаживается в кресло, ожидает, когда же он станет большим и сильным, и добрым, и смелым. Но время идет, а большим он почему-то не делается. Сильным – тоже. А веселым? Эх, чем больше сидишь, тем становится все скучнее. А когда мама ушла до самого вечера к бабушке, так и вовсе делалось грустно,

– Что, Гошка, плохо? – говорю я ему. – Плохо без мамы? И витаминчики не помогают?

– Не помогают, – вздыхает Гошка. И вдруг меня осеняет.

– И не помогут! – говорю я решительно. – Потому что... потому что мама забыла про волшебную книжку. В книжке тоже, брат, витаминчики. Да что ягоды без этой вот книжки! А чтоб кушать книжкины витаминчики, надо сначала научиться читать...

– А зачем кушать книжкины витаминчики?

– А чтоб ты был веселым, как Буратино.

– Как Буратино? – смотрит недоверчиво Гошка.

– Чтоб ты добрым был, как Айболит. Большим и сильным, как дядя Степа.

– Как дядя Степа? – просияв, улыбается Гошка.

– Да, самым умным, самым честным, самым сильным и самым веселым. Если кушать не только ягодки, но и книжкины витаминчики.

– А ты уже умный? – спрашивает, прищурившись, Гошка. – Ты веселый? Ты сильный?

– Не знаю... Но все равно, кто больше ест таких витаминчиков, тот умнее других, и сильней, и добрей. Он может раздвинуть тучи, и тогда светит солнце. Сможет стать капитаном... Вот какие они, эти книжкины витамины.

Теперь Гошка сам часто бежит ко мне со своей книжкой, просит послушать, как он читает. Мама лишь удивляется. Мама не знает, что Гошка хочет раздвигать тучи, хочет в море, очень хочет стать капитаном.

О ТОМ, КАК ПОДРОСЛА РУБАШКА

На ночь мама искупала Лешика. Одеда в чистенькую рубашечку. Передала папе:

– Вот тебе, папа, твоё сокровище. Сегодня суббота, разрешается Лешiku посмотреть телевизор.

– Но ведь передача не детская, – возразил папа.

– Нет, детская, детская, – захлопал в ладоши Лешик и побежал усаживаться на диване.

– А почему там в телевизоре дядя в погонах? – спросил он через минуту.

– Потому что дядя – солдат, – ответил Лешiku папа.

– А почему он стоит с ружьем?

– Потому что охраняет нашу границу.

– А почему он охраняет нашу границу?

– А потому что потому, – отвернулся папа и зашелестел свежей газетой.

Папа читал, мама гладила. И было тихо-тихо. Никто по комнате не ездил на тракторе, не летал в самолете, не стрелял во врагов...

– А где же Лешик? – заметила мама.

– Да, действительно, – сказал папа.

Лешика нашли в спальне. Он добровольно стоял в углу, возле игрушек, куда ставили его иногда папа и мама.

– Что ты, Лешик? – спросила ласково мама. – Почему ты в углу?

Лешик потоптался на месте, поднял голову, посмотрел ясным и искренним взглядом.

– Потому что я охраняю границу.

– А почему ты охраняешь границу? – приняла его игру мама.

– Потому что я солдат.

– А почему ты солдат?

– А потому что потому, – отвернулся Лешик и поправил на плече свой игрушечный автомат.

– Э-э, – покачал головой папа, – так, малыш, с мамой не разговаривают. Какой же ты, выходит, солдат.

Лешик потрогал погоны, погоны были на месте. Подпоясался ремешком и... заметил, что рубашка, его любимая зеленая рубашка с погончиками, стала короткой, выскакивает из штанишек.

– «Вот видите, – смотрел Лешик на маму и папу, – я уже не малыш. Только какой же я в самом деле солдат в такой вот рубашке?» – «Конечно, – соглашались папа и мама, – с формой у тебя не порядок».

– Завтра я куплю тебе другую, новую рубашку, ~~ наконец, сказала вслух мама.

– Не хочу другую, хочу эту... с погонами. Хочу, чтоб она стала большой. Хочу стоять на границе...

– Ну, хватит, – остановил Лешика папа. – Тебе, я вижу, пора спать.

И едва Лешик задышал в кроватке глубоко и спокойно, как мама взялась за рубашку. Достала зеленые нитки, отыскала зеленый клочок. Вертела его так и этак. Папа помогал маме советами, честно сидел допоздна.

А утром, как только проснулся, Лешик протянул к стульчику руку, нащупал рубашку и сразу надел ее.

– Смотрите! – закричал на всю комнату Лешик. – Рубашка моя подросла!

– Неужели подросла? – прибежав, удивились папа и мама.

– Да, подросла, – закивал светлым чубчиком Лешик. – Гляньте, с края какая яркая, какая зеленая.

– Это новая форма такая, – вздохнула мама. – Солдатская-пресолдатская.

– Солдатская-пресолдатская! – запрыгал от радости Лешик.

Теперь, когда к Лешику приходит Сережа, Лешик не всегда сломя голову летит с ним во двор. Он стоит с автоматом у ящика, в котором игрушки. Очень важный и очень серьезный.

– Почему ты в углу – наказали? – ехидничает Сережка.

Лешик смотрит на него свысока:

– Потому что – видишь, погоны? Лешик – солдат.

– А почему ты стоишь с автоматом?

– Потому что охраняю границу.

– А почему охраняешь границу?

Лешик с минуту молчит, размышляет. Потом трогает ящик:

– А потому что здесь все друзья мои – Буратино, пудель Артемон, железная дорога, молоток и автобус.

ПОДАРОК

Егорка скользнул в ворота парка и неожиданно в середине главной аллеи увидел елку. Кланяются земле мохнатые лапы, тенькают на ветру сверкающие шары. Чтобы лучше разглядеть их, Егорка приподнимается даже на цыпочки.

– Эй, берегись! – слышит он сзади предостерегающий крик.

И сани с детворой проносятся мимо под самой елкой.

– Выгружайсь! – командует возчик, и Егорка узнает в нем Петькиного отца.

– Амба! – хрипит простуженным голосом Петькин отец. – На этом, граждане, катание закругляю.

– Ну, как же, – подступают родители, – дети мерзли... дети так ждали...

– Ждали! – сердится простуженный голос и тычет кнутовищем Егорке прямо в живот. – Вот это пузо, небось, пряниками набито, а моему мерину солома и та в праздник... Продрогли, говорю, верно, Васька?

Мерин Васька стоит, опустив крупную голову, едва не касаясь снега отвислой губой. Лишь изредка от взрывов смеха он дрожит местами мелкой дрожью, беспокойно прядет ушами. Егорка трогает Васькино брюхо, похожее на бочку из-под капусты, проталкивается вперед, гладит Васькину челку. Васька подбирает губу глядит таким благодарным, почти человеческим взглядом, что у Егорки щекочет в носу.

Целый день Егорка думает о Ваське, неужели Васька всю жизнь ест только солому? Неужели никогда-никогда не пробовал пряников – таких замечательных мятных пряников, которые мама иногда приносит Егорке после работы? И зимой, и летом возят на Ваське воду из речки и во рту у него железка...

Вечереет. Видит Егорка в окно: Петькин отец подъехал на Ваське к «Закусочной». И стоит Васька час, стоит два. Пороша ложится на сани, на рыжую гриву, а шея все ниже, губа касается снега.

– Егорушка! – вбегает в комнату счастливая мама. – Гости пришли!!

Гости – это детсадовские товарищи, соседи по дому: Никита, Петька и Леночка. Мама зажигает на елке огни, и все начинают прыгать-носиться, шуметь и скакать вокруг елки. Всем ужасно весело и хорошо. Потом мама и говорит:

– Сейчас, дети, дедушка Мороз принесет вам подарки.

И сама уходит на кухню, а оттуда с маминой сумкой и кочергой вышагивает Дед Мороз. Но Егора не проведешь: это, конечно, мама. Просто переоделась в свой больничный халат да надела маску.

Мама раздает всем гостинцы в хрустящих пакетах. Сквозь прозрачные стенки пакета Егорке видны зефир и яблоко, его любимые мятные пряники. И снова вспоминает Егор бедного-бедного Ваську, который никогда в жизни не пробовал пряников.

После ухода гостей Егорка отчего-то расплакался и никак не хотел ложиться в постель. Согласился только после того, как мама сказала:

– Если будешь послушным, этой ночью Дед Мороз принесет тебе у-ди-ви-тельный подарок!

Лежит Егорка в постели и думает: «А какой хоть он, Дед Мороз? Наверно, большой, как Спиридон Тимофеич... И добрый. Потому что вон сколько людей, и каждому нужен подарок...»

Егорка решает этой ночью не спать: подкараулить Деда Мороза, хоть одним глазком увидеть его, настоящего-то. Скрипнула дверь – мама! Егорка притворился спящим, даже зачмокал, как будто во сне, губами. С минуту мама смотрит на него, Егорке кажется даже, что она загадочно улыбается. Потом мама вносит что-то большое и серое, ставит рядом с кроватью. Сквозь ресницы Егорка успевает заметить, что это деревянный конь с белой гривой, который так понравился ему когда-то в универмаге.

Но радость вся пропадает, Егорка скучнеет, сделав открытие: оказывается, и не какие не Деды Морозы приносят в новогоднюю ночь подарки. А может, и вовсе нет Дедов Морозов?

Вздохнув, Егорка поворачивается к стене, хрустит пакетом с мятными пряниками. И опять вспоминается Егорке тот, живой мерин Васька. Бедный-бедный Васька! Никто не принесет в эту

ночь никакого подарка, Васька так и не отведаёт пряников... А Петькин отец за окном вон заходит в столовую...

Егорка встает с постели. В доме все тихо. В сумерках ищет валенки, стягивает с вешалки шубу и шапку.

На дворе лунно и сказочно. С неба кто-то, словно с серебряной скатерти, стряхивает вниз тонкую пыль на новогодние крыши, на куст сирени, на будку Шарика, на Егоркины плечи.

Егорка крадется по улице. В тени домов чудятся ему ведьмы и лешие, жутко Егору! Подгибаются ноги, руки вцепились в хрустящий пакет. Вот и Петькин забор. А вот и сарай. Дверь приоткрыта. Васька, наверно, спит. Собравшись с духом, Егорка ныряет в черную щель. К нащупывает кормушку, кладет на солому мятные пряники. Облегченно вздохнув, улыбается своим мыслям: «Пусть Васька завтра подумает, что ночью к нему приходил Дед Мороз».

У ЛУКОМОРЬЯ

Вечером папа сказал, что завтра они с Гошкой пойдут провожать русскую зиму. Гошка сейчас же

побежал похвалиться соседскому Вовке, который был на год старше и потому дружил только с Костей. Вовка сидел в кресле с двумя пистолетами и не очень веселый.

– Я придумал игру такую – дуэль, – сказал он. – Я Пушкин, а бабушка не хочет Дантесом... Давай будем играть с тобой? На пистолет.

– Давай, – согласился Гошка и щелкнул курком.

– Я буду Пушкиным, – сказал Вовка, – а ты Дантесом.

– Не-ет... Я не буду Дантесом.

– А какой же ты Пушкин? – хитровато прищурился Вовка. – У тебя даже волосы не вьются.

Гошка потрогал свои прямые белесые волосы, однако упрямо покачал головой.

– Ну, ладно, – вздохнул кудрявый, многоволосый Вовка. – Будь Пушкиным, и я тебя... и... и...

– Поднялись в руках пистолеты: бах-бах!

– Падай, Гошка! – закричал Вовка. – Ты же Пушкин, тебя застрелили!

– Нет, это ты падай.

– Но ведь я же Дантес, а ты Пушкин, и тебя застрелили.

– Не хочу падать, – сморщился Гошка, и губы его задрожали. – Не хочу, чтобы Пушкина застрелили...

Было тихо. Тикали бабушкины часы. Где-то далеко ехал трамвай. Гошка подошел к Вовке, опустил глаза, в которых стояли слезы, и сказал:

– Ладно, Вовка, я буду Дантесом. – А потом совсем тихо: – И давай мы лучше застрелим Дантеса...

Ночью Гошка спал плохо. А утром, едва, лишь проснулся, сразу к папе:

– Ну, поедem провожать русскую зиму?

А на улице было, как в сказке. Под солнцем все искрилось и переливалось. С неба сыпались сухие морозные блестки.

Возле парка было много народу. Бегали тетеньки в ярких одеждах, играли гармошки. Рядами вытянулись самовары, попыхивали загнутыми трубами.

– Выпьем чаю с дымком? – подмигнул папа Гошке.

– Выпьем, – ответил Гошка.

– Съедим русских блинов?

Гошка живо начал снимать рукавички.

Крутились карусели, гремели оркестры, дяди лезли на столб за подарком. А папа с Гошкой нашли над обрывом беседку и смотрели далеко-далеко по заснеженной речке, словно прощались с зимой.

Потом купили у тети Снегурки книжку Пушкина. Прямо здесь и читали:

– У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том.

А когда уходили домой, уже возле почтамта папа взял сынишку за локоть:

– Ну-ка, посмотри вон туда... Угадай, кто это?

– Пушкин! – Гошка даже подпрыгнул от радости и восторга.

На грузовике стоял дуб, обвитый золотой цепью, а рядом сидел на скамейке сам Пушкин. Пил чай. Гошка подтащил папу поближе и, засмеявшись, позвал:

– Пушкин, а Пушкин!

Пушкин наклонил свою черную шляпу и улыбнулся, помахал, уезжая, белой перчаткой.

Едва добрались на трамвае домой, Гошка тут же побежал к соседскому Вовке:

– А мы были у лукоморья, провожали русскую зиму, и я сам видел Пушкина, и он помахал мне перчаткой. Значит, Пушкин живой!

ЗЕЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ

Ур-ра-а! Они ехали, в отпуск. Папин и мамин. Мамин и папин. И еще, конечно, его, Антошкин,

потому что воспитательница Светлана Андреевна, прочитав заявление, сказала папе и маме:

– Ну, что ж, и Антошке полагается отпуск. Он честно ходил зимой в садик.

А Антошка знает, как честно: болел и ангиной, и гриппом, и даже свинкой. Потому и спорили перед отпуском мама и папа, все решали, куда лучше ехать. Мама была за Крым. А папа тянул в свою деревеньку, где прошло его детство. Под конец он успел шепнуть Антошке, что научит его там одной интересной игре такой – в зеленые стрелы. И хитрый Антошка сказал маме, что лучше в деревню.

Папа улыбался. Антошка вертелся на деревянном сиденье, подгонял почему-то медленно мчавшийся поезд и думал: «Как интересно, что папа был маленьким, жил в деревне и играл в зеленые стрелы».

А потом шли пешком, оказалось, дедушка живет не в самой деревне, а папа сказал – на кордоне.

Папа поставил чемодан перед дверью: на двери висел огромный замок. Все с упреком посмотрели на папу, мама даже хотела что-то сказать, и папа немножко расстроился, подмигнул погрузневшему Антошке, нагнулся и отвернул у крыльца большой серый камень-валун. На бледной траве Антошка увидел серебряный ключ.

В доме было прохладно и сумрачно. На стене висело ружье – двуствольное, как у Антошки, но только большое, наверное, настоящее. Кошка лала под столом молоко.

– Старина должен быть где-то поблизости, – сказал папа.

Антошка тут же отправился осваивать новые земли. Он погнался за красивой бабочкой, а когда бросился за ней на лопух, перед самым носом увидел две ягодки. Антошка оторопел: до сих пор он знал, что ягоды приносят из магазина, а тут висят себе просто так, под открытым небом, на тоненьких ножках – срывай губами и ешь.

А чуть дальше краснели еще и еще. Крупные, теплые.

– Антошка, – услышал он папин голос.

Антошка слегка приподнялся и – что за чудо? – все ягоды сразу попрятались. Как ни в чем не бывало, зеленела трава. Антошка снова прижался к траве – снова все загорелось.

– Ну как, привыкаешь? – разыскал его папа.

– Угу, – набив рот, не сразу ответил Антошка и повернул к нему перепачканное лицо. – А про зеленые стрелы забыл?

– Нет, Антошка, я не забыл, – сказал папа задумчиво. – Только мама у нас сегодня сердится... Ну, хорошо. Расскажу тебе про зеленые стрелы. Идем.

Они подошли к огромному дубу, под которым скрывался весь дедушкин домик, и присели на кочку.

– Ты, мой мальчик, уже подрос, – посмотрел папа внимательно на Антошку. – Вот и пришла пора рассказать тебе эту сказку. Я ее слышал от дедушки, а мой дедушка тоже от дедушки. Давнишняя сказка...

Так вот. В давние времена пришли с Востока враги – несметные полчища. Вставали на их пути наши деды, но по одиночке. И чуть-чуть не выпили степные кони наши глубокие реки, не топтали наши широкие степи, но тут собрались наши деды все вместе, и каждый вырезал из дуба стрелу. И взвились в тучи острые стрелы, в там, где упала стрела, погиб вражеский воин и выросло дерево. Дерево к дереву – лес. Вот почему у нас на земле столько непроходимых лесов... Говорят, и наш прадед Степан стрелял во врага, и упала, его стрела в это вот место, и вырос из него этот дуб...

Антошка поднял глаза: дуб как дуб, только огромный, почти до самого неба.

– Ну, а дальше, – продолжал папа торжественно, – каждый пускал зеленую стрелу, каждый свое и загадывал. А загадывала только хорошее, только то, от чего польза людям...

Папа срезал с ветки молодые побеги, сбил ножом листья – получились стрелы, зеленые стрелы. Потом согнул палку, притянул концы бечевой – получился лук, замечательный лук.

– На, Антон, – сказал папа. – Это оружие. А с оружием надо быть мудрым.

Антошка вертел оружие так и атак. Даже вспотел. Но все же освоился. А освоившись, пошептал что-то и натянул тетиву. Стрела упала на огород, воткнулась в мягкую землю. Не успел Антошка кинуться следом, как совсем рядом раздался выстрел. Потом второй. Кто-то бежал с дальнего края поляны, размахивая руками.

– Это отец! – закричал радостный папа. – Отец!

Лес повторил: «...те-е-е...»

В доме пошел дым коромыслом, мама двигала чемоданом с гостинцами, папа и Антошка мешали

ей, а дедушка вытаскивал из сумки красноглазых живых окуней и все сокрушался:

– Да как же так получилось, что мы разминулись? Я же, слушай сюда, за вами до станции. А вы-то какой дорогой?

– Степной, отец.

– Степной! – взмахивал руками дедушка. – Да весной, слушай сюда, вдвое короче. Ай, Петро, Петро, или стал, милый, леса бояться?

А городские сидели уплетали свежеподжаренную рыбу и озорно переглядывались. Один только Антошка знал, почему маме стало так весело, почему она ласково смотрит на Антошку, на дедушку и даже на папу. Просто потому, что очень хорошая вещь – эти зеленые стрелы, на которые стоит только лишь загадать... А утром, после завтрака, дедушка снял со стены ружье, стал собираться на Бобровую речку. Антошка с папой провожали его до кривой, разбитой грозой, сосны. Дедушка шел, хромя на правую ногу.

– Что, отец, крутит? – спросил его папа сочувственно.

– Крутит, сынок, крутит берлинская рана. К дождю, верно.

Через день из деревни пришла тетя Фекла, принесла кубан молока и кучу деревенских но-

востей. Под конец рассказала, что к Авдотье приехал сын-офицер, говорил: на границе опять неспокойно.

– Сидим тут без газет и без радио, – вздохнула мама. – Надо хоть в библиотеку сходить. А то земной шарик где-нибудь лопнет, через месяц узнаешь.

– А он никогда не лопнет, – живо Антошка.

– Почему это?

– А потому... потому, – сказал он решительно, – что у меня есть зеленые стрелы.

Мама засмеялась, а дедушка внимательно посмотрел на папу.

Антошка совсем тут освоился. Сам мастерил себе из дубовой ветки стрелы и пускал далеко-далеко. А когда сегодня он прибежал за стрелой к старой березе, перед ним вырос чужой рыжий мальчишка.

– Ты чего тут... стреляешь? – грозно надвинулся на него этот рыжий.

– Это игра такая, – ответил Антошка с достоинством. – Выпустишь эту стрелу – там, где она упадет, вырастет дерево. Но загадывать надо только хорошее.

– Ерунда все это, – покосился на Антошку рыжий мальчишка. – А зовут тебя как?

– Меня? Антошка.

– Ф-фи, Антошка – тошка-картошка, – зафыркал кто-то в кустах.

– Антошка – это еще ничего, – уже мирно сказал рыжий мальчишка. – А меня зовут Снопик. Вишь, какой я соломенный? Петька, говорит, солнцем паленый...

Из кустов вылезли сразу три девочки.

– А мы первые прибежали сюда, мы первые, а воспитательница вторая.

– А вы тоже тут ходите в садик? – удивился Антошка.

– А-а, – махнул на них Снопик, – они еще маленькие. Батька говорит, осенью я уже в школу пойду... А ну, дай-ка и мне стрелу.

Антошка дал Снопику лук, а потом разрешил девочкам. Зеленые стрелы взлетали в синее небо и падали за кусты, на кротовые кочки, в траву. Все бегали, все смеялись. И Антошка с сожалением думал, что скоро ему возвращаться в город, а когда придет когда-либо снова, на поляне – там, где падали стрелы, уже будут деревья. Огромные, как эти дубы-великаны, которые все тут, выросли, наверно, из таких же вот тоненьких стрел.

Лес шумел каждым дубом. Каждый дуб шелестел сказкой про зеленые стрелы.

ВОЛШЕБНЫЙ БИНОКЛЬ

Папа купил Димке бинокль. Все мальчишки за Димкой гурьбой. Димка дал посмотреть в бинокль Тосику Белкину. Тосик поморщился:

– Фи, не настоящий! Нет даже стекол. Все в нем не интересно.

– А вот интересно! – вспыхнул Димка. – Он волшебный. Только, папа говорит, в него надо уметь смотреть... Айда! – повел он мальчишек за огороды.

Трещали кузнечики, шевелилась трава.

– Давайте, – сказал Димка, – по очереди. – И первому подал бинокль Веньке Веснушкину. Смотрел-смотрел Венька...

– Что ты видишь? – спросил его Гринька Любимцев.

– Огород.

– А на огороде?

– Морковку... А еще бабку Лукьяниху, она полет морковку.

– Дай-ка мне, – протянул руку Димка. – И я вижу бабку Лукьяниху... На лице, гляди, сколь-

ко морщинок. И еще бабушкины руки трясутся...

– Теперь ты, – сказал Димка и подал бинокль Гриньке Любимцеву. Смотрел-смотрел Гринька...

– Что ты видишь? – спросил его Венька.

– Речку.

– А на речке?

– Волны. А еще белый корабль, а над ним андреевский флаг.

– Дай-ка мне, – протянул руку Димка и приставил глаза к биноклю. – Вижу, вижу белый корабль, а над ним андреевский флаг!

Потом постоял, помолчал. Стал рассказывать тихо, таинственно, как папа:

– Далеко-далеко течет наша речка. А за речкой – соленое море, а за морем – красивая земля. И живут там ребята, папа, говорит, – наши братья. Это они сшили белому кораблю, который уходил к нам в страну, большой андреевский флаг.

– Пусть реет, – сказал тихий Венька.

– Пусть, – согласились мальчишки.

Трещали кузнечики, синела река. Все смотрели в бинокль. И видели небо. И тучки. И последний луч солнца. И первую звездочку. И еще слышали звонкие самолеты, которые летели охранять наши

границы. И космические корабли, в которых сидели самые смелые люди.

– И я буду смелым! – сказал маленький Тосик, и никто в этот раз не засмеялся.

Домой Димка вернулся грязный и без бинокля.

– Где ты, сын, пропадал? – строго спросила мама.

– На огороде у бабки Лукьянихи. Пололи морковку.

– А где твой бинокль?

– Я отдал его Тосику. Пусть поиграет, а то он хочет быть смелым, а у него же нет бинокля...

Вечером, уже в постели, Димка позвал к себе папу и, как всегда, попросил:

– Расскажи мне про зеленые звезды, про доброго папу Карло, про самых смелых людей. Или... почитай лучше новую книжку. А то завтра мальчишки спросят: что я вижу в бинокле? Что я, папа, им расскажу?

АЛЕХА

Мы с Алькой взяли и приехали в совсем незнакомую деревеньку. Просто так, ни к кому. Отдыхать. Пришли, поставили вещи у колодезного журавля,

а какая-то бабушка нас к себе и позвала. Крыша, сказала, над головой не течет, молока коровка пока что дает, луку на грядках хватает – живите, коли понравится.

А как не понравиться? Деревенька-то вся в лесу, на берегу тихого пруда. И в доме чисто, пол деревянный, желтый весь, выскобленный. А по полу и по стенкам трава, зеленые ветки. Липой пахнет. Прямо как будто в лесу.

Не успели мы оглядеться, как глядь: на пороге... может, девчонка? Потому что хоть и в линиялом, но в платишке. А может, мальчишка? Потому что на голове хоть и драный, но все же картуз. Волосы не стрижены, коленки сбиты.

– Ты кто? – спросил Алька, весь чистенький, в своей новенькой курточке с синими якорями.

– Я Алеха, – бойко ответила девочка. И спросила:

– А мамка мне ничего не прислала?

– Н-не знаем, – пожали мы с Алькой плечами.

– Как же не знаете? – удивилась Алеха. – Она тоже в городе живет, на заводе работает. Скоро и меня к себе заберет.

– Да уж жди, – заворчала бабка Анисья, наша хозяйка, и пошла ставить на стол крынку молока.

*Яблоня из сказки.
Молодильные яблоки*

Почесала девчонка пятку о пятку, вздохнула:

– А Алеха я понарошку. Это мне папа придумал.

А потом он нас бросил, а меня привезли к бабке. –

Алеха еще раз вздохнула. – А я никого не люблю ... и бабу, потому что она дерется. Вожжами. –

Алеха посмотрела на Альку и взмахнула своим картузом. – А я сама бью всех мальчишек, а тебя, не бойся, не трону.

– Только попробуй, – поднял голову Алька. – Я одному, знаешь, как смазал.

– А ну, смажь,

– И смажу.

– Попробуй, попробуй!

– И попробую.

Алеха бросилась в дверь, Алька за ней. И – во двор. Алеха остановилась, Алька налетел на кошку, едва ли не растянулся. Кошка взвыла да на сарай.

– Кис-кис-кисанька, – протянула руку Алеха, кошка спрыгнула ей на плечо.

– Ой, а что я покажу! – зашептала Алеха таинственно и схватила Альку за майку, потащила в кладовку. Вышли оттуда они с пузырьком.

– Капли, – пояснила Алеха. – Бабкины.

Она вылила их в жестяную баночку – валерьянка! Кошка вырвалась из Алехиных рук – и к же-

станке. Заработала языком, задвигала банкой. Потом повалилась на траву и давай вертеть лапами, подмурлыкивать.

– Пьяная, – с грустью сказала Алеха. – Как папка, бывало, после получки... А смотри фокус.

Из хаты выскочила бабка Анисья. Ахнула и скрылась в кладовке.

– Побежала капли проверять, – усмехнулась Алеха. – Сейчас вылетит с палкой.

Они очутились на озере. Здесь мальчишки ловили руками раков.

– Отдай мой картуз! – подскочил белобрысый к Алехе. – Отдай!

– Догони, – засмеялась Алеха и пустилась с ног наутек. А мальчишка за ней. А Алеха бегом по бетонной раките. Белобрысый за ней. А Алеха – прыг в на нижний сучок, подтянулась и села. Белобрысый за ней, оттолкнулась Алеха и в воду – бу-у-лтых! Прямо в платье. Поплыла к тому берегу, где мальчишки ловили раков.

Возвращались под вечер. Платье Алехино было разодрано. Кое-как соединили края дыры, скрепили репьем.

– Бабка ругаться будет, – мрачно сказала Алеха.

Бабка Анисья доила корову. Молоко дзинькало в пустое ведро. Потом запело спокойней и глуше.

– Ага, заявилась, – выглянула бабка из-под коровы. – Погоди ж у меня!.. А ну, Ленка, замеси гусям, да начисти картошки, да вычисти хлев. А завтра погонишь овец на пойму, хватит лодырничать.

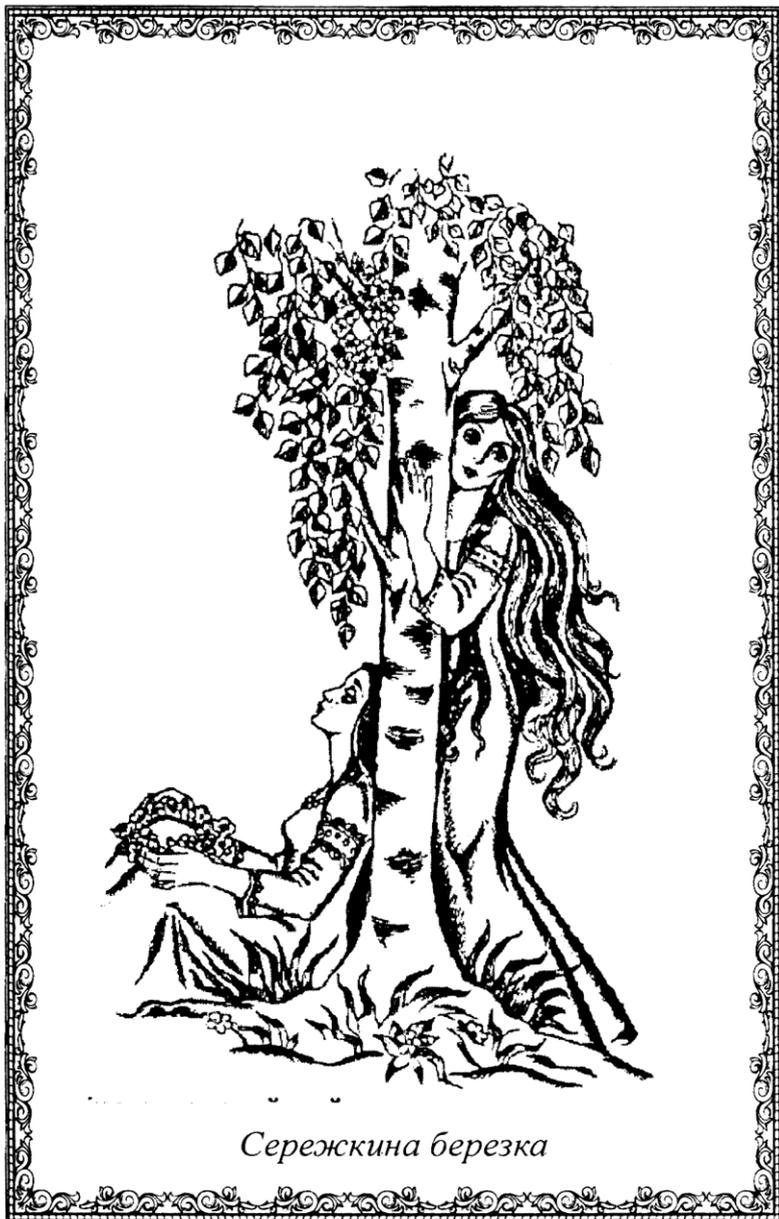
Алеха стояла покорная, тихая, согнувшись так, что на спине выперли обе лопаточки. Пошла в хату. Вынесла на порог чугунок с вареной картошкой, мешок отрубей. Одной рукой мешала гусиное месиво, другой – придерживала дырку на платье.

– Слушай, – сказала ей Алька. – Хочешь, я подарю тебе свою новую куртку с синими якорями? Наденешь ее, и бабушка ничего не заметит. – Алеха молчала. – А хочешь мы возьмем тебя с собой в город? – Алеха молчала. – Мы найдем твою маму, хочешь?

Алеха только шмыгнула носом.

СЕРЕЖКИНЫ БЕРЕЗКИ

Ай да апрель, что за славный месяц апрель! То резки стояли скучные и по пояс в снегу, а то, словно дымом, покрылись коричневым, показали раз-

Серезкина березка

утые ноги. Нам с Сережкой все из окошка видать. «Только сухо ли там, за окошком?» – гадали мы. И обули калоши – и прямо из детского садика в лес.

– Папа, идем же туда, где Солнце, – оборачивается Сережка и тянет меня по тропинке, за которой на ветках висит большой огненный шар.

– А зачем?

– Забыл? Там мы будем с тобой загорать.

Целую зиму мы с Сережкой не были на поляне. Целую зиму там гуляли колючие ветры и студили березы...

Тонет нога в прошлогодней траве, чиркает водой.

– Слышишь, Сергей? Где-то скворушка.

Сергей вертит вязаной шапкой, водит веснушчатым носом, потом смотрит себе на ноги.

– Это ж калоши, – догадывается Сережка, – мои новенькие калоши.

– Гляди, – и он трет одну о другую. Скворец затрещал совсем близко.

– Эх ты, – смотрю я на Сережку, – калоша! Со всем, брат, мы с тобой отвыкли от леса.

– Отвыкли, – вздыхает Сережка и ведет зубцом расчески по сырой земле, приговаривает: – А это, папа, железная дорога.

А железный зубец от расчески прыг да в листья – отыщи-ка попробуй.

– Ничего-ничего, Сергей, летом тут вырастет большая расческа.

Мы идем и смеемся, и рвем на пути лук гусиный. Мы идем и жуем и машем руками. Мы идем на любимую поляну, к любимым березкам. Мы увидели по дороге серо-желтую птичку, наверно, овсянку. И снова погнались за ней, а она захромала, забилась в голый малинник.

– Выздоровлявай, бедная, – сказали мы вместе с Сережкой и положили ей: я – ломтик хлеба, Сережка – гусяного луку.

А потом мы пошли дальше – на любимую поляну, к любимым березкам.

– Папа! – забежал вперед мой Сережка. – Гляди-ка, наши Анюты.,.

Три сестры, три Анюты, три любимых березки росли из воронки, по колени стояли в воде. На всех ветках, даже на самых тонюсеньких, висели сережки.

– Как красиво! – загляделся в зеркальную воду Сережка. – А как называется это?

– Это? – схитрил я. – Это... Сережкины березки.

– Да нет, не березки, – отмахнулся от их слов Сerezка, – а вот эти... шнурочки.

– Ах, шнурочки? Березкины сerezки.

Сerezка взглянул на меня: не тучу ли? Успокоившись, замахал снова рукой, запел только что придуманную им весеннюю песню:

– Ай, да-да, Сerezкины березки,

Ай, да-да, березкины сerezки...

И пошли мы с ним еще дальше, туда, где загорали все прошлое лето. И Сerezка стал вдруг снимать пальто.

– Еще рано, – сказал я Сerezке. – Холодновато.

А кругом шелестели едва уловимо березки, дрожали серой, обвисшей вокруг ствола пленкой. А под пленкой белела кожица, пахло горькими почками.

– Ой, – запнулся Сerezка. – Кто березку раскрасил?

Тут-то я и заметил, что ножка ее вся в желтом-прежелтом – мох! Чуть подальше увидели пень – старый, черный, глухой. И увидели рядышком сочный и розовый. И тогда я вдруг понял, что сегодня и вправду весна. Подошел к крайней березке и раздвинул ножичком белую корку.

– Пей! – сказал Сerezке. – Этим соком тебя угощает березка, а березку угощает земля.

Солнце село, и мы повернули обратно. И зашагал по-солдатски Сережка, замахал по-солдатски руками, запел на весь лес свою песню:

– Ай, да-да, Сережкины березки,

Ай, да-да, березкины сережки...

– А чего же ты не поешь? – остановился Сережка.

Я запел. И пошли мы вдвоем к тому дому, что и в ночь светился нам окнами, зашагали вдвоем по-солдатски:

– Мы поем хорошую песенку,

Песенку про березки Анюты,

Про хромую птичку, которой

Мы дали хлеба и гусяного луку,

И еще поем про березовый сок...

На опушке мы остановились, и я приставил к уху ладонь:

– Слышишь, Сергей? Где-то скворушка.

– Слышу, – ответил Сережка.

ГОЛУБОЙ КЛЮЧИК

(лесная сказка)

Папа взял в руки рюкзак и айда с Гошкой в лес Мурашихинский. Пришли, поставили палатку – розовую, с большими карманами.

Взяли ведро и отправились воду искать. Шли-шли, взошли на бугор. Папа звякнул ведром:

– Ну, вот и ключик.

– Где ключик? Какой? – завертел головой Гошка.

– Известно, какой – голубой.

– Голубые ключи не бывают. Бывают только железные, как у тебя. И золотые, как у Буратино.

– А вот и бывают, гляди,

Они почерпнули водички, наклонились к ведерку и пили студеную воду, пока зубы не заломило. Потом присели на поваленный ствол, папа взял Гошкину руку:

– Хочешь, сказку про голубой ключик? Ну, так слушай. Давным-давно это было. В незапамятные времена. И пошел в лес по ягоды мальчик по имени Костя...

– Как тебя звали мальчика, да? – шевельнулся Гошка.

– Не перебивай... Так вот, пошел по ягоды Костя да и заблудился. Все в лесу стало вдруг незнакомо. А тут налетел ветер – потемнело небо, зашевелилась трава. Сделалось страшно. И есть захотелось. Вспомнил Костя про корзинку свою, поел земляники. Потом захотелось пить. Идет Костя по лесу, чует, слабеют ноги. На одном бугре, чтобы

легче идти было, высыпал ягоды, на другом – пустую корзинку, на третьем – вышвырнул из карманов гайку, гвоздик и ключ. Железный ключ от квартиры. И там, где упал этот ключ, зажурчала, запела, зазвенела вода.

Костя принялся жадно пить. Оторвался и видит: вода голубая-преголубая, а по ней облака, а из облаков смотрит на него мальчик не мальчик, Костик не Костик... Пригляделся – как будто тенька. Глаза сливовые, губы вишневые, на голове все сияет. Все в росе, все зеленой косой оплетено, взгляд бездонный... Вспомнил Костя папины сказки, догадался, что перед ним сама мудрая Мурашиха.

Махнула она рукавом – звезды брызнули и упали на траву-мураву хрустальными каплями. Скользит Мудрая по муравам легким туманом – Костя за ней. Довела Мудрая до Сосновой поляны, опустилась на трон свой. А трон весь в лозинах-малинах, в ветках яблонь-дичушек, в кистях-лапах рябиновых. Видит Мурашиха: на одном плече – Ворон, на другом – птичка Юрок, перед ней самой – старичок Моховичок. Говорит Мурашиха Косте:

– Задам я тебе три задачи. Хоть одну выполнишь – отпущу с миром... Ну-ка, дедушка.

Поклонился ей Моховичок, повернул к Косте сморщенное, как у сушеного гриба, лицо.

– Сососчитай, – сказал, – хлопчик, сколько ягод в весу Мурашихинском, сколько грибов?

Постоял Костя, подумал и пошел считать. Идет себе посвистывает, справа налево поглядывает. По правую руку от грибов – серым-серо, по левую – красным-красно от ягод. Никогда бы не подумал, что столько всего, добра такого, в лесу Мурашихинском. «Ну, как? – оборачивается старичок Моховичок. – Нравится?» – «Нравится», – шепчет Костя и считает, считает.

Но там, где уже сосчитал, прорастает еще боровик, подальше (ну, на глазах прямо!), поспевая, зажигается земляника.

– Не могу, – опускает голову Костя. – Не могу сосчитать-то.

Старичок ведет Костю обратно. С кочки на кочку прыгает, о крушину тростинкой постукивает. Привел снова к Сосновой поляне...

– Что ж, – вздохнула Мудрая. – Вот задача вторая. – И качнула левым плечом. Встрепенувшись, древний Ворон прокаркал:

– А скажи, какой зверь в лесу самый хитрый?

Постоял Костя, подумал и пошел знакомиться со зверями. Летит Ворон Воронович. От дуба к дубу, от березы к березе. Костя за ним. Смотрит – куст перед им. Костя ближе еще – эх, как хватит куст от него, да в чашу! Вот так куст, не куст, а рога лося. Ну, и хитрый зверь, этот лось. А Ворон Воронович манит все дальше. Летит от рябины к рябине, от крушины к крушине. Костя за ним. Глядь, а на самой опушке – зайчишка. Подложил лапу под щечку и спит себе, носом посапывает.

– Ты что тут, косою? – прокаркала древняя птица.

– Я ничего, – подпрыгнул зайчишка. И сел, захлопал ушами. – У меня хитрость: скоро к нам на луг придут трактора, а я зайчишкам местечко обустроиваю.

«Не глуп и зайчишка», – подумал Костя.

Ворон Воронович все дальше в лес. Костя за ним. Видит – вьется тропинка, а на ней листок лежит. Пролетел Ворон – листок с писком нырь в мышиную норку. Вот тебе и листок...

Возвратились к Сосновой поляне. Нахмурила брови мудрая Мурашиха:

– Так какой зверь хитрей всех?

Молчит Костя, потупил очи.

– Ладно, – чуть-чуть подобрела мудрая Мурашиха. – И последняя, третья задача. – Качнула она плечом – встрепенулся Юрок, пропел звучно и мягко:

– Сможешь спеть в лесу лучше, чем птица?

Вспомнил Костя песню свою про зеленую елочку и про смелых бойцов. И собрался запеть, да решил сначала послушать и птицу саму, и лес. Налетел верхний ветер – загудели сосенки, могучие сосны. Каждой веточкой, каждой иголкой. А Юрок не стерпел да на песню-то песней ответил – голосистая птаха!

– Ну, что скажешь? – спросила Мурашиха.

Костя поднял глаза, голубые и грустные.

– Нет, – сказал он ей честно, – не смогу сейчас спеть лучше птицы, не смогу лучше леса.

Посмотрела Мудрая на него долгим, внимательным взглядом и растаяла...

Очнулся Костя у голубого ключа. Глянул еще раз на дно: никакой там хозяйюшки, а только он, Костя. Пошел он по ручью, что бежал от ключа, да и вышел к деревне. Вывела Костю к людям мудрая Мурашиха. Видно, понравился.

Они еще долго сидели у голубого ключа, словно ждали продолжения сказки. Но Мурашиха не приходила.

– Папа, – наконец, спросил Гошка, – а что этим ключиком открывается?

Папа помедлил. Потрогал травянку. Заглянул в синюю воду. Наконец-то ответил:

– Этим ключиком, Гошка, земля открывается.

СИНИЕ СТРАНЫ

Наш дом на опушке леса. Если проснуться среди ночи, слышно в открытую форточку, как шелестят сухой листвой дубы. В этом лесу и живут синички – наши друзья. Мы с Гошкой приладили снаружи кормушку и бросаем туда корки, остатки картошки, а иногда, когда мама не видит, и печенье, и даже любимые Гошкины пряники.

Прилипнув к стеклу, Гошка часами торчит у окошка, смотрит и о чем-то своем шевелит губами. Я знаю о чем. Он разговаривает с синичками, они для него не просто синички – птички из сказок, которых у Гошки целая полка...

Когда наступила весна и побежали ручьи, синички перестали летать на окошко, а Гошка все ждал их, пока мама не решила выбросить нашу кормушку и на ее место поставила длинный такой ящик с землей. Мы здорово спорили с мамой,

а мама махнула на нас рукой, заявила, что мы какие-то «непрактичные», летом в ящике вырастут вьюнки и закроют солнце, а то в комнате может испортиться мебель.

– А зачем закрывать солнце? – сказал Гошка. – Пусть себе светит.

– Пусть светит, – повторил я следом за Гошкой.

Но мама все же поставила ящик. Мы с Гошкой страшно обиделись, но молча переживали обиду. А вьюнки, между тем, росли-подрастали. Иногда Гошка смотрел сквозь них на темнеющий лес. И только сегодня, когда я вернулся из командировки, осторожно тронул меня за плечо:

– Пап, а наши синички синие, да?

– Синие, Гошка, синие.

– А почему они синие?

– Потому что там, где живут они, все на свете синее-синее. Ты не горюй, Гошка, они улетели к себе... в синие страны. Им там сейчас хорошо.

– Уйдем и мы с тобой в синие страны, уйдем?

Он хитровато прищурился, я понял его по глазам: «Сбежим от мамы? Пусть себе ставит ящики, пусть вьюнки закрывают ей окна, а мы возьмем да и уйдем туда, куда улетели синички». – «Некрасиво, Гошка, – ответил я ему, – ах, как не-

красиво бросать нашу маму». – «Но ведь там же синие страны, – молили его глаза. – Там много солнца». – «Ты прав, мой сын, там действительно много солнца»...

– Урра! – поняв меня, запрыгал от радости Гошка.

И в воскресное утро, пока Анка не приехала с рынка, мы отправились в путь.

Сначала тропинка была нам знакома. Здесь мы с Гошкой гуляли, даже играли весной в партизаны, под этим дуплистым дубом ели с ним костянику. За дубом встретилось еще одно знакомое дерево – старый-престарый клен. А дальше все Гошке было уже незнакомо, только я с заводскими ребятами летними зорями хаживал по этой тропе на рыбалку.

Перед нами густели березы.

– Стой, Гошка! – произнес я торжественно. – Видишь? Здесь начинаются синие страны.

– Где, где начинаются? – вертел головой Гошка.

– Только их видит не каждый... Гляди, – заметил я в траве неожиданный-негаданный гриб. То был лесной великан.

– Такими грибы не бывают, – обиделся Гошка, оттого что не первым заметил его.

– А вот и бывают, – поднял я нашу находку и щелкнул по тугой ножке пальцем – подбобок загудел низко и глухо, в синеватой шляпе закачалась серебристая капля.

– Пей, – подал я Гошке грибную шляпу, и Гошка утонул в ней по самые уши.

Наконец, он поднял на меня ласковые глаза. Как они были похожи на Анки-ны! Не теперешние, а те, пять лет назад, когда мы с ней познакомились в лыжной секции. «Ах, как вкусно! – говорили они. – Если б ты знал, как это вкусно». – «Я знаю, малыш, это волшебные капли. В синих странах, малыш, все волшебное»...

– Идем! – подал я руку ему и увлек за собой.

Мы шли с ним березняком. Ближе к полянам березовым и рубашки наши, и руки, и лица светлели, и Гошка все спрашивал, почему кругом так светло и кто обернул деревья бумагой?

– А где же синички? – наконец, вспомнил он.

– Погоди, брат, будут тебе и синички.

И вдруг где-то рядом запела вода. Сладко-сладко, как птичка. Мы с Гошкой пошли на звук, раздвинули куст бузины: у самых корней увидели тонкую струйку. Она выбегала из пустой бузиновой палочки, воткнутой во мшистую кочку. Из

кочки бил родничок, и струйка падала в синюю кружку, плескалась через край и синей лентой убегала далеко-далеко, наверное, к синему морю. Гошка притих: все было в точности, как я рассказывал, как в настоящих волшебных странах. Оставалось только нагнуться за кружкой, которую приладил здесь кто-то для таких, как мы с Гошкой, и пить, пить, пить. Я сделал их этой кружки глоток и вспомнил об Анке и пожалел, что, уходя, не вложил в замок ей записки, и она не сможет пойти по нашему следу, не отведаст чудесной лесной воды.

– Видишь? Это птичьи следы, – сказал я как можно спокойнее и показал Гошке на влажную землю. – Здесь пьют синички.

Гошка молчал, а хитрющие глаза выдавали: «А вот и нет. Здесь вовсе бродили слоны. А мы с тобой следопыты. А говорливый ручей – это Волга. А Волга течет в океан. Ты же сам говорил, что здесь все волшебное...»

На опушке мы увидели поле, оно все двигалось, все дышало.

– Здравствуй, поле! – сказал взволнованно Гошка.

И, когда мы пошли по тропинке и Гошка скрылся в хлебах с головой, оказалось, вблизи поле си-

нее, потому что синими были ржаные листья и стебли. И синим было небо над ними, одинокое дерево рядом, к которому привела нас тропинка.

– А что дает людям поле? – спросил Гошка.

– Поле? Дает людям хлеб.

Счастливые – мы шли рожью и рожью. А кругом были травы, солнце, жаворонки и ветер. Не сдержался я, взял да и придумал первую строчку, а Гошка вторую, а третью – вместе придумали. Вот и получилась песенка, которую можно петь, если немного устанешь. А идти надо еще и еще. Вот мы и запели:

– Пахнет медом, пахнет мятой

Поле луговое.

И шагаем мы, ребята,

Стороной родною.

А когда песня кончилась, тут-то мы и ахнули: перед нами синело озеро. И весь берег горел от синих-синих цветов...

Гошка устал, и я посадил его себе на плечо. Он сидел у меня на плече и без конца вертел головой: ну, где же, где эти синички? А синичек все не было.

Он первым заметил маму. Она бежала к нам, вытянув руки, летела в своем васильковом платье, как большая синяя птица.

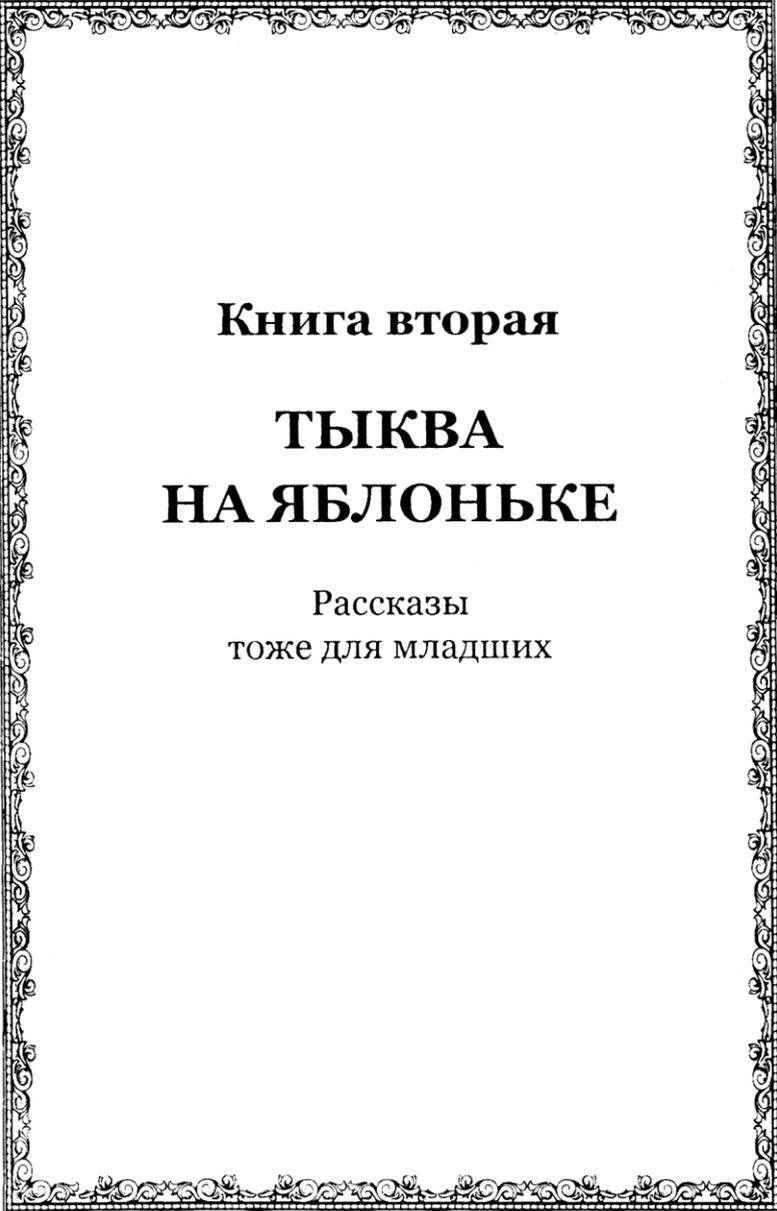

– Глупые, – сказала она, запыхавшись. – Где вы пропадали?

– Мы ходили в синие страны, – сказал гордо Гошка. – Это совсем близко, правда, папа? Только синие страны видит не каждый.

Лето 1967 – лето 1969,

г. Орел

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns surrounds the text.

Книга вторая

**ТЫКВА
НА ЯБЛОНЬКЕ**

Рассказы
тоже для младших

Первые яблоки

НА ПЕВЧЕЙ ГОРЕ

Жила-была Ласточка в своем гнезде, на Певчей горе, а Певчая гора была на крутом откосе, а крутой откос находился в городе Новосиле. Городок-то маленький, но очень гордился тем, что он ровесник Москвы и даже на год старше ее, по летописям с 1146 года. Как и соседний Мценск. Так вот, гнездо этой ласточки находилось на самой макушке Певчей горы. Ласточка свила гнездо себе над среднерусской рекой Зушей, под покровом куста бузины. И тоже очень гордилась тем, что живет так высоко и что красивее ничего поблизости не растет. Люди могут подходить к самому краю откоса и любоваться восходом Солнца.

Чуть ниже, в самом откосе, ветры просверлили в камне-песчанике дыры, в них жили стрижи. А стрижи – это такие же ласточки, тоже в черно-белом изображении, но только крылья у них покороче. И взлетают обычно они не с земли, а из своего гнезда на откосе, бросаются в воздух, и сразу в полет.

Над Певчей горой

Вот и сейчас носятся эти стрижи по реке Зуше, мимо Ласточкиного гнезда, и кричат, так вопят, прямо из себя выходят. Зависнет какой-нибудь стриж в воздухе, возьмет и похвалится Ласточке:

– Гора наша называется Певчей. Так это название от наших стрижиных гнезд. Только мы вылетим из своих дыр в откосе, как ветры к нам туда и заберутся, засвистят, загремят, как в пустую бочку. И тогда получается гром, гремит вся Гора, а потом успокоится и поет тихо-тихо. Потому и называется Певчей.

В другой раз стрижи возьми и закончи Ласточке свою прежнюю мысль такими словами:

– Мы и в грозу летаем по речке, гремим тут вместе с Горой. Одни такие мы с ней тут на все Заречье, на весь белый свет. Ничего не боимся, мы храбрые птицы, если что – смело бросаемся вниз с любой высоты.

Однако как рассядутся стрижи по своим дыркам на откосе, так Певчая гора петь перестает. И тишина стоит тогда, аж в ухе сверлит. Ласточка из своего Ласточкиного гнезда глядит на стрижей выразительно, говорит:

– Вы, стрижи, дыры собой закрываете, вот Певчая гора и молчит, не поет. А тут пройдут к

самому краю откоса люди – новосильские жители, постоят – постоят, поглядят – поглядят на окрестности, на Восходящее Солнце да и воскликнут:

– И Красота же какая!

Возьмут и запоют. А с ними запоют все окрестности. На всю страну запоют, на всю матушку Русь. Вон в Заречье есть такое местечко, где белый домик когда-то виден был издалека. Так в домике том родился замечательный певческий голос – Иван Букреев. А был он солистом сначала в хоре Балтийского флота, затем в знаменитом Краснознаменном Ансамбле. А пониже, по той реке Зуше, стоял другой белый домик. В нем родился Владимир Нечаев – тоже тенор, так тот был солистом Всероссийского радио...

Вот какие мы – песенники, вот какие мы – ласточки, вот какие мы острокрылые птицы. Вроде похожи на вас, стрижи, а ведь мы с вами разные. Люди поют тут с нами, а с нами вместе поет вся Гора. Очень разные птицы мы, очень даже певчие, с Заречьем почти наравне. От нас потому Гора и называется Певчей. А если бы называлась от вас, стрижей, то тогда бы она называлась Стрижиной и была бы не певчей.

И тут подошел к Ласточкиному гнезду Человек.
Глянул с откоса на Восходящее Солнце:

– В самом деле, И какая же Красота!

И запел с большим удовольствием. Стрижи повывлетали из дыр своих, чтобы взглянуть на поющего человека. Впервые ведь видят такого среди людей, больше скорбящих от переживаний. И как только вылетели стрижи из своего гнезда, так дыры в откосе стали свободными. И сама по себе на ветру опять запела Гора. И поет, поет теперь вместе со всем Заречьем, со всей своей страной. Вот почему она называется Певчей. От ласточек, из-за которых поет Человек.

А на самом верху Горы – тут в Новосиле, а хоть где-то во Мценске или в Крыму, пусть и не всегда высоко эти дыры на откосе, зато всегда на ветру. Вот как тут прилепилось к горе, живет и здравствует Ласточкино гнездо.

Поглядят, поглядят люди на Гору да и поймут, что поют-то, оказывается, не оттого-то, что закрывают во флейте отверстия, а оттого, что отверстия эти свободны. Так и поет на ветру, как флейта, глядя в глаза людям, Ласточкина эта, Певчая эта гора.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

А это рассказ тоже про Ласточкино гнездо, но где? Не на бузиновом кусте, как в прошлый раз, а в самом неожиданном месте, у всех на виду: на железнодорожном вокзале. «Ну, и как это получилось?» – сидел и размышлял я, ожидая электричку на станции Малоархангельск. И если бы это был единственный случай, когда я сидел и ждал электричку на Орел или на Курск, размышляя: куда ехать? Туда и сюда – ровно по семьдесят пять километров. Как будто кто-то взял коврижку хлеба и разрезал ее пополам. Уж не говорю я еще и о том, что станцию когда-то отнесли за город на тринадцать километров, сделав порядочный крюк, вместо того, чтобы провести железную дорогу по окраине Малого города.

– «Ага, – догадается каждый, посидев с мое тут на станции Малоархангельск. – Это чтобы битву, которая разразилась тут в прошлом веке, в сорок третьем году, если назвать во всей войне «Орловско-Курской дугой», значит, ехать надо на Орел. А если назвать «Курская битва», то ехать надо на Курск»...

Вот и я посидел, посидел тут на станции разок-другой-третий и стал понимать, почему Ласточка

свила гнездо себе в самом вокзале. Почему это летают, туда-сюда, ласточки в открытые двери?

Новосильская Ласточка показывает Высоту, Красоту, пробуждает желание петь. А эта Ласточка смотрит на людей, видит, как они заходят в дверь и не закрывают ее даже в самые холодные дни. «Дай, – думает Ласточка, – я сама вслед за ними туда, в помещение, залечу. Может, что-то хорошее и мне достанется».

Залетела Ласточка в помещение, вслед за людьми, приехавшими автобусом к электричке, да так в помещении ей тут понравилось, что решила она слепить себе под самым потолком гнездышко - Ласточкино гнездо.

В первый раз как приехал я этим летом сюда, так она только начинала лепить его, это гнездышко. Носила в клюве со слюной кусочки глины и приклеивала их, кусочек по кусочку, наверху – в уголке. Во второй раз приехал я, так она уж носила птенцам еду и совала им что-то в раскрытые клювики. В третий раз я попал сюда, когда вслед за Ласточкой уж влетал и вылетал в дверь ее первый птенец, остальные четыре черных головки еще оставались в гнезде. Раскрывали они свои молочные клювики при

приближении мамы, чтобы получше покушать, побыстрее подрасти, чтобы и им, как и старшему братику, тоже летать вслед за мамкой в раскрытую дверь.

А дверь то открывалась, то закрывалась. На одной половине ее было помещено объявление: «Граждане, не приобретшие билеты, категорически на перрон не допускаются». Но это вам не аэропорт, тут люди категорически шли на перрон и без билетов, садились категорически на самые лучшие сиденья. Уже в вагоне им продавали билетки категорические билетеры, а категорические контролеры тут же проверяли у них категорические билеты, контролируя таким способом движение электрички. А у таких пассажиров, как я, ехавших «вечерней лошастью», в голове возникали такие слова:

«Опять сбежала подлая Луна,
Как с ревизором утром электричка».

Ласточка подлетела к пассажирам, прибывшим автобусом из города к электричке, и, опустившись пониже, прощепетала своим птичьим, тонюсеньким, ласковым голосом:

– Граждане! Почаще входите в вокзал, приобретая билетки.

И, когда кто-нибудь откликнулся на ее призыв, Ласточка тут же влетала следом в раскрытую дверь и кормила из клюва под потолком своих ребятишек.

Через какое-то время с двери сняли прежнее объявление и повесили новое: «Граждане! Кассир работает по сокращенному графику, теперь только по два часа в день». Ласточка не умела читать и потому не знала, что это объявление еще более категорическое, чем все прежние.

Вскоре кассу и вовсе прихлопнули. Взлеталась, взмыкалась Ласточка: «Как же быть? Как хоть вызволить оттуда моих ребятишек? Тоже ведь скоро будут летать, как и я сама, в черно-белом изображении». Кто-то из пассажиров посоветовал Ласточке написать, кому следует, заявление.

– А кому? – спросила она.

– В Муниципалитет, – сказал ей один пассажир.

– Нет, это железная дорога, – возразил ему другой пассажир. – Значит, надо писать железнодорожному начальству. Это – в Орел.

– Нет, – возразил тогда ему уже первый пассажир. – Это если по грузовым перевозкам – в Орел, а по пассажирским – в Курск.

– Да мне-то что? – прощепетала, послушав их пререканья, погрустневшая Ласточка. – Все

равно я писать не умею. Как же я напишу заявление?

– Видишь, какая ты, – огорчились оба первых пассажира, а последующие пассажиры поморщились в недоумении: – Нехорошо это. Как это не уметь ни читать, ни писать? Надо в школу ходить, учиться, к чему-то стремиться. А школа тут где-то поблизости. Там дверь для таких, как Ласточка, пока что не закрывается. Принимают всех и по устному заявлению.

– Спасибо за стихи, ха-ха и хи-хи, – щебетнула Ласточка и не стала больше вить круги над головой железнодорожного начальства, а полетела собирать своих птенцов, достигших совершеннолетнего возраста, чтобы отправить их в специальную школу-специнтернат. Строил ее тут поблизости Муниципалитет. Для всяческих певческих и непевческих птиц, чтобы они сами могли писать в будущем слова к своим песням.

СИНИЧКА В ВАГОНЕ

Синичка хотела пролететь сквозь вагон: стремительно влететь в одно окно и так же стремительно вылететь в другое. Но электричка тронулась, ва-

гон сдвинулся, и Синичка, не попав в окно напротив, так и осталась в вагоне. Пассажиры поначалу обрадовались неожиданной гостье, а затем стали жалеть ее, считая один за другим быстрые километры, отделяющие синичку от ее малой родины.

Однако сама Синичка и не думала горевать. Усевшись на чей-то рюкзак, запихнутый на верхнюю полку, она наклонялась вниз, вертела своей темно-синей головкой, с любопытством разглядывала пассажиров.

Была вторая половина воскресенья, после обеда пассажиров по электричкам всегда бывает больше, чем утром. В Орел возвращались, в основном, областные студенты и муниципальные школьники, ехавшие на экзамены по ЕГЭ в свои региональные государственные и частные университеты.

Как раз под Синичкой сидели трое: мужчина средних лет, жена его чуть помоложе и сынок их лет десяти – бледный, с тонкими чертами лица. Он был больше похож на мать, таких обычно называют «маменькиными сыночками».

– Глянь-ка, – подтолкнул сынок маму под локоток. – Синичка! Она хочет что-то сказать. Интересно, что она о нас думает? Мамочка, это городская синичка. Смотри, какие черные бусинки ее живых, острых глаз.

– Ты так считаешь, Вениамин? – переглянулась с мужем Вениаминова мама – крупная женщина в маленькой фуражечке с большим мужским козырьком. – Синичка эта прилетела с полей, это деревенская синичка. Прежде чем попасть сюда, она жила где-то в поле.

– Наверно, это синичка Гаечка, – высказал свое мнение папа – мужчина без особых примет. Слегка курносый в своей пестрой, тоже летней фуражечке и оттого больше похожий на попугая.

– Какая же это Гаечка? – возразил мальчик со столь внушительным именем – Вениамин. – Гаечка – птичка махонькая, а это синичка крупная, перья, глядите, с синим отливом... У меня есть определитель птиц, это городская синичка...

Синичка вслушивалась в их разговор и думала: «Почему они называют меня городской? Я ведь просто синичка – ни городская, ни деревенская».

И, как бы поняв ее, студент, сидевший по другую сторону того же сиденья, сказал своей подружке:

– Я таковский, я сяковский,
Я московский и смоленский.
Я – Михайло Исаковский,
Городской и деревенский.

– А ты – Витамин, Витамин, Витамин! – защебетала, захлопала Синичка своими взъерошенными крылышками на маменькина сыночка, имевшего дома определитель животного мира. – Мы, птицы, в первом томе... в первом томе... в первом...

Проехали еще четыре остановки. И тут в вагон, с двух сторон, вошли билетеры, с новенькими машинками в руках, определяющими место и дальность поездки.

– Мариелла! – сказал студент своей подружке. – Скажи, что мы только что сели, на предыдущей остановке.

Мариелла так и сделала. Достала сумочку, вытащила две монетки – по одной за каждого. Городская синичка, свесившись вниз, с верхней полки, пять раз хлопнула крылышками и, как попугай, что сидел на плече капитана Флинта, закричала на весь вагон:

– Пиастры, пиастры, пиастры! Два дублона и четыре луидора!

Ревизоры удивились и сказали один другому:

– Скворец говорящий, что ли, у нас тут завелся?

И, когда ревизоры прошли по вагону дальше, студентка, подтолкнув дружка, засмеялась нервно, тронув пальцами справа у себя мочку ушей:

– Для милого дружка хоть сережку из ушка. Где это ты, Сережа, чревовещанию научился?

А Синичка сидела и слушала. И все запоминала. Билетеры-ревизоры со своими новенькими штучками прошли по вагону один раз, потом прошли по вагону второй раз, а после третьего раза сели на сиденье, поближе к двери. Городская синичка перелетела к ним туда, села на другой – тоже, скорее всего, – студенческий рюкзачок, и что она слышит?

– Зайцами едут, – говорит один билетер другому.

– Зайчики.

И ни слова про нее – про саму Синичку-то. Про то, что и она безбилетная. Как будто их много летает тут, всяких синичек. Как будто вагоны электричек только и делают, что возят безбилетных синичек.

Потом одна билетерша сказала своему другу, тоже билетеру:

– Я набрала себе денег на две полочки.

– А я, – похвалился ей билетер-ревизор, – аж на все девять.

На другое утро эту зеленую электричку перевели к северу от Орла: на Тульское направление. А потом отправили еще дальше: ездить до самой

Москвы. Пассажиры входят в вагон и выходят, а Синичка в вагоне все едет и едет. Полетает маленько, присядет где-нибудь на сумку или на рюкзак, свесит вниз свою темно-синюю головенку, хлопнет пять раз крыльями и скажет, как скворец или, скорее, как попугай, бывало, на плече капитана Флинта:

– Зайцы, зайцы, зайчики вы мои! Два дублона и три получки.

И пассажиры четко знают теперь, заходя в вагон с двух сторон, вдвоем, по парам, что в вагоне едут безбилетники. И еще Синичка знает про тех, что с машинками и с большими карманами, что те четко собирают все вместе себе не только на тринадцатую зарплату, но и на новый железнодорожный вагон специально для безбилетных синичек.

СТАРИЧОК СЕН-БЕРНАР

Соседи наши живут через два дома от нас на третий. Свой отпуск они проводят обычно тут, в Малом городе. Отсюда они родом, сюда на лето и возвращаются. А на зиму всей семьей едут обратно к себе туда, на «севера». В свою Воркуту, в свою долгую-долгую полярную ночь. В знамени-

тую пургу, когда ходят все по канату, протянутому вдоль улицы, чтобы не унесло человека в тундру.

Неля Стефановна – учительница математики в школе, а Николай Викторович – главный инженер угольной шахты. У них трое детей, и все сыновья. И у каждого, представьте себе, имеется по собаке. Это, чтобы ребята не хандрили, собачки им нужны, это что-то вроде северного сияния, без которого не обойтись.

У среднего сына и младшего – просто собачки: то таксу какую-нибудь заведут, то фокстерьера. Когда делаешь пересадку в Москве, можно такую собачку и в сумку сунуть, чтобы охранные службы не докучали. А вот у старшего сына собака огромная, с теленка. И с медалями, породы Сен-Бернар. Завезена из Швейцарии, где она в буран на заснеженных перевалах, говорят, спасает людей. Посылают Сен-Бернара во тьму неизвестности, он находит заблудившегося там человека и приносит его на спине к какому-нибудь жилью.

Такую собаку в сумку не спрячешь, просто так по вокзалам не потаскаешь, но тут медали вручают. Скажешь представителю, мол, с выставки едем – со Всероссийской в Москве, а то и из самой Швейцарии, и водишь собаку потом по вокзалу всюду на поводке. Видите, чемпион, за породу и

собачью верность, за смекалку необыкновенную отмечен наградами. Так и ездили, возили они с собой собак в поездах, пока старший сын не поступил в офицерское училище.

И что теперь, изволите, делать с его Сен-Бернаром? Этим заслуженным спасателем республики Коми, в частности, Воркуты? А тут еще указ подъявился главного санитарного врача всей страны – О’Нищенко, что ли? Не перевозить диких и прочих экзотических животных ни туда на Север, ни оттуда с Севера. Ни самолетами, ни железнодорожным транспортом, а только автомобилями. А в Воркуту, как известно, автомобильной дороги нет, автобусами по той зоне люди не ездят.

В общем, не пустили в этот раз Сен-Бернара в вагон, а билеты-то на руках, ехать надо. Передали кому-то на станции, отвезите, мол, собаку в Малый город – обратно домой, к бабушке. Повесили хозяева все пять собачьих медалей Сен-Бернару на шею, сели в проходящий поезд и укатили к себе в Воркуту. А Сен-Бернар старшего сына, что поступил в офицерскую школу, так тут на вокзале со своим ошейником и остался.

Старичок уже Сен-Бернар этот. Кроме верности и смекалки, так за жизнь свою собачью

ничего и не накопил. Ходит теперь этот Сан-Бернарище по вокзалу, брякает своими медалями. Подходит к каждому ждущему своего поезда, уткнется в колени, подымет глаза вверх, смотрит человеческими глазами. Все понимает, сказать только не может, что он думает о судьбе своей родины, о себе как о человеке, обо всем человечестве.

– Шарик, – достанет из сумки батон с изюмом старушка, отломит половинку и кормит собаку прямо из рук.

Подберет Сен-Бернар с полу перед старушкой все до крошечки. Отойдет на шаг, виляя хвостом, вздохнет тяжело и приляжет рядом. Это в знак благодарности.

– Интеллигент какой, – скажет кто-нибудь из соседей, тоже из ждущих тут на вокзале своей оканзии, чтобы куда-нибудь ехать.

А кому жалко куска Сен-Бернару, себе мало или просто лень сумку раскрыть, так на того Сен-Бернар все равно не обидится. Постоит-постоит, повиляет хвостом, дождется, пока погладят его по голове, потреплют по огромным, обвислым ушам, да и отойдет своей шаткой, валкой походкой в сторону. Приляжет у ног ребятенка.

– Старичком уже сторож наш стал, – смотрит на него вежливо кассирша сквозь зарешеченное оконце своей билетной кассы. – Прямо как человек, такой аккуратист.

И оставляет старичка Сен-Бернара ночевать в теплом, натопленном помещении. Добрая эта бабушка в окошке, не выгоняет пса наружу, где уже холод собачий, метет по железной дороге неистовая пурга.

А на днях Начальник дистанции издал указ о переходе кассы на работу только в дневном режиме. Теперь даже пассажиры, приехав к своему поезду, не в вокзале, а в автобусе вместе с водителем коротают времечко, в ожидании электрички. Старичок Сен-Бернар подойдет к автобусу, гавкнет два раза проваленным, глуховатым таким, простуженным голосом, водитель отворит ему дверь, впустит его внутрь и скажем молодым, энергичным голосом:

– Все ждешь, дед, своих из Воркуты? Не дождешься, видать. Ветеран! Завтра отвезу тебя в город, сдам в милицию или в отдел социального обеспечения: бесприютный, мол...

– В школу надо его, – скажет какая-нибудь сердобольная бабушка – пассажирка дальнего следования.

– Пока тут он не ожесточился, – вздохнет соседка ее. – Пусть охраняет деток. Детей он особенно лю-

бит. Первыми встречает и провожает с вокзала пассажиров с детьми. Деликатная такая собака, аккуратная, офицерская выгучка. Сен-Бернар называется.

СТРАУС СЕНЯ

Помню, задумал я город Орел зафотографировать. Снять его во всех видах и положениях. А нет, кажется, лучшего вида, чем Стрелка у впадения реки Орлика в Оку-реку. Отмечаться будет 450-летие Орла, надо на Орлике запечатлеть Белого Лебедя вместе с Белой Лебедушкой. И что интересно, Лебедята – девочки за Лебедушкой-мамой сами плавают, а Лебедят-мальчиков Лебедь-папа на спине у себя катает.

К самому берегу не подобраться, железная решетка протянута в рост человека, чтобы всякая тварь мир животных не беспокоила. Значит, надо иметь разрешение. Пошел я за разрешением в контору тут недалеко, в центре детского парка «Аквариум». Начальница разрешила сразу, без всякой волокиты.

– Вот, – говорит она, – специалист у нас по водоплавающим. Это Семен Николаевич Водопьянов. У него ключи, он вам дверь и откроет.

Ведет меня Семен Николаевич, совершенно трезвый, к металлической ограде, открывает

дверцу своим серебряным ключом. Прежде мы должны проходить мимо страуса, Сеней его зовут. А Сеня нас просто так к лебедям не пропускает. Положит голову на плечо Семену Николаевичу, смотрит веселыми бусинками глаз, клювом туда-сюда водит и сверху вниз свой клюв открывает.

– Ах, да, – улыбается Семен Николаевич, раскрывая тоже рот свой, как в страусиной улыбке. – Вот вам, – достает Водопьянов пряник из другого кармана и дает мне. – Суньте в клюв ему, обалдую, не то не пропустит.

Я кладу глазированный пряник страусу прямо в рот, и пряник мгновенно проваливается в страусиную утробу.

– Прямо-таки Гаргантюа и Пантагрюэль, – говорю я специалисту по водоплавающим, показывая свое специфическое сближение с миром животных. – Сеня? Сеня Страус? Штраус... Зовите его Композитор...

– Нет, – качает головой Водопьянов. – Он на Сеню у нас откликается. Года два тому как привезен со степной Украины, из питомника «Аскания Нова». А яйца туда им, в Асканию, привозят из Африки. Там страусы, говорят, бегают по пустыне Сахара со скоростью автомобиля... до шестиде-

сяти километров в час, как такси... Вот ножищей, такой, говорят, может свалить и быка...

Водопьянов мне рассказывал бы еще и еще про своего любимца, но, приняв еду из моих рук, Сеня уже потерял ко мне интерес. Он отошел в сторону. Можно было проходить к лебедям-подопечным Водопьянова, специалиста по водоплавающим...

И вовсе не белые лебеди остались в голове у меня тогда, от того случая, а этот вот Композитор. Такое удивительное музыкальное слово звучит в душе моей после того: «Штраус».

Да едва не забыл: лебедей-то я снял на фото. Вот только войдет ли тот снимок в книгу, не знаю. Да и выйдет ли сама книга к 450 летию Орла? Много воды в это время может утечь. Но это вопрос уже не ко мне, а к потомкам. Жалко только, Страуса Сеню я вчера не сфотографировал, а сегодня его уже нет. Куда-то делся: как и мэр города. Но так и стоят они оба передо мной: Семен Николаевич и Страус Сеня – тезка Водопьянова. Так и держатся оба в памяти, как что-то необыкновенное: птичье и в то же время человеческое. Композитор Штраус и Семен Водопьянов – специалист по водоплавающим, раскрытый клюв Сени – страуса у Водопьянова на его широком,

человечьем, добром плече. А генерала все забыли уже через неделю.

«ВОРОБЬИНАЯ» НОЧЬ

«Воробьиной» зовут в наших краях июньскую ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое число. Почему так? А потому что она в году самая короткая, словно хвостик у воробья. Говорят, 24 июня – День рождения мой, день! А ведь родился я ночью, в «воробьиною» ночь. Но я лично «воробьиную» ночь считаю попозже, в июле. Особо после такого вот случая.

В 2010 году тут у нас в наших краях была жара, жарынь, просто засуха. А этот июль не лучше того. Тоже жара, тоже невесть что творится. Никакие приметы не сходятся, концы с концами не сводятся. Одно постоянно: как была ночь «воробьиной», с воробьиный хвостик, так и осталась такой же короткой. Не успеешь глазом моргнуть, голову положить на подушку, как вот уже и светает, утренняя заря занимается, Солнце встает из-за соседних лип.

«Липа вековая
За рекой шумит
Песня удалая
Вдалеке звенит.

День и ночь – сутки прочь

Этот звон кандалный
Давно прошлых дней
Пробудил, что было
В памяти моей.

Пробудил тот звон в душе моей далекие воспоминания: детство, самые длинные в году - декабрьские ночи, самые короткие, июньские дни. Но ни у кого язык не поворачивается назвать те короткие декабрьские дни «воробьиными», с воробьиный хвостик. А зовут декабрьские ночи каким-то «воронковыми», аспидно-черными. «Воронки» тогда мотались ночами, и исчезали люди.

А эти ночи вот – «во – робь – и – ные». В самом деле короткие, с воробьиный хвостик. За ночь не успеет земля охолониться, выпасть под утро роса, как вот она – опять жара, опять сушь. Да еще с выкрутасами: приметы на дождь, а дождя нет. Показание на урожай, а плети огурешные сохнут. Только «колороды» и обожают такое пекло.

Но за бочкой под яблоней, в моем гефсиманском саду, я зорко слежу. Чтобы бочка всегда была полна, чтобы любимцы мои – молодые саженцы и огород, а в огороде лук, капуста не знали жажды.

Я в деревне живу,
Я – Дерсу Узала,
Для меня все растения – люди.

Но заметил я, что-то наш Кот Васька больно часто ходит на огород. Полежит, полежит, повалится между грядками лапами вверх и к бочке с водой прилаживается. Думаю, может, от Солнца прячется под кустом ли, в тени ли под бабушкиной яблоней? Слежу я за соседскими котами, а по боярышнику да по вишняку, вижу, расселись воробьи, и еще сидят по веткам вокруг бочки. То невеселые, то чуть навеселе. Наблюдают за мной и за Котом Васькой. Когда мы поблизости, они тихие, нахохлятся, вроде как невеселые. А как только мы с Васькой уйдем куда-либо, так обсядут железный краешек бочки с водой и пьют, плавают, утоляют жажду. А потом давай развлекаться, обливать друг друга живительной влагой, а то в воде чебурахтаться. А после сидят на кустах втихаря, как святые и непременно веселые. А потом улетят еще куда-нибудь на промысел и долго не показываются. Наверно, советуются где-то там со своим руководством.

«Дай, – думаю, – понаблюдаю, что без меня тут, в естественной природе, будет твориться! Без человеческого вмешательства». Как наш Кот Васька

справляется со своими обязанностями? А то мы дома на него: умный, цивилизованный, храбрый, наш домовый, действует от имени ДСО (Дом-Сад-Огород), усадьбу от соседских котов защищает. А он и перед воробьями-то, может, дурак дураком. Потерял, возможно, за зиму там, в Орле, в городской квартире, все свои охотничьи навыки.

Стою я за стволом груши и, как в подзорную трубу, наблюдаю за бочкой. Ну и, конечно, за зеленой такой, тeneватой местностью вокруг – всю из кустов смородины, мощных листов хрена, глухой полыни и лопухов. Вижу, как белая спина Васьки с черным пятном посередке (он у нас почти альбинос), извиваясь между зарослей, крадется, тянется к бочке. А воробьи сидят по краешку бочки, пьют, барахтаются, обливают друг друга водой, совсем как люди на Ильин день.

А Кот Васька крадется, аж звенит весь внутри самого себя, натянут, как тетива. Кот – охотник.

Вышли раз на дело

Я и Рабинович.

А потом Кот Васька прыг на бочку и потащил Рабиновича по траве. Сел, положил лапу на голову воробья, огляделся, как бы кто-нибудь у него не отнял добычу. Ну, кто-либо из соперников, из сосед-

ских котом. И тут, как я понял, наш Кот Васька, тактически действуя правильно, допустил стратегическую ошибку. Не учел, что воробьи тоже кое-что по-своему «шпрехают». Особенно сейчас, когда на их стороне еще и «воробьиные» ночи. Хвост-то короткий у воробья, умишко тоже короткий, а если собрать все цвета вместе, то получится дневной свет, что тебе человеческий Разум. А вернее, нечто длинное – длинное. Коллективное бессознательное, инстинкт самосохранения, «воробьиная стайка», в общем, кто и как это все называет.

Посоветовавшись, воробьи там у себя, на боярышиниковом кусте, взъерошились, наострили сердце мужеством да как бросятся всей стайкой вниз. И давай Ваську трепать, кто клювом долбит, кто крылом хлопывает, чирикают, вопят что есть мочи: «Караул!.. Разбо-ой!..» Как будто пираты напали на корабль-сухогруз где-нибудь у берегов Сомали. Ну, что у Сейшельских островов. А ведь наш Кот Васька не пират какой-нибудь. Настоящий пират – у соседей, соперник Васькин. Соседи его дома так и кличут: «Пират! Пират!» А наш Васька – европеец, независимый кот. «Но только не от инстинктов идет он у нас, а инстинкт у всех котом все же на первом месте, – думаю я. – Это я так думаю, но,

пронаблюдав, теперь заявляю: «Это у него, извините, тоже инстинкт, но инстинкт охотника!»»

В общем, воробьи как с неба свалились на Кота Ваську – туча черная, и давай трепать, терзать Кота Ваську. И тут дождь, наконец, пошел. И тогда у Кота Васьки проявился другой инстинкт, как и у воробьев: инстинкт самосохранения. Но у воробьев он подкреплён ещё и «коллективным бессознательным», а Коту Ваське нечем его подкреплять, Васька ведь в ссоре со всеми котами по улице, только с кошками и дружит. Оставил Кот Васька добычу свою и тикать домой, пока жив.

Облепили взъерошенные воробьи боярышник. Расхрабрились, и ещё к ним на подмогу подлетел ихний воробьиный «спецназ». Посовещались они все вместе и давай в бочке опять чебурахтаться, хохотать над котами, над всеми котами на свете, упиваться своей победой...

Кот Васька ходит к бочке теперь только ночью, когда воробьи спят. Только ночи у нас тут короткие – «воробьиными» называются. Не успеешь глазом моргнуть, как пора вставать, подыматься с постели. Встанет Кот Васька чуть свет и сразу же к бочке с водой. Делает вид, что идет на охоту, охотиться надо ему за воробьями. Ползет кот-

котище, прижимается к земле. Но не знает, что за ним соседские коты наблюдают. Сидят, облизываются, глазки узкие – стрелки, глазки масляные, – такие-то они тут у нас бывают коты-котофеичи, в эту короткую, самую короткую, «воробьиною» ночь.

ТЫКВА НА ЯБЛОНЬКЕ

Решили мы сделать у себя на огороде «зеленый конвейер»: посеять салаты всякие, укропы – простой и кустистый, петрушку и лучок, конечно, любимец мой, – разновременный, чтобы он, зеленоперый, до самой осени рос, не кончался. А еще посеяли морковку, столовую свеклу. Да ведь жара какая! Ничего не взошло. Посеял я во второй, в третий раз. И вот, наконец, упала с неба божья благодать: дождичок – огурешничек, и все стало разом всходить, что и когда посеяно было тут в разное время. Все расти бросилось, и все перепуталось...

Нелепо так, разновысоко все. А что говорить о бурьяне? Бурьяну жара ни по чем: у него корни влагу тянут из нижних слоев. А что до культурных растений, скажем, таких, как тыква и кабач-

ки, так плети у них стали длинными, тонкими, как у какой-нибудь повилики. И огурцы, особенно китайские «жароустойчивые», купленные в расчете на предстоящую жару, так те еще в мае расти вдруг взялись.

Душа болит, а сердце тает. То от того, то от сего, от всякого. Жара такая, что по стране пошли лесные пожары. Горят поселки, жилые дома, люди остаются без крова. И вдруг нагрязнули холода. Откуда-то взялся прямо-таки арктический холод. Хотя по телевизору сказали, даже в Оймяконе – столице якутского холода, где зимой бывает до минус 70, сейчас едва доходит до плюс 25. А у нас тут всего плюс 8-12. И это в разгар лета, да еще после почти сорокаградусной жары.

И дожди пошли холодные. Грозы в небе забушевали. Крышу мы как раз красили, недокрасили, так решили обождать. А ветры как осенние, насквозь прямо-таки прошивают. Есть еще время до Покрова. Бывало, под Орлом, в Малой Куликовке, в это время всероссийские соревнования проходили. А планеры летают в июле-месяце, когда – это обычно чистое, синее-синее небо. Так, по крайней мере, бывало, во все последние годы.

– Заметил, парень? – говорю я сыну. – Как все на огороде поперло? Особенно тыквы и кабачки. Такими длинными стали плети. Поналезали на картошку, на свеклу. Вверх пошли, по лугу распростирались, выбрались из границ огорода. А толку-то: цветут, а все пустоцветы...

– Это мы, папа, – высказал свое мнение сын мой, – густовато их посадили. Особенно тыкву... Вот как разбушевались, подгоняют друг друга...

– Вовремя не прорвали, – сказал я. – Вот и мешают друг другу.

– Жара была, – сказал сын. – С запасом делалось. Вдруг да что-нибудь пожелтеет. А оно стало расти. Да все в длину, все в пустой след... Штук десять-пятнадцать взошло на весь огород, а делают весь урожай, остальные у них на шее сидят...

– Халтурят ребята, – кивнул я на кабачки.

– До середины кучи плети дошли, – заметил он. – Сушняк закрыли. Какая огромная зеленая масса! Вся в кабачковых и тыквенных листьях.

– Красиво, – улыбнулся я, несогласный с огородной стихией, и смолк.

С неделю не заходил туда, за эту красивую кучу сушняка, с обратной ее стороны. Издали поглядывал на саженцы, особенно на яровую антоновку,

больше всех пострадавшую от жары (мы от тли ее даже поливали, лечили). Все она была какая-то темная, сохли листья по краешку. Ничего с лечением не получалось, но мы все же надеялись.

И вот закончились арктические холода, зарядившие на неделю дожди, наконец-то глянуло Солнце. И сразу стало тепло и радостно. Любовь тут же проснулась снова в душах людей и к растениям, и друг к другу, и даже к тем странам, где воюют сейчас, например, в Сирии, Ливии и Палестине, где с давних пор Гроб Господний, Вера Христова связаны, кроме всего, еще и с погодой, а погода – с Солнцем, как с Богом всей нашей Вселенной.

И тут с утра бежит сын с огорода кричит:
– Гляди, отец! Чудо какое!

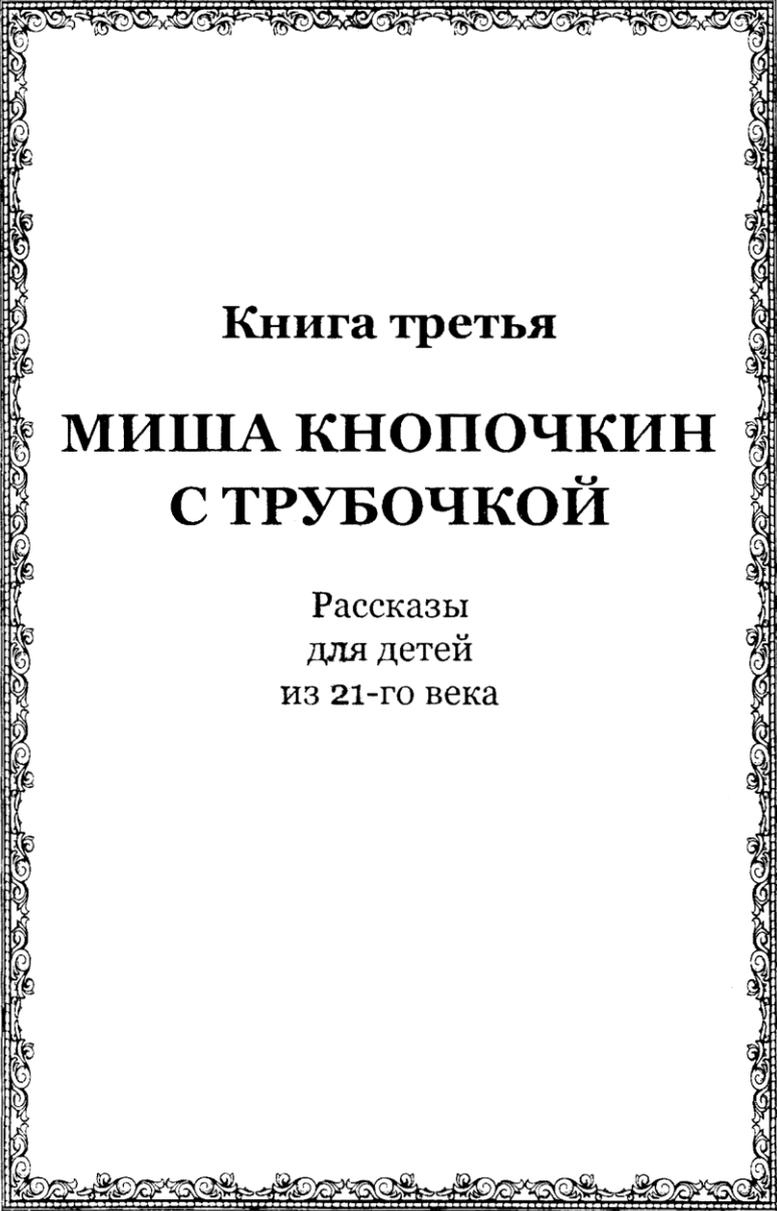
Спешу, тороплюсь я на огород и не верю глазам своим: с молодой яблони, с нижней ветки ее, свисает огромное, желтое такое, спелое – переспелое яблоко. Как утреннее, уже налитое светом, но только удивительно малое Солнце. Подошел я поближе, а это тыква. Взобралась своим длинным, тонким плетнем на стволик яблоньки. За эти деньки, что ли, вызрела, как глянуло Солнце? Чудо великое – Солнце, когда оно светит. Прямо праздник, радостно глазу.

– Это яблонька дала тыкве себя поддержать, – засмеялся Игорь. – Силу ей придала. Кашу скоро сварим из тыквы, хороша будет каша!

Хороша бекеша у Гоголя, – подмигнул я сыну и стал читать стихи, которые понравились Садовскому Виктору на презентации, а сейчас пришли мне на память:

– Ты молодой, – сказал Старик соседу. –
Но вижу, брат, умен не по годам.
Сажай сады, да вовремя, чтоб следом
Свой плод насущный мог отведать сам.

Книга третья

**МИША КНОПОЧКИН
С ТРУБОЧКОЙ**

Рассказы
для детей
из 21-го века

*Миша Кнопочкин:
«Ложка ты моя щербатая!»*

БАБУШКИН ПРАЗДНИК

Бабушке Рае стукнуло целых полвека. Все вокруг раскричались: «Юбилей, юбилей! Надо это отметить!» И вот домой к ней пришли ее сын и дочь. И привезли с собой к бабушке Рае своих детей: два внука и три внучки. Это почти целый класс у бабушки в ее деревенской школе.

Бабушка Рая с дочерью стали расставлять на столе посуду, всякую еду, приготовленную вчера. И внучки кинулись помогать. А бабушкин сын принялся жарить на мангале привезенное из города мясо, готовить шашлык. И один внук тоже стал ему помогать, а другой – Миша – стоял в сторонке и не знал, что ему делать со своей спичечной коробочкой.

Тут все принялись дарить подарки бабушке Рае. Миша с интересом наблюдал за всем этим. Одна внучка вручила бабушке кошелечек, вышитый бисером собственными руками. Другая внучка сама нарисовала картину про бабушкину корову. Третья внучка привезла с мамой из города торт.

– А ты что подаришь бабушке? – спросили старшего внука, который с отцом жарил шашлык.

– Да вот мы с папой тут... подарим бабушке шашлычок, – сказал этот внук. – Я тоже еще с вечера заквашивал с папой мясо в ведре. Полночи не спал, волновался...

– А ты, Миша? – спросили младшего внука. – Что ты приготовил бабушке Рае?

Маленький Миша вышел вперед, поцеловал свою добрую бабушку в щечку и подал в руки ей спичечный коробок.

– И что там в нем, Миша? – удивились взрослые.

– Подарок-то ма-а-ленький такой, малозначительный. А ну покажи: что там в твоей коробочке?

И самая живая из девочек тут же открыла коробочку и заглянула вовнутрь.

– Ой! – закричала она. – Ой-ой-ой! Это жук колорадский!.. Он подарил ей жука, который вредит всем... бррр... картошку ест на огороде...

И все, даже взрослые, бросились смотреть на коробочку.

– А ну-ну! Покажите... Ой, какой полосатый, противный! – раскричались, запрыгали дети. – Зачем ты его принес? Вышвырни вон... вон отсюда...

Бабушка Рая наклонилась к Мише и тоже спросила:

– Ты где его взял, внучек? На нашем огороде?

– Я взял его на огороде у бабушки Веры, – сказал Миша с дрожью в голосе. – Смотри, бабушка, какой он маленький... самый маленький... и все его травят, все против него... А он такой тихий, мне жалко его. Я на его стороне...

Бабушка Рая, которая утром была на огороде, опрыскивала там у себя картошку, наклонилась к Мише, погладила его по головке, сказала добрым, ласковым голосом:

– Хороший подарок твой, внучек. Пусть пока поживет у нас. А завтра мы отнесем его...

– Кому? – закричали дети. – Бабушке Вере?

– Отнесем куда-нибудь в лес, – сказала внукам и внучкам бабушка Рая. – Туда, где не растет картошка, не живут люди. Где на него, дети, никто не будет показывать пальцем. С тобой вместе отнесем его, Мишенька, в лес, когда пойдем по грибы.

КНОПЧКА В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

Папа Мишин – бабушкин сын – собрался в гости к своей сестре и взял с собой Мишину маму

и самого Мишу со старшим братом Виталиком, то есть Вениамином, но по паспорту – Валерием. Все они жили в городе. А у тетиного мужа был еще и младший брат. Вот ему тетин муж и сказал при всех, когда вся семья Мишиного папы пришла сюда в гости:

– Ты, Федя, погляди тут за ними, а то они бог знает чего тут у нас натворят. А у меня на столе разложен доклад, завтра его показывать Губернатору...

Все взрослые сели за стол, и пошли у них всякие разговоры. А дети направились прямо в главную комнату, но их оттуда прогнали. Там ваза хрустальная и на видном месте японский сервиз. Федя ходил по пятам за Мишей, все старался не допустить его к книжным шкафам, чтобы не дай бог Миша не испортил какую-либо ценную книжку.

– Раритет! – поднял Федя перед носом Миши указательный палец.

– А что это такое? – удивился старший двоюродный брат Миши Валерий. – Доклад подразумева-ется, что ли, самому Губернатору?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – заявил Федя и закрыл дверь в комнату, где лежал на столе доклад.

От нечего делать Миша с двоюродным братом присели вдвоем на стульчик. В коридоре прямо за холодильником. Большой, липецкий, совместного с Италией производства – холодильник этот занимал все пространство. С морозилкой. Гордость семьи. Ребята сидели перед ним тихо-тихо, тише мышки. Федя, который был уж, наверное, студентом, посмотрел на них свысока, зевнул пару раз и отвалил к взрослым.

А братьям тут сделалось скучно. Особенно Мише. Кузен Виталик пошел в ванную комнату воду пить. Миша слез со стула, встал прямо перед холодильником, как перед человеком, перед его двумя зелеными глазами.

– Чего мучишься? – сказал Миша холодильнику с его зелеными глазами.

Потом взял и подставил стульчик поближе, залез на него, чтоб получше разглядеть те зеленые, человеческие глаза. И видит с близкого расстояния: кнопочки, кнопочки какие-то, кружочки... Нажал на кнопочку, повернул кружочек...

После гостей муж родной тети Мишиной заметил, что из-под холодильника течет ручеек, собралась уже целая лужа. Всполошились все, взбегались. Схватились за тряпку. Кинулись мастера вызывать.

Вот ей-богу! Не знаешь, что и подумать. Холодильник липецкий, совместно с Италией производства – новый, как часы работал, а ведь потек. Явился мастер, жена вытирала лужу, муж суетился возле мастера. Раздался телефонный звонок. Звонил Мишин папа:

– Посмотрите, работает ваш холодильник? Миша говорит, нажал у вас там на какую-то кнопку.

Мастер улыбнулся, сказал:

– Вот вам и вся поломка. Холодильник у вас работает. Надо только нажать сюда вот, на эту самую кнопку.

Теперь все зовут Мишу «Кнопочка». И, знают, что у Миши особое внимание к технике. Лучше приглядывайте за ним, когда Миша приходит к вам в гости. И этот случай стал веселой историей в биографии Миши, которую в шутку люди просят иногда повторить.

КОТ ВАСЬКА ПРЯЧЕТСЯ В КОРОБКЕ

Теперь как только Миша Кнопочкин со своим папочкой и мамой придут к кому-либо в гости, так все хозяева навытяжку стоят у своих холодильни-

ков. У всех розеток, дырочек, кнопочек, куда только что-либо втыкается и вытыкается, включается и выключается чтобы не произошла какая-нибудь авария, какое-нибудь серьезное происшествие. Например, не взорвалась бы где-нибудь газовая плита или корабль где-нибудь не утонул. С маленькой дырочки все начинается, с кнопочки...

А Мише кнопочки эти теперь не интересны. У каждого холодильника, бумбокса, магнитофона торчит теперь по часовому. Как Бумбараши. Переключаться Миша стал на собак и котов, на мышей и кротов.

– Мама! – кричит он в другую комнату, где мама собирается опять в гости, но теперь к другой своей двоюродной сестре. – Мама! Скажи, почему кротов называют «потуроями»?

– Так называют, – отвечает мама, причесываясь и держа при этом шпильки во рту. – Ну, то по эту, а то по ту сторону землю роют... кроты эти...

Пришли они с мамой к ее кухне, а у них детей нет, существует только Кот Васька. Культурный такой, говорят, обходительный.

Европеец! Любимец наш Кот.

Посмотрите, как важно идет.

Как хвостом сам с собою играет.

Миша только с порога и хватя его за шкуру. Нашел старый уют и давай коту бок гладить, потом сзади начал в него вилку втыкать, как в розетку. У маминой двоюродной сестры Клавдии Петровны аж глаза на лоб полезли.

– Да ты что, Миша! Это ведь живое существо! Ему больно, даже страшно... Это тебе не патефон, не проигрыватель «Вега», даже не радиоприемник «Беларусь»...

– Старье какое, – ворчит Мишина мама. – Рухлядь всякая... Грамофон бы еще сохранила. С пластинками Анастасии Вяльцевой...

Пока сестры выясняют между собой отношения, Миша шмыг мимо них и следом за Котом Васькой. Да за хвост его и давай возить, словно электровоз.

– Ты куда, Васька?! – кричит Миша коту, словно вагону. – В холодильник надо тебя? В телевизор? Туда вагоны не помещаются... Ладно, давай-ка лучше играть со мной в оловянных солдатиков.

– Где он видит оловянных солдатиков? – настояжилась Мишина мама, глядя на свою кухню. – Откуда они тут взялись-то хоть? Кто ими тут у тебя занимается, этими солдатиками?

– От сыночка погибшего остались, – вздохнула мамина двоюродная сестрица. – Заберите их на память, что ли, да хоть сейчас... А где же наш кот, мадам? Миша, куда делся наш кот? Миша, где он, ты не видел кота?

– Не видел, – говорит Миша. – Он, наверное, в телевизоре.

– В телевизор запихал? – всплескивает руками мамина двоюродная кузина.

– А может быть, в стиральной машине? – еще веселее говорит сестрам Миша.

– Господи! Неужели ты в ней кота хотел постирать? – не выдерживает даже мама. – В конце концов, где же Кот Васька-то, где?

– Может в парикмахерскую пошел? – Миша смотрит на маму вовсе веселыми глазками.

– Зачем?

– Побриться надо коту, – смеется Миша. – У него же усы.

– Господи! Он его еще, наверное, и брил! – ахнула кузина мамина - хозяйка квартиры. – Чем ты, Миша, брил его?

– Я не брил вашего кота, – говорит Миша уже как можно спокойнее. – Я только за ногу его немножечко дернул и за хвост потаскал. Потом

взял и подцепил к нему вагоны, как к электро-
возу...

– Вот дураки-то мы с тобой, а? – всплеснула ру-
ками двоюродная кузина. – А если бы в окно по-
шел твой поезд с вагонами! Он бы все стекла мне
переколотил...

– Зачем ты вагоны Мише дала играть? – упрек-
нула Мишина мама кузину.

Бросились сестры искать Кота Ваську по всей
квартире. Может, он на балконе? Может, дверь
оставили приоткрытой? Васька выскочил наружу,
на лестничную площадку, а там и на улицу. Вы-
бежали сестры во двор, спрашивают соседей: «Не
видали нашего кота? Белый такой, с серым пят-
ном на спине... Европейец, любимец наш кот!» Ни-
где нет его: ни наружи, ни дома в самой квартире.
Так расстроились все, ну и Миша, конечно. Бегал
Миша всюду вместе со всеми, едва не заплакал,
когда взрослые прекратили всякие поиски. Реши-
ли повесить на столбе объявление.

Едва вернулись домой со двора, а Кот Васька
уж тут как тут. Вышел из-под дивана, из своей
тайной картонной коробки. Смело идет прямо в
Мишины руки, ничего не боится. Миша к нему,
кот назад, от него и обратно в свою коробку. И

давай драть ее изнутри когтями, свой характер показывать...

На другой день мамина кузина пришла к ним домой, принесла своего Кота Ваську поиграть Мише. Так Кот Васька у Миши тут и остался. В конце концов, и прижился.

Миша теперь за хвост его не таскает, вагоны за ним, как за электровозом, не возит. Играет с Васькой в оловянных солдатиков. Кот служит ему за генерала неприятельской армии. Отдает команды наступать, отступать. Миша бросает в Бородинский бой кавалерию, защищая свою страну, такая-то в доме теперь катавасия.

КАК МИША ОСВАИВАЛ ТЕЛЕФОН

До школы Мише еще далековато, но осень уже на носу. А Миша не знает пока ни одной буквочки. Не умеет ни читать ни писать, ни даже считать. И наотрез отказывается заниматься. Хотя до десяти Миша по пальцам считать научился. Десять рублей – столько стоит мороженое «пломбир» в соседнем киоске. А Миша любит именно этот «пломбир». И, когда мама дает ему денег, Миша сам его покупает, сам и ест с преобладающим удовольствием.

И вот мама купила Мише разрезную азбуку, чтобы из разрезанных букв научился он составлять хотя бы слово «пломбир». Но Миша азбуку зашвырнул куда подальше, сосредоточился на старом мобильнике, который на днях сунул ему в руку папа.

Папа и стал всерьез учить Мишу работать с мобильником как с аппаратом. Положил папа свой красивый, нарядный мобильник рядом с Мишиным стареньким телефончиком, тыкает пальцем то в одну кнопочку, то в другую, то в третью:

– Вот так и вот так. А теперь гляди, что будет... и слушай сюда...

И тут же в Мишином телефончике раздается звонок, верещанье какое-то, музыка. Папа прикладывает Мишин мобильник к уху Мише.

– Слушай, – говорит он сыну. – Что сейчас слышишь в этой вот маленькой трубочке?

– Ничего не слышу, – ерзает Миша на своем тоже маленьком стульчике. – Нет ничего в трубочке, папа. Нет, никакого звука. Молчит твой аппарат. Госаппарат.

– А сейчас послушай, что будет, – говорит Мишин папа и выходит в другую комнату со своим телефоном.

Говорит папа что-то там, в другой комнате, а Миша опять ничего оттуда не слышит. Потом берет и приоткрывает дверь, кричит Мише оттуда:

– Слушай, слушай свой телефончик!

Миша сильнее прижимает к уху свой аппаратик и что слышит? Папин голос. Очень сильный, и знакомый, и радостный.

– Ты меня слышишь, Миша?.. Скажи что-нибудь... Скажи: слышу, слышу, папа, тебя... Повторяй за мной: «Европеец! Любимец, наш кот...»

– «Любимец наш кот» – кричит Миша в телефонную трубочку, и в ответ слышит в ней опять-таки папин голос.

ПАПА. Дальше, дальше говори про Кота Ваську.

МИША. «Посмотрите, как важно идет».

ПАПА. Дальше, дальше.

МИША. «Как хвостом сам с собою играет.

На плече посидит,

В телевизор глядит,

На столе у меня засыпает...»

Возвратился папа из другой комнаты, потрепал Мишу по щечке и говорит:

– Ну вот, первое крещение пройдено. Дело пойдет, будем теперь с тобой общаться по телефону.

Станешь начальником, отца-то не забывай. Когда уйду, уеду куда-нибудь в командировку, позвоню тебе, а ты возьмешь эту трубочку, приложишь к уху и услышишь мой голос. А я услышу твой голос, Миша. И станет нам с тобой хорошо... И мамин голос услышишь тоже. Если ты дашь ей, конечно, свою эту волшебную, совершенно чудесную трубочку. Дай только нажать ей на эту маленькую такую, зеленую кнопочку...

– Хорошая кнопочка, Миша?

– Хорошая кнопочка! – засмеялся радостный Миша. – Хорошая, папа. Ты всегда будешь близко, как будто со мной через стенку...

Папа кладет на стол Мишину трубочку мобильного и рядом с ней кладет свою трубочку мобильного.

– А теперь повторим, – говорит папа. – Нажимай, Миша, на эту вот кнопочку. Загорится свет, как в окошке, запикает... Возьмешь в руки трубочку и, слушай сюда, услышишь мой голос.

Мама сказала: чтоб научить Мишу звонить, куда хочешь, сначала надо научить Мишу цифрам. Иначе ничего не получится. Сама мама звонит ему отовсюду. Когда ему спать ложиться, когда Мише даже уже в постельке своей. Так интересно! В от-

вет Миша сообщает маме обо всем, что тут у него, когда она в магазине или в поликлинике, когда мама еще где-либо. Миша сразу включает свой телефончик и к уху сразу. Так все теперь во дворе и зовут Мишу – Мальчик с трубочкой.

– Алло, алло! – кричит он, радуясь, маме. – Я хочу чаще слышать тебя, твой голос, мама! Позвони мне еще! И еще... и еще...

Мама пришла из магазина и принесла Мише арбуз – астраханский! Нет, оказывается, наш - орловский. Какой-то дедушка сам вывел сорт. Вырастил, такой кругленький, небольшой такой, зато красный изнутри, сладкий, хороший арбузик. Так это нравится Мише: есть арбуз дедушкин и в то же время разговаривать с мамой в соседней комнате, нажав в ответ маме на эту вот маленькую зеленую кнопку.

– Мама, – просит Миша, – научи меня звонить. Сам хочу звонить. И папе, и твоей сестрице кухне – Петровне.

– Научу, научу – говорит ему в телефончике мама. – Научу звонить не только папе, кухне, но и многим, многим другим.

«Скоро в школу. За окнами август. От дождя потемнели кусты». – Это так поет мама на своей

кухне. А папа сажает Мишу перед собой и говорит:

– Надо, братец, готовиться в школу. Цифры-то ты, голубчик, освоил. А вот разрезную «Азбуку» забросил и читать не учишься. Никуда не годится.

– Будет наш Миша, скорее всего, инженером, – подает голос мама. – Будет Миша иметь дело с машинами. А не, как отец, с книжками.

– Что же, если дело иметь с машинами, – говорит Мишин папа, – Мише не надо книжки читать? В школу парню скоро идти. Купить надо школьные книжки. Завтра же пойду и куплю...

И тут раздается звонок в дверь. Приходит кузина мамина – Татьяна Петровна.

– Ну, как тут Кот Васька? Ничего? – оглядывает она помещение. – Вот что Мише я принесла, – подает она Мише мобильный телефончик. – Настоящий, фирмы «Нокиа». Идет Миша осенью в школу, будет оттуда домой звонить.

С радостью Миша принимает подарок.

– И тебе буду звонить, – говорит он маминой сестрице двоюродной. – И тебе, Петровна.

Научили-таки Мишу звонить, самому пользоваться телефонной трубочкой. Целый месяц учили. Прицепили к Мишиному мобильнику длин-

ный такой, специальный шнурок. И шнурок этот на шею Мише повесили. Несколько раз Миша выбегал во двор и звонил оттуда на домашний телефон.

И вздохнули Мишины папа и мама теперь облегченно. Посчитав, что Миша готов к школе.

– Прилично готов, – подтвердила мама. – Да, Миша?

– А читать книжки, – сказал Мишин папа, – его в школе научат. Кот Васька, например, в букваре уже свое имя читает.

КАК МИША ВОШЕЛ В ИНТЕРНЕТ

Пришел к Мише его брат двоюродный – кузен Витамин. Ну, которого по свидетельству о рождении зовут Валерианом. Лет на шесть старше Миши, а такой дока, на все руки мастер. Особенно по сотовым телефонам! Увидел у Миши его новенький, хороший такой мобильник – подарок маминой кузины. Тут же хватить его левой рукой, а правой сдернул его с Мишиной шеи. И давай тыкать пальцем по всяким кнопкам, туда-сюда, без всякого разбору.

– Что ты делаешь? – испугался Миша. – Поломаешь, как я буду звонить маме?

– Чего бояться-то? – засмеялся Мишин кузен. – Я уже с таких лет, как ты, работаю на чужих аппаратах.

– Своего, что ли, не было? – насторожился Миша.

– Свой жалко, – сказал откровенно кузен Витамин. – На чужих и учатся.

И стал тыкать пальцем, туда-сюда, во всякие кнопки. Открывать и закрывать всякие программы, высвечивать цифры, слова на английском языке.

– «Гаджет», называется, – вошел в раж Витамин, – сейчас мы с тобой в Интернет войдем и будем в нем, как свои. Ходить будем по всем странам и континентам...

– Поломаешь! – взмолился Миша. – А ну, дай сюда, дай!

– Отец новый купит, – сказал Витамин – кузен. – А этот выбросишь. Видал, сколько подержанных валяется по магазинам? Подержал и выкинул, понял?

– Не понял, – готов был расплакаться Миша. – Я хочу этот, другой мне не нужен.

– Ну, ладно, – согласился его двоюродный кузен. – У нас в Суворовском училище круговая по-

рука. Пускают такой аппарат по кругу и сразу в несколько рук ходят по всем этим кнопкам... по всемирной паутине, понял?

– Круговая порука? – заинтересовался Миша. – И что это, Валера, такое? Так интересно.

– Вот! Тыкай пальцем сюда и сюда, вместе со мной. А когда что не так – отец ремень из штанов вынет...

– У меня дедушка в руки ремень не берет, – говорит Миша. – «Всемирная паутина»... так интересно...

– Вот сюда и сюда нажимай, – продолжает Витамин. – Что случится – скажешь, что это я поломал... А я скажу дома, что это ты поломал. И стоять до конца... Круговая порука...

– Нет, – замотал головой Миша. – Я в круговую поруку играть не хочу. Нечестно. Я хочу играть во «всемирную паутину»...

– Ну вот, – стоял на своем Витамин – Валерий, Мишин кузен. – «Всемирную паутину» тебе подавай, а круговую поруку тебе не надо. А во «всемирную паутину»... в Интернет этот... просто так не войдешь.

– Почему Интернет, что так называется? – удивился Миша. – Два названья – как имя и фамилия?

– Как вот я, – сказал Мишин двоюродный: Валерий – по свидетельству о рождении, а так все зовут меня Витамин.

– А-а, – сказал Миша. – А кто же я тогда?

– Ты – Миша, это ты по свидетельству о рождении, – сказал Витамин – Валерий. – А так во дворе тебя зовут Кнопочкин. Мальчик с трубочкой. Вот как!

И теперь уже вдвоем они занялись тем, что один Миша никогда бы не догадался: уйти куда-то далеко-далеко по лесенке из кнопочек, картинок в сотовом телефоне, которые увлекают их в эту «всемирную паутину» без конца и без края...

Пи-пи-пи... Пи-пи-пи... И голос чей-то мужской:

– Это Средиземное море. Пассажирский корабль «Атлантида». А это к вашим услугам я – писатель Владимир Крупин... Это Россия? Вы откуда – вы из России?..

И снова пи-пи-пи... пи-пи-пи... Голос пропал.

Миша дернул за рукав Витамина:

– Почему голос пропал? Я не хочу, чтобы он пропадал.

– Чайка слопала, – сказал Витамин. – Пролетела мимо и слопала. Проглотила как муху.

– А корабль? А писателя Владимира Крупина?

– Этим что? – засмеялся двоюродный Мишин кузен Витамин. – Эти дальше идут своим курсом.

Это и называется Интернет, мы с тобой связались с «Атлантидой», попав во «всемирную паутину».

До самого вечера ждал Миша свою бабушку. Все хотелось рассказать ей, как с Валерой они побывали сегодня в сказке. Чудо какое! Слышали они шум волн Средиземного моря, корабля «Атлантида» и голос какого-то Крупина, так не похожий папин.

КОТ-АРИСТОКРАТ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Каждое утро, ровно в 8-00, Миша Кнопочкин появляется на перекрестке улицы Русанова и улицы Фомина. С тех пор, как в Орле школу №23 с английским языком сделали простой, школа №27 стала единственной в городе с английским. И теперь тут происходят всякие чудеса. Иномарки идут, как в Москве по Ильинке в Кремль, прямо-таки неудержимым потоком. А на скрещении улиц стоит частный дом, перед ним палисадник. Перед палисадником иномарки приостанавливаются, элитные папы высаживают своих элитных детей. А дальше или сворачивают налево, по улице Русанова, или едут прямо – на мост 5 Августа. Детям добежать от перекрестка до школы – что тут, всего ничего.

Миша Кнопочкин не элитный, а обыкновенный ребенок. Он живет в этом микрорайоне и потому ходит со своей бабушкой Раей в эту школу на вполне законных основаниях. Однако каждый раз Миша едва не опаздывает в свой первый класс. А почему? Станут они с бабушкой Раей на углу и стоят себе, постаивают столбом, все наблюдают, что тут происходит. А происходит тут следующее.

Ровно к 8.00 выходит Кот из частного дома и занимает позицию у самого краешка палисадника. Кот тоже элитный: белый, пышный такой, большой. Как разъелся! А сзади него, у самой калитки, уже сидит другой кот. Значительно меньше, тоже белый, но с черными пятнами по спине. Так вот, что же тут каждое утро случается? Приостанавливается на перекрестке иномарка, и дверца приоткрывается. Это, чтобы выпустить из элитной машины элитную девочку или элитного мальчика. И большой, белый, пышный Кот-котище тут как тут. Выходит он на передовую позицию и к дверце машины суется за чем-нибудь вкусненьким. Вроде дань такая у Кота. Разрешает или не разрешает он, чтобы элитный ребенок мог ступить тут на землю. Дадут Коту лакомый кусочек – проежай, и он уже ждет следующую машину. Как сам Кот считает, он тут сидит на вполне законных основаниях.

Что получше Кот – сам съест, а что похуже – оставит тому коту, что позади него, с черно-белыми пятнами по спине.

Миша Кнопочкин со своей бабушкой Раей постоят-постоят, понаблюдадут-понаблюдадут за этой процедурой и давай с большим Котом разговаривать.

– Ты прямо как барин, – говорит Миша.

– Аристократ он, – поправляет Мишу бабушка Рая.

– Как собака в деревне у другой бабушки Вали, – продолжает Миша. – Шарик, называется. Шарик тоже мясо сам съест, а суп жидкий оставляет подружке. Но барином себя не считает.

– Аристократ он, – поправляет Мишу бабушка Рая.

– Нет, не считает, не считает! – настаивает Миша. – Он просто Шарик. По телику сказали, в День города в Москве выпустили в небо полтора миллиона шариков.

– Двенадцать миллионов, – поправляет Мишу Кнопочкина его городская бабушка Рая.

– Нет, полтора миллиона, полтора, сказали по телевизору!

– Не капризничай, – твердо уже говорит бабушка Рая. – По числу жителей, на каждого москвича по одному шарик.

– А у нас тогда сколько в Орле? – говорит Миша Кнопочкин. – Тоже полтора миллиона?

– А у нас ни одного, – говорит внуку бабушка Рая.

– А почему? Денег нет?

– Мэр не разрешает, – говорит бабушка Рая.

– Не хочу, чтобы мэр не разрешал... плохой мэр...

– Отщипни-ка Коту маленько, поделись своим завтраком.

– Не хочу делиться с Бариним! Не хочу делиться с Аристократом! – хнычет Миша Кнопочкин. – У него и так всего много.

И отламывает лучший кусочек другому Коту – поменьше, черно-белому, который сидит сзади, у самой калитки и ждет, когда Кот Барин оставит ему, что сам не съест.

– Глупый ты, – говорит Мише бабушка Рая. – Ничего пока что в жизни не понимаешь.

– Зато я Кота черно-белого понимаю, – говорит Миша Кнопочкин своей бабушке Рае. – И еще понимаю нашу собаку в деревне.

– Ничего, ничего, Миша, – говорит городская бабушка Рая своему любимому внучку. – Ничего, ничего, Миша, в этой английской школе всему тебя научат. Будешь понимать даже больше, чем мы с дедушкой твоим – отставным майором Са-

шей. Завтра он поведет тебя в школу. Как накурится своего табаку, так никакой другой кот к вам не подойдет.

– С дедушкой Сашей мы дружим в деревне, где живет Шарик, – говорит хитрый Миша Кнопочкин. – А тут, в городе, мы, бабушка Рая, дружим с тобой.

– А мы сейчас спросим дедушку, – расстегивает бабушка Рая рубашку Мише, а там на груди у него мобильник. – Мы спросим дедушку Сашу, поведет он тебя завтра в школу или не поведет?

– Поведеет, – говорит убедительно Миша. – Потому что дедушка уважает всяких животных. Любит смотреть на всякие иномарки с Котами-Аристократами, а рядом с элитными мальчиками и девочками, а также с черно-белыми кошками, лежащими на шее у барышень вместо воротника.

Утром, как всегда в 8.00. Миша Кнопочкин с дедушкой Сашей стояли, где надо – на перекрестке улицы Русанова и улицы Фомина. И ждали. как всегда Кота-Аристократа. И Миша приготовил ему сюрприз.

– У лукоморья дуб зеленый, – читает вслух Миша Коту-Аристократу свое любимое стихотворение Пушкина из книжки «Все лучшее – детям.»

КАК МИША ПОШЕЛ В НОВУЮ ШКОЛУ

Собирался Миша пойти в одну школу, которая к его дому поближе, находится в их «микрорайоне». А попал в другую, какая подальше. И вот как это произошло.

* * *

Оказался Миша в соседнем дворе. Завел туда его аппаратик. Мобильник, сотовый телефон. Вон куда умеет он выходить – в Средиземное море, а тут всего ничего – через три дома на четвертый.

Стоит Миша перед качелями, на них много кому хочется покачаться. Целая очередь образовалась, а Мише нет времени ждать. Мише всюду надо быть первым. Но впереди него стоит девочка с огромным белым бантом на голове, а в руках ее красная роза.

Какой-то мальчик соскочил с качелей, и Миша ринулся сесть на качели вместо него. А девочка с белым бантом хлоп Мише красной розой по руке.

– Я – первая! – сказала она. – Я всегда и всюду первая.

– Это я всегда и всюду первый, – хотел отнять Миша эту красную розу у девочки с белым бан-

том. – Девочки не бывают первыми на качелях. Видишь, как летают на них – в самое небо.

– Другие, может, и не бывают, – надвинула девочка свой белый бант себе пониже, на самое ухо. – А я вот бываю!

Девочка встала на качели ногами, ухватилась руками за железные поручни и, вся изгибаясь, давай качать качели туда, сюда – все выше и выше, разгонять их, подлетать до самого-самого-самого неба.

Миша стоял внизу, под качелями, и переживал. Сердце Мишино замирало от страха, когда девочка подлетала в высь, к макушкам тополей. Он качаться так не умел, он так качаться боялся.

С неба откуда-то упал белый капроновый бант. Он упал с головы этой девочки. Только тут Миша и заметил, что девочка была вся в белом. В белом платье была эта девочка.

– Невеста, невеста! – стал говорить Миша всем подряд: кто стоял впереди – позади него, в очереди на качели.

Но никто не смеялся, не обращая на это никакого внимания. Все смотрели только на девочку в белом, каждый раз улетающую в синее-синее небо, под самые облака.

Миша держал в руке ее белый капроновый бант и не знал, что ему с этим бантиком делать. Наконец, он догадался помахать этой бесстрашной девочке в белом этим ее белым капроновым бантом.

И показалось Мише, что девочка кивнула откуда, с неба, ему – Мальчику с трубочкой, стоящему тут внизу на земле. И Миша засмеялся от радости. От того, что солнце яркое, небо – синее, а девочка в белом летает высоко-высоко.

– В какой ты школе? – спросил ее Миша, когда она спустилась вниз на землю и стала совсем рядом с ним.

– В своей, – ответила девочка. – Вон в той, имени Лескова. А ты?

– А я? – задумался Миша. – А я еще ни в какой. Но буду учиться в твоей, – сказал Миша, сжимая мобильник в своей белой, окостеневшей руке.

Пришел Миша домой, увидел папу и маму вместе и заявил им:

– А я женюсь.

– Да ну? – поразились Мишины папа и мама. – И на ком же, позвольте спросить вас, молодой человек?

– Нашел себе невесту, – сказал Миша очень серьезно. – Она в белом платье с большим белым бантом. Живет в соседнем дворе и ходит в соседнюю школу.

– Ну, и в чем будет выражаться это твое желанье «жениться»? – подмигнул Мишин папа Мишиной маме.

– А в том! – сказал твердо Миша. – Чтобы вы записали меня к ней туда – в ее новую школу.

– Но с этим строго у нас – положил папа руку на плечо Мише. – Детей у нас в городе записывают в школы только по месту жительства.

– Ничего, ничего, – подержала Мишу смелая мама. – Та – новая школа носит имя писателя Лескова. А у нашего Миши плоховато что-то с азбукой, с книжками. Может, это поможет ему лучше учиться по чтению?

Вскоре смелая мама сама пошла в школу имени Лескова, где училась та девочка в белом, с огромным белым бантом. И, несмотря ни на что, записала Мишу туда – в первый класс. Оказалось, в своем «микрорайоне» Миша в списках на этот год не состоял. Ему не хватало для записи всего каких-то двух месяцев.

А в новой школе учеников хватало. И Мишу, по просьбе родителей, в первый класс записали. В самом деле, здесь должна была учиться и та самая девочка, которая так любит качаться на качелях высоко-высоко, подлетать до самого неба и улы-

баться оттуда Мише. Так и стоит перед Мишей такая картина. Глядите, какое синее небо, и в нем летает эта девочка в белом, как белое-белое облако.

А Миша внизу тут с белым, огромным таким, капроновым прозрачным бантом в одной руке. А в другой руке у него мобильник, в который уже звонит Мише его тоже смелая, даже отважная мама:

– Миша, домой! Будем учиться с тобой... Считать, Миша, до десяти...

КАК МИША РАСКОЛОТИЛ ЧУЖОЙ МАГНИТОФОН

Уезжая в свое Суворовское училище, решил Валерий сходить к родственнице Татьяне Петровне и взял с собой Мишу. Вдвоем веселее. Татьяна Петровна жила одна, теперь даже без мужа и была, скорее всего, одинока. С радостью приняла она ребятшек, угостила их, чем бог послал. И поставила перед ними на столик свой любимый японский магнитофон «Сони» со своими русскими записями.

– Это лучшие на свете мюзиклы, – сказала она. – Караченцов поет из «Юноны и Авось» на слова Андрея Вознесенского. Слышите, как это мелодично, как волнует, трогает душу?

– Слышим, слышим, – отвечал, глядя в окно, Валерий. – Трогает, да, Михаил?

– Да, трогает, – подтвердил Миша.

– А это из другого мюзикла, – сказала Татьяна Петровна. – Из «Собора Парижской Богоматери», поют про Феба... А вот это из рок-оперы Гершвина «Порги и Бесс»...

– Ну, хватит вам, – остановил ее Мишин двоюродный кузен Витамин.

– Ух, какой у тебя характер! – удивилась Татьяна Петровна и смягчила тон. – Конечно, конечно, еще бы. Военный человек, будущий офицер... Чем бы, ребята, вас еще угостить? Вот вам по десять рублей на мороженое «пломбир». Рядом тут, за углом. Сбегай ты, что ль, Валерий? Купи мороженого себе и своему младшему братику Мише.

– Он мне тоже кузен, – сказал тете Миша. – Мы с ним кузены.

– Кому, кому, вы, ребята, кузены? – переспросила Татьяна Петровна.

– Мне, кому же? – только сказал тете Миша, как Валерия уже и след простыл. Валера был уже в киоске, что рядом тут, за углом.

Кузены ели мороженое под названием «пломбир» и слушали, как на кухне гремит посудой

хозяйка, а за окном где-то лает собака. Витамин тупо смотрел на любимый тетушкин магнитофон. Мороженое было съедено Витамином, а Миша все еще путался со своей порцией, с огромной такой пачкой. Мороженое текло по ладони у Миши и делало липкими Мишины пальцы.

– Дай-ка, откусить, – потянулся за Мишиным «пломбиром» Валерий. – Давай, давай! – сказал он поостроже.

– Ага, – захныкал Миша. – Свой кусок слопал и за моим попинаешься, обжора. Не дам!

«Не могла дать мне еще десять рублей, на две пачки, – злорадствуя, подумал кузен Витамин о доброй, хорошей Татьяне Петровне. – Я такой большой, а он такой маленький... Мишка-то... а мороженого нам одинаково, по одной пачечке...»

– Дурацкий магнитофон, – пнул Витамин коленом «япошу», стоящего на низком телефонном столике, «япоша» упал и разбился.

Испугались оба: и Валерий, и Миша. Что же теперь будет-то? Что сказать хозяйке квартиры Татьяне Петровне?

– Посади свинью за стол, – сказал Витамин, строго глядя на Мишу со своими липкими пальцами, – она и ноги на стол.

– Чего это ты? – не понял Миша Витамина – Валерия.

– А то! – теперь уже сердито сказал Мишин кузен. – Никак не дожрешь свой «пломбир»... А то! Расколотил вот чужой магнитофон...

– Ты что? Да ты что! – аж задохнулся от изумления Миша. – Разве так можно... врать? А? Так разве можно?

– Можно, – сказал уже спокойно Валерий. – «Круговая порука» называется. Это когда кто-то что-то разобьет, поломает, а валит на другого. А тот защищается и говорит на третьего...

– На какого третьего? – сунул Миша Витамину – кузену оставшийся у него маленький такой, совсем маленький кусочек.

– Оглодок какой-то даешь, – фыркнул Валерий, и Мишин «пломбирчик» тут же исчез в его животе. – На кого третьего? – сказал он Мише, как можно спокойнее. – Третьего у нас тут нет. Вот ты и скажи Татьяне, что это ты расколотил ее дурацкий магнитофон... возьми все на себя...

– Да ты что? – возмутился Миша и решил защищаться. – Как это я? А ты?

– На то и круговая порука, – сказал Мише кузен, как можно спокойнее, даже нагло. – Кру-

говая оборона... А лучше так. Давай свалим все на нее.

– На кого?

– Ну, на тетушку нашу, на самую хозяйку, на Татьяну Петровну. Скажем, что это она плохо поставила свой магнитофон – на самый край, вот он и упал со стола.

Так и сказали тетушке, когда она явилась с кухни. В ее руках была разбитая ею любимая чашка. А тут еще и магнитофон на полу.

– Боже! Что тут творится! – ахнула она, и любимая чашка вывалилась у нее из рук. – Не дом, а содом и гоморра.

– Тетушка, а что такое Содом и Гоморра? – спросил Миша Татьяну Петровну.

– Святые были такие, – буркнула родственница. – Наверно, из Древней Греции.

– Это Феб виноват из мюзикла, – склонился Витамин – Валерий к лежащему на полу магнитофону. – Или, может, Караченцов? Анастасия Вяльцева. Вот кто! Больно громко пели... Включила на всю катушку, а магнитофон был на самом краю.

– Так что, я виновата? – удивилась хозяйка, поднимая разбитую чашку из китайского сервиза, лежащую на полу рядом с разбитым «япошей». И

сказала печально: – Ну, конечно, я виновата, а кто же?

Миша стоял перед тетей, опустив голову: «Вот какая она – эта «круговая порука». А, может, взять и свалить все на четвертого? Например, на ветер, ворвавшийся нежданно-негаданно в раскрытую форточку». А потом Миша передумал да и говорит сам себе: «А что скажем мы папе и маме, когда вернемся домой?» И ему стало жалко не себя даже, не, конечно, кузена Валерия, а эту старенькую уже, одинокую тетушку Татьяну Петровну, у которой нет теперь никого. Ни сына, ни даже мужа. Некому будет ей рассказать ни про чашку разбитую, ни про магнитофон...

Миша набрал «любимый» номер, приложил к уху трубочку.

– Мама, мамочка! – сказал он туда – домой, в Интернет, на весь мир. – Мама! У меня беда, прямо горе... Тетя разбила чашку, а мы с Валерием – магнитофон. Вот получилась такая плохая у нас «круговая порука». У Петровны тоже было когда-то детство, а теперь она старенькая. Мне жалко ее...

– Золотой ты мой, добрый, хороший мой мальчик, – говорила мама Мише в его трубочку. – Иди скорее домой, зови в гости к нам сюда Татьяну Петровну.

И слышно было далеко, далеко – ее голос звучал на весь мир, до самого Средиземного моря.

ДЕВОЧКА КАТЯ – ЛИДЕР

Миша пошел в школу – в первый раз в первый класс. По дороге все думал, как он встретит в своем классе девочку в белом, что качалась тогда на качелях в соседнем дворе. Оказалось той девочки нет в его классе. Другие девочки есть, а этой – нет. Только подумал Миша: «Где она может быть?» – как вот она, та самая девочка, только уже не в белом платье и с большим белым капроновым, прозрачным таким бантом. А, как и все тут девочки, в черном платьице и белом фартуке. С синим рюкзачком за спиной.

– Ты куда это разогналась? – спросил Миша девочку. – И почему тебя нет в нашем классе?

– Я – лидер, – сказала девочка с синим рюкзачком за спиной. – Я лидер в своем классе, а не в твоём.

– А как зовут тебя, девочка? – спросил Миша.

– Катя, – сказала девочка. – Катерина. Была такая царица.

И пошла Катя – Катерина своей дорогой, а Миша пошел своей дорогой. Пришел домой и говорит маме:

– Почему ты меня записала не в тот класс, где моя невеста – девочка в белом, с большим белым бантом? Только теперь она в черном платье с белым фартуком и с синим рюкзаком за спиной. И зовут ее Катя. Царица говорит, была такая – Катерина.

– Екатерина Вторая, императрица, – засмеялась Мишина мама. – Или Екатерина Великая.

– А вот Катя говорит, что она всюду и везде первая, – возразил Миша. – Что она девочка – лидер. Но я еще не сказал ей, что она моя невеста и что я женюсь на ней. Я ее выбрал.

– Ну, позови, позови ее к себе сюда к нам, – сказала мама. – Мы посмотрим тут на нее, какая она у тебя, Катя, твоя невеста?

В субботу им надо ехать к бабушке Рае, в Малый городок. Катя согласилась отправиться туда вместе с Мишей, с Мишиными папой и мамой. В саду в Малом городе у бабушки Раи собралась та же компания, что и тогда, на день рождения бабушки, на Яблочный Спас. Погода была хорошая: тепло, солнечно, похоже на бабье лето.

Катя тут же нашла себе подружку подходящего возраста – внучку бабушки Раи от другой дочери, звали подружку Надя, Надежда.

– Я – лидер, – подошла Катя к столу, за который собирались усесться взрослые.

– А в чем это выражается? – удивилась бабушка Рая.

– Потому что я – первая. Всегда и везде, – сказала уверенно девочка Катя и принялась помогать бабушке Рае расставлять на длинном столе, накрытом цветастой клеенкой, всякие рюмки, стаканы, посуду.

– Первая? – подошел к ней Мишин папа с улыбкой. – Ты так считаешь?

– Я люблю быть первой, – сказала Катя.

– А ты? – обратился к Мише его папа.

– Я тоже люблю быть первым, – ответил Миша и посмотрел выразительно на свою добрую, хорошую маму.

– У мамы ты первый, – сказал Катя. – А я лидер у всех. Миша первый только у мамы, ты – маменькин сынок.

– А ты кто такая? – спросил Катю Мишин папа.

– А я – папина дочка, – сказала Катя. – У меня нет мамы, мы с папой живем вдвоем.

– И почему ты должна быть первой? – спросил Мишин папа. – Что тебя – папа так учит?

– Нет, – сказала твердо, уверенно Катя, – я сама такая. Папа говорит, что я уродилась такая. Я люблю

все первое вокруг. Видите, какая сегодня хорошая погода?

– Ну, и что? – огляделся вокруг себя Миша. – Что из этого?

– А то! А то! – аж запрыгала на месте Катя, Катерина – вчера еще девочка в белом, с большим капроновым бантом. – Как ты, Миша, не понимаешь? Это же бабье лето! Перрррвое, первое бабье лето! Пер – во – е... А Екатерина была Вто – ра – я...

– Екатерина была царица, – возразил Миша. – А у тебя нет теперь даже белого банта.

– Пошли! – взяла Катя под руку свою подружку Надежду и повела ее к гамаку, подвешенному к огромному, толстому суку яблони в уголке сада.

– Ложись, – постелила Катя курточку своей подружке в гамак, положила туда подружку и стала качать гамак, напевать песенку.

Миша сидел на скамейке напротив и слушал, как трещат где-то близко сороки, и далеко-далеко шумит Мурашихинский лес.

Обратно в свой большой летящий город Орел. они вернулись на другой день, в воскресенье. Катя тут же побежала в свой соседний двор, где был большой дом, в котором она жила со своим папой.

Мишин папа подозвал к себе Мишу и, улыбаясь Мишиной маме, сказал Мише:

– Хорошо, что Катя – лидер в своем классе, а ты – в своем. И встречайтесь хоть где на нейтральной территории.

– Лидерами рождаются, – сказала Мишина мама решительно и повела Мишу в ванну отмывать его от бабушкиных колорадских жуков.

ДЕВОЧКА КАТЯ ПО ИМЕНИ КЭТ

Девочка Катя ждала Мишу возле школы, когда у него закончится последний урок. Подошла и взяла его за руку и говорит:

– Поедем на теплоходе кататься по Оке-реке. Заметил, Орел и Ока-река на одну букву? О-о-о!..

– Как интересно! – воскликнул Миша. – Поедем, поедем, поедем!

Пришли они к лодочной станции за горсадом. А белый теплоход уже стоит у причала. И пассажиры идут к нему, чтобы садиться и плыть вверх по реке, навстречу течению. И музыка навстречу по всей реке, по всему городу гремит. «А на теплоходе музыка играет

А мы одни стоим на берегу...»

Захлебнулся репродуктор. И тишина, аж в ушах звенит.

– Катя, у тебя в ушах звенит?

– Дальше что? – сказала Катя. – Почему перестали играть? «А на теплоходе музыка играет...»

– Миша, – говорит Катя – Катерина, девчонка в школьной форме, а была ведь летом, кажется, совсем недавно, в белом вся, с большим белым бантом. – Миша, а что дальше? Не знаешь, так сам сочини.

– Не умею, – заглядывает Миша в глаза ей. – Сама придумывай и сама пой.

– Вот слушай, – засмеялась Катя. – Вот такая песенка...

«Черное море, белый пароход.

Девчонка Катя по морю плывет.

Девочка Катя, девочка Катя, девочка Катя

По имени Кэт».

– Ну, и как? – взяла девочка Катя за плечо Мишу и повторила. – Ну, как?

– Девочка Катя по морю... плывэт...

Девочка Катя по имени Кэт...

– Привэт! – засмеялась Катя. – Вот и приехали.

– Куда мы приехали? – спросил ее Миша. – Теплоход стоит, еще не отправлялся.

– Это так говорят, – сказала девочка Катя. – Ну, вот и приехали.

– Кто говорит?

– Папа мой так говорит, – сказала Катя, – когда у него что-нибудь не получается.

– У нас все получится, – радуется Миша Кате. – Если мы с тобой захотим.

Но тут все у них едва не сорвалось. На белый теплоход людей пускают за деньги, а денег у них нет. Какие деньги? Они только что из школы. – Так, идите, ребята, домой. Что вы сразу на теплоход? – Теплоход такой большой, красивый. Так хочется на нем покататься. – А что вы умеете делать? Может, палубу драить, в салоне подметать?

– Мы петь умеем, – сказала девочка Катя. – Да, Миша?

«А на теплоходе музыка играет,

А мы вдвоем стоим на берегу...

Тра-та-та-та... сердце замирает,

И ничего поделать не могу...»

Миша засмеялся и тоже запел вслед за ней:

«Белое море, черный пароход,

Девочка Катя со мною плывёт.

Девочка Катя, девочка Катя, девочка Катя

По имени... по имени...»

– Кэт! – строго сказала девочка. – Не зови меня больше Катей, зови меня Кэт... по имени Кэт...

Женщина, которая стояла у входа на теплоход и отрывала билетки, оглядела их с головы до пят и сказала:

– Ладно, дети, входите и без билета. Куда вам? На дачи? Хорошо, довезем вас. Но в первый раз и в последний.

Плыли, плыли ребята. Пели, пели ребята. Город на букву «О» остался за спиной. Справа остались заводы. Но вот и дачи. Вышли ребята, сделал круг белый теплоходик и поплыл по Оке-реке в обратную сторону. Огляделись они, куда им тут идти и что делать?

– Есть уже что-то хочется, – собрался было занять Миша, но девочка Катя достала из ранца бутерброд с сыром и колбасой и разломала пополам.

Себе оставила половинку с сыром, а Мише дала половинку с колбасой.

– Спасибо, Катя, – улыбнулся Миша и хотел уже съесть свою половину, но девочка положила руку ему на плечо и сказала совсем строго:

– Не зови меня Катя, а зови меня Кэт.

Миша молча постоял, постоял, съел свою половинку с колбасой и запел от удовольствия, что поел, заморил червячка:

«Черное море, белый пароход.

Девочка Кэт со мною плывёт».

– Ну, привет! Приехали! – засмеялась Мишина подружка. И тут она сделалась вдруг серьезной такой, даже строгой. – Видишь? Совсем не знаем, куда мы приехали.

– Ты – лидер, ты и веди, – буркнул Миша.

– А ты? – ответила девочка. – Ты тоже ведь лидер.

– Я вел сюда, плыли на теплоходе, – сказал Миша. – А ты веди теперь отсюда домой.

А лес шумел, река играла. Дачи на другом берегу были безлюдны. И вокруг было страшновато. Но тут девочке-лидеру повезло: она увидела, как за посадкой прямо перед ними вспыхнул и рассыпался сноп электрических брызг.

– Это молния! – закричал он.

– Нет, это трамвай! – перебила его девочка Катя по имени Кэт.

И они бросились навстречу электрическим искрам.

– Все трамваи идут в одну сторону, в город, – говорила она на ходу. – Направляются в центр, а от центра дорогу домой я знаю.

– И я знаю, – сказал девочке Кате Миша и взял ее за руку.

В трамвай без денег их не пустили, и они шли в город прямо по шпалам, по шпалам, по шпалам.

Они шли вдвоем, взявшись за руки, и пели, пели вдвоем Мишину песню:

– Черное море, белый теплоход,
Девочка Кэт со мною плывэт.
Девочка Катя, девочка Катя,
Девочка Катя по имени Кэт.

ТРОЕ МАЛЬЧИШЕК-ФРАНЦУЗОВ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

Жила-была у бабушки Раи подружка бабушка Люда. И жила-была она в том же большом городе О., где и Миша. Где Мишин папа и Мишина мама. Вот приходит она однажды к ним и говорит:

– Пятеро французов из Швейцарии к нам сюда в гости приехали. Трое мальчишек и вдвоем мама с папой. Были уж в Санкт-Петербурге и сюда решили заехать. Мы дружили с их бабушкой семьями, целых сорок лет и три года... Приходите к нам непременно, приводите с собой вашего Мишу.

Проснулся Миша чуть свет и тут же потащил своих родителей к бабушке Люде, чтобы чудо-

юдо такое увидеть собственными глазами. Как это можно: все трое мальчишки, сами французы, а из Швейцарии? Разве такое бывает?

И они пришли туда все втроем: Миша и его папа и мама. А французы – мальчишки все еще спят. С вечера набегались, находились по городу, и еще спят. Крепко-крепко, как говорится, без задних ног.

– Ну, и где они, мальчишки эти? – говорит Миша.

– Да вон в большой комнате, прямо крючком вповалку лежат, – приоткрывает дверь бабушка Люда. – Согнутся в одну сторону и спят. А как надоест, так они потолкают друг друга и все втроем на другую сторону переворачиваются.

– А почему они на полу? – спрашивает Миша.

– А где же еще? – отвечает бабушка Люда.

– А кто спит на диване?

– Их папа.

– А где спит их мама?

– А мама – в другой комнате, вместе со мной.

– Тоже «крючком»? – живо интересуется Миша.

– Нет, что ты, – смеется бабушка Люда. – Мы, взрослые, «крючком» спать уже не умеем. Мы спим обыкновенно. Как все.

– Тесновато вам тут, – заметила Мишина мама.

– Тесновато, – подтвердил Миша.

– Братья же, им так хорошо, – сказала бабушка Люда. – Вон они, все трое. Как по лесенке у своей мамы Натали. Старший – ему скоро пятнадцать, средний – девять лет уже, десятый пошел, а самый младший – тебе, Мишута, ровесник. Вон лежит у самой стенки...

Надоест младшему спать на одном боку, так он берет и переворачивается на другой бок, дышит среднему брату в лицо. Среднему надоест дышать горячим воздухом от младшего брата, покрутится, покрутится и тоже переворачивается на другой бок. А старшему что делать, если на него сопят, дышат уже две горячих трубы, потерпит-потерпит да и тоже переворачивается на другую сторону... Так за ночь раза по три и перевернутся. Как блины, блинчики...

– А ты что ж, наблюдаешь за ними? – улыбнулась Мишина мама.

– Ну, а как же? – говорит, светится вся бабушка Люда. – Сижу над ними целую ночь и гляжу во все глаза, как сова. Своих внуков нет, так на них хоть нагляжусь, как на своих собственных. Они же внуки моей подружки Жозетты. Я же помню, как мама их Натали появилась на свет у Жозетты на белый свет, а потом и ее младший брат...

А теперь вот, как Жозетты, а следом и ее мужа, после болезни не стало, так Натали мне за дочку, а ее мальчишки – за внуков. Все, бывало, по письмам связь шла, все по телефону. А теперь я сама прежде к ним туда, под Женеву, съездила, и они вот приехали теперь сюда. Ко мне, своей русской бабушке... «Гранд-мэр» – они называют меня. По-французски. Это значит, русская бабушка...

– Пусть спят, – сказала Мише его строгая мама.

– Нет, нет, я тоже хочу туда к ним, – закапризничал Миша. – Лечь рядом с их младшим братиком. Как они, спать «крючком»...

– Ты же французский не знаешь, – сказал Мишин папа.

– А на это языка никакого не надо, – улыбнулась бабушка Люда. – Нужна только душа, только горячее, доброе сердце.

– Я позову к себе домой младшего, – сказал Миша своей маме и своему папе. – И тоже буду спать с ним «крючком». И буду учить его русскому.

– Слыхали, что говорит вам сынуля? – сказала бабушка Люда, провожая до двери Мишину маму и Мишиного папу. – У вас же трехкомнатная.

Миша хочет спать «крючком» на полу, а с кем? Скоро уедут французы...

– Да, мама! С кем буду спать я? – смотрит на свою добрую, милую маму Миша. – Да, с кем? Когда уедут мальчишки эти – французы, к себе обратно туда – в свою родную Швейцарию?

ЯБЛОКО НА ГОЛОВЕ

Вышел Миша в свой двор. А во дворе спортивные соревнования. Столько школьников, особенно на баскетбольной площадке. И среди них его знакомые: мальчишки – французы, что из Швейцарии. Пришли сюда вместе с бабушкой Людой посмотреть, как у нас тут играют в любимую их игру – баскетбол.

Миша подошел к ним, поздоровался. Встал в сторонке, чтобы не мешать проявлять французским мальчишкам свои незаурядные способности. А они те способности, в самом деле, должны быть незаурядные. Бабушка Люда говорит, мама у ребят такая: не даст дремать никому. Всех кого куда определила. Старшего, сама высокого, записала на баскетбол. Среднего посадила на велосипед, он участвует в гонках по швейцарским горным дорогам. А младший – тянется к старшему, тоже давай ему баскетбол, но он же пока еще маленький.

А тут кто придумал у них во дворе такие соревнования? В кольцо баскетбольный мяч бросать. Кто метче? Кто больше очков наберет, сколько у кого попаданий?

Дошел черед до старшего Флориана. Вышел он на исходный рубеж, что-то волнуется, даже руки дрожат. Сколько глаз смотрят, сколько губ, может, шепчут про него: «Французик, француз из Швейцарии».

Лезет под руку ему на выручку самый младший из братьев – Тибо. Тут же средний брат Робин. Все втроем стоят молча. Так, наверное, думают, их тут каждая собака знает, что они французы. А тут же все кто откуда, из соседних дворов, даже из разных школ. Бежит младший Тибо к щиту, становится под щит, под самым кольцом. А средний Робин забирает у старшего брата мяч и вместо него сам становится на исходный рубеж.

– Это они сцену такую разыгрывают, – говорит бабушка Люда Мише и всем окружающим. – Из легенды о Вильгельме Теле, швейцарском стрелке. Враги поставили перед ним сына, положили яблоко на голову, дали лук отцу: «Стреляй!» Собьешь стрелой яблоко – хорошо, даже замечательно! Цена этому – жизнь сына, свобода герою...

Робин целился, младший Тибо стоял под кольцом, так брату лучше «стрелять». Первый бросок – точно, второй – тоже точно...

– Бабушка, – говорит Миша, – а почему «стреляет» Тибо, а не старший Флориан?

– А потому что он Робин, – сказала бабушка.

– Ну, и что? – покачал головой Миша.

– А Робин – это имя такое, – улыбнулась бабушка Люда. – Робин Гуд, по английской легенде – волшебный стрелок... Понял смысл? Не может Робин Гуд промахнуться.

Все десять бросков попали в кольцо.

И началась игра. Тут уж стал проявлять себя Флориан – старший и самый высокий. Он носился по площадке, ловил вверху мяч и, пробежав к щиту, клал его в кольцо. Еще раз, еще...

– Эх, раз, еще раз,

Еще много, много раз! – запела, захлопала в ладоши бабушка Люда.

– Бабушка, – сказал Миша, – отчего ты поешь? Ведь это же выигрывает их двор, а не наш.

– Хорошо ребята играют! – засмеялась бабушка, и затоптала, заколотила ногами. – Робин Гуд, волшебный стрелок! Робин, Робин, Робин Гуд!..

– Робин Гуд ведь другой – средний брат, – сказал бабушке Миша и завопил на весь двор. – Капитаном его, капитаном!

Сбежались ребята из соседней дворовой команды.

– В капитаны его! – кричат. – В капитаны!... Но почему он молчит?

– Он – француз! – кричит Миша. – Он француз из Швейцарии! И по-русски еще не умеет.

– Урра-а-а! – закричали все во дворе, когда Флориан положил мяч в кольцо.

– Урра-а-а! – кричал Флориан вместе со всеми во дворе.

Так кричат у нас, когда что-то сделают здорово. И Миша был заодно с Флорианом. И так хотелось ему научить Флориана говорить по-русски. Как это – быть у нас тут в России и не говорить по-русски? Это быть не может. А то, чего не бывает, то – сказка.

ОЦЕНКА ПО РИСОВАНИЮ

И вот мальчик Миша опять в своем первом классе. Раньше, говорят, сидели по-двое и за партой. А теперь сидят по – одному и за столом. Это, чтобы первоклассники друг к другу в тетрадь не заглядывали. А еще, чтобы тетради с учебниками не

мялись, не горбились, не лезли в гору, какие всюду тут у нас на Среднерусской возвышенности, а лежали бы на столе плоско, как хлеб в Русском поле, на широкой равнине, в степи.

Вот это – на уровне рисования и надо Мише изобразить. Что хочешь на выбор изображай: хочешь гору, хочешь степь. Миша целый урок ничего не рисовал, только думал: что из заданного ему взять и изобразить?

Потом еще были уроки: чтения, математики, урок физкультуры. Идет Миша домой не спеша, вразвалочку, хотел позвонить маме, чтобы она его встретила. Сама чтобы Мишин ранец домой понесла. А тут Миша видит неожиданно перед собой замечательную белую стену. Это построили новый дом, а стена сзади без единого окнушка, без единого пятнышка. Русское поле, степная равнина.

– Сейчас мы откроем ранец, - говорит Миша сам себе, – и достанем оттуда эту самую штуку, которой рисуют на стенках. Как говорят в школе, дети делают «граффити».

И давай Миша рисовать, и давай изображать на стене это самое «граффити».

Прошел житель этого почти нового дома и прогнал Мишу.

– Нечего, – говорит, – тут мазню наводить, портить наш дом под флагом нашего города.

Прошел старшекласник из ихней школы, наоборот, говорит:

– Очень хорошо, мальчик! Даже замечательно. Оказываешь какой-то стенке внимание. А мы окажем внимание тебе, пацан. – Взял и щелкнул Мишино «граффити» на стене нового дома, поместив все это в свой фотоаппарат.

– Идем со мной, первачок, – сказал он Мише, – пока я добрый.

Зашли они, в «Цифровое фото» тут рядом и сделали фотоснимок. И старшекласник подарил Мише этот роскошный фотоснимок, сказал:

– Это я тебе так поздравил с началом нового учебного года... Ну-ка, – поднял он Мишин ранец и покачал его на весу. – Пока еще ничего, колов не нахватал, не напихал туда к себе всякой всячины.

Миша сказал «спасибо» старшекласнику. Заметил при этом, что учительница вчера говорила: первокласникам колы не ставят, ставят только четверки или пятерки.

– Ну вот, – щелкнул по носу его старшекласник, – отними от пяти четыре, как раз кол и будет.

На другой день пришел Миша в школу. И опять урок рисования.

– Ну-ка, ребятки, – говорит учительница Клавдия Петровна, – давайте посмотрим, что у нас вчера получилось?

Подал Миша учительнице свою фотографию «Русское поле. Снеговая равнина».

– Что это? – спросила учительница.

– Рисунок мой, – говорит Миша. – «Граффити» – называется.

– Хорошо, Миша, – улыбнулась учительница. – Я поставлю тебе за это «пятерку».

Все в классе засмеялись, заплодировали Мише, как герою какому-либо из телевизора. И все стали рисовать новое задание: школьный двор с ракетой, у окна. Смотрит Миша, а у ракеты стоит его мама и ждет перемены.

– Клавдия Петровна, – подошла она после к учительнице, – отпустите, пожалуйста, Мишу с уроков, его ждут в детской поликлинике.

И учительница отпустила Мишу, чтобы вместе с мамой он пошел в свою детскую поликлинику.

И опять идти Мише в школу, в свой первый класс. И опять урок рисования. А у Миши нет рисунка о том, что Миша с мамой ходил вчера в детскую поликлинику.

Одни ребята показали Клавдии Петровне свой рисунок: школьный двор за окном, посередине ракита. А другие, как и Миша вчера, принесли фотографии и давай показывать свои разные стены с разными «граффити».

Учительница глянула на все эти фото и даже не улыбнулась, как вчера Мише, а глубоко вздохнула и сказала всем, на весь класс:

– Я бы за это поставила кол. Но пока ничего не поставлю, ребята! Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой сказал: «Кто первый сделал открытие – хорошо, кто второй – плохо, а третий – хоть брось...»

Миша тут же достал свой мобильник и позвонил маме.

– Мамочка! – сказал он в трубочку счастливым, радостным голосом. – Я получил первую «пятерку»! И меня похвалил сам Лев Николаевич Толстой.

ДЕНЕЖКИ НА АСФАЛЬТЕ

Бабушка Люда поехала провожать своих заграничных гостей в Москву. Всех пятерых французов из Швейцарии: троих ребят (Флориана, Тибо и Робина) с их мамой Натали и папой Ив-Лораном. От гостини-

цы, где они остановились, тут же, в районе Арбата, всюду можно ходить пешком. Особенно по Старому Арбату, где художники сидят, рисуют портреты, музыканты играют на какой-нибудь флейте.

Все трое ребят бегут впереди. То в «Макдональдс» шмыганут, купят себе какой-нибудь швейцарский сырок. То выпьют кока-колы в бумажном стаканчике. Всюду реклама, музеи, театры. И тут один из братьев, это средний из них Тибо, споткнулся и вниз глянул: на что это он споткнулся? Оказалось, на камешек. А у камешка Тибо увидел монетку. И еще монетку. И еще.

И стал Тибо собирать монетки, рассыпанные по асфальту. Старший Флориан тут же сообразил, что и ему не мешает нагнуться, спина не переломится. Только он подумал об этом, как младший, самый шустрый, выходит, самый сообразительный, схватил монетку перед самым его носом и сунул себе в карман.

И началось у ребят погоня за монетами, состязание. Кто больше соберет? Кто скорее карман денежками загрузит? А монетки-то всякие попадают: то поменьше какие – белые, то побольше какие – тоже белые, а то и желтые – самые крупные.

– Это рубли.... пятерки... даже десятки, – заметила такую игру у ребят русская бабушка Люда и, подтолкнув под локоток Натали, стала говорить ей по-французски. Мол, смотри, Натали, как ребята твои для ваших швейцарских банков стараются. И Натали прикрикнула на своих сыновей, чтобы они тут не больно-то из себя выходили.

Отбежали они в сторонку и опять за свое: игра продолжается. Самый маленький – вот кто чаще всех нагибается. Вот кто выхватывает денежку за денежкой на асфальте прямо из-под носа у самого длинного Флориана.

Ив-Лоран купил ребятишкам по «гамбургеру». Двое старших тут же слопали, а младший Робин задержался. Больно велик этот «гамбургер» – рот маловат, не пропихнешь. И пока Робин справлялся с этой самой штукой московской, двое старших братьев продолжали свою игру на асфальте.

– Я первый! – Нет, я первый!

И весело им, и смешно. А когда они мост переходили – длинный такой, бесконечный, от усталости они даже запели. Идут и поют, идут и поют. Захныкал маленький Робин, взял и присел на скамейку, достал из кармана остатки своего «гамбургера» и стал крошить его, кормить голубей.

Вернулись они назад, прошли опять по Варварке, по Гоголевскому бульвару. Ноги сами вынесли их снова поближе к своей гостинице на Старый Арбат. Старший Флориан взял младшего Робина за руку и подвел к музыканту – играющему на трубе. И стал выгребать из кармана Робина и сыпать музыканту собранные Робинот монетки. И Робин живо стал ему помогать. И Тибо – средний брат – хотел высыпать горсть свою перед художницей, рисующей тут же всем прохожим портреты, но глянул, а перед ней уже лежат бумажные деньги. Куча мала. Тогда он взял и тоже высыпал свою горсть другому музыканту, играющему на другой флейте.

Проходили мимо театра Вахтангова.

– Это хороший театр, – сказала бабушка Люда Ив-Лорану и Натали. – Тут играет знаменитый артист Лановой – наш знакомый... А там вон музей Пушкина – поэта, нашего национального гения...

И Натали тут же купила ребятам красивую книжку сказок Пушкина. И опять ребята все втроем, бегут дальше, кричат друг другу на своем французском языке.

– Смотрите, смотрите! – машет им рукой Натали. – Это артист из Франции! Мы видели его в Париже, по телевизору. А тут мы видим его живого в Москве... Это Дени Бун...

Подошел этот артист, говорит:

– Да, я тут живу уже месяца полтора. Фильм снимаю. Скоро увидите его на экране...

И все стали фотографироваться с Дени Буном – французской знаменитостью тут в Москве.

И опять бегут все трое братьев по Варварке, Гоголевскому бульвару. Хватить монетку с асфальта, хватить другую. Раздавать уже не успевают, в карманах что-нибудь да задерживается.

На другой день собрались все они уезжать домой, в свою Швейцарию, и отправились в Домодедово. Сидят в аэропорте, ждут самолет на Женеву. Пошли в кафе, стали заказывать кому что захочется.

Чай русской бабушке Люде, кофе – папе, маме – кока-колу, горячий шоколад – Флориану и Тибо, а самому шустрому, самому хитренькому Робину холодный шоколад. Это чтобы поскорее выпить да первому бежать на регистрацию, в свой самолет. Вроде первее всех окажется дома, в Швейцарии, у своего Женевского озера.

Прощаясь, взяли ребятки и выгребли все до последней монеточки из карманов и отдали русской бабушке Люде. Проводила бабушка Люда своих замечательных заграничных друзей в их Женеву, вышла из аэровокзала и двум первопопавшимся

старушкам откуда-то из-под Барнаула насыпала в ладони по полной пригоршне.

Те удивились крайне:

– Откуда это?

– Из швейцарского банка, – засмеялась бабушка Люда.

На Курский вокзал бабушка Люда ехала из Домодедово электричкой. Рассказала соседу про гостей своих, про монеты, валяющиеся всюду тут в Москве по асфальту, особенно на Старом Арбате. Сосед оказался совестливым, с крестиком на шее.

– Зажирела наша столица, – вздохнул он, глядя в окно на все мелькающее и мимо летящее. – Денег невпроворот.

И уже в Орле, когда бабушка Люда ехала с вокзала домой, она увидела, как на порожек «маршрутки» из чьих-то рук выпала монетка... Маленькая такая, желтенькая... десять копеек. До своего дома по своей улице шла, сколько ни глядела, так ни единой монетки и не попало... Провинция, не московские денежки... что с нас возьмёшь?..

Уже открывала дверь в квартиру, как ей позвонили по мобильнику и на чистом французском сказали, что они долетели до Женевы благополучно. И завтра же все собираются съездить в кино посмо-

треть на этого артиста Дени Буна, которого они видели в Москве. Натали сообщила русской бабушке Люде, что младшему из ребят Робину захотелось вернуться в Москву – «Зачем? – спросил, засмеявшись, Флориан?. – Денежки собирать на асфальте?» – «Учиться поеду, – сказал Робин. – Хочу стать артистом, чтоб как Дени Бун, сниматься в кино».

ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Мария Васильевна знала, что у нее в группе в этом году будет африканец, из дружественной Анголы, и готовилась к этой встрече. Человек с детства говорит на французском, этот язык у них второй государственный...

Войдя в аудиторию, она сразу же увидела среди своих «бледнолицых» загорелое лицо, кудрявую голову и белозубую улыбку.

«– Шансель», – представился анголезец.

– Хорошее имя, – сказала она, – означает «удачливый».

Для этого занятия Мария Васильевна приготовила студентам свою любимую тему: «Мой круг чтения, мои любимые книги». Это нелегкая тема в наше интернетное время. Пишут на французском языке.

Проверяя работы, она не нашла у Шанселя ни одной ошибки. Оказалось, он был очень начитанным, знал Дидро, Руссо, Мольера, Вольтера. «Да что же это такое?» думала Мария Васильевна. – Дидро? Это его библиотеку купила Екатерина Великая? Ну, философ! Но я-то не Екатерина, я ничего его не читала. Что же делать, читать Дидро? Нет уж».

В аудитории, комментируя сочинения, она сказала, что надо читать современных авторов, что Дидро – это восемнадцатый век, древность и порекомендовала ему роман «Зази в метро», где современный разговорный французский язык, который он прекрасно знает.

Следующий раз Шансель удивил ее тем, что по индивидуальному чтению взялся читать «Орля» Ги де Мопассана.

– Что за фантазии? – сказала она. – Зачем Вам эта фантастика, у нас она не приветствуется. Уж если читать Мопассана, то читайте «Пышку», которую Флобер оценил как шедевр.

Студент объяснил, что у себя дома, на экзамене по французскому языку они писали диктант из «Орля», он тогда еще не читал это произведение, а теперь решил восполнить этот пробел.

– Не знаю, не знаю – ответила Мария Васильевна, – советуйтесь, что выбираете читать.

И уж совсем Шансель достал ее на занятии по домашнему чтению. Они разбирали новеллу Мопассана «Мадемуазель Перль» (Жемчужина). В результате обсуждения все, в том числе Мария Васильевна, пришли к выводу, что молодой человек, друг семьи, поступил верно, когда на праздник Епифании, раскрыл секрет хозяина дома, главы семьи и мадемуазель Перль. Ее взяли в семью на воспитание младенцем, которого нашли в коляске, в саду под новогоднюю ночь. Она стала членом семьи, ее полюбили, воспитали как родную дочь. В то время господин Шанталь, теперешний отец семейства, был подростком и обручен с девушкой, на которой впоследствии и женился. Мадемуазель Перль и господин Шанталь росли вместе, как у них возникло чувство, когда они полюбили друг друга, никто не подозревал. Для каждого из них это была величайшая тайна. И вот молодой друг семьи раскрывает их тайну, о чем каждый из них в семье боялся признаться даже себе.

При обсуждении все сходились на том, что это хорошо, что это делает их счастливыми, так как они знают о чувстве другого и т. д. и т. п.

И только Шансель сказал, что это было плохо, некорректно со стороны молодого человека. Он разрушил гармонию семьи.

«Опять этот Шансель, – возмутилась про себя Мария Васильевна. – Что же с ним делать?»

И нашла. Да, он знает французский язык, прекрасно говорит, у него богатый словарный запас. Но он не знает точных формулировок грамматических правил. И началось: фютюр иммедиа, пассе дан ле пассе, кондисьонель вторая форма и так далее. Шансель пыхтел, учил, стал делать ошибки в упражнениях. В результате не сразу сдал зачет по грамматике. Мария Васильевна была в восторге. «Я научу его французскому языку!».

Шансель перевелся в Москву. Закончил университет, затем аспирантуру. Защитив диссертацию, он приехал сюда, прошел конкурс на заведование кафедрой, где его начинали учить французскому языку.

Весной Мария Васильевна сама проходила по конкурсу. Шансель с преподавателями присутствовал на ее открытом занятии. Анализируя ее урок, Шансель сказал, что она замечательно знает грамматику, она тонкий психолог и замечательный педагог, это ей он обязан тому, что он сейчас тут с

ними. Мария Васильевна подумала: «Неисповедимы пути господни». Увидела синее весеннее небо за окном, улыбнулась Шанселю и пригласила всех на чай с ее любимым шоколадным тортом «крепвиль».

РАССКАЗ ЛЮДМИЛЫ ПОД ПСЕВДОНИМОМ

Расчувствовалась русская бабушка Люда после визита сюда к ней, в Орел, французской родни из Швейцарии. И решила описать все это французским языком. А тут ей позвонила подруга из Грасса, это на юге Франции, глубокий Прованс – столица французских духов. Она тут же написанное ей туда и отослала. И мигом получает ответ. Вот такой: «Людмила! Ты луч солнца в холодной зимней России. Твое письмо меня обрадовало, вытасило из меланхолии. И я уже иду по твоему городу, мороз кусает щеки, от ветра слезы текут из глаз. Я поднимаюсь по лестнице, дверь отпирается, объятия, приветствия.

Затем мы пьем крепкий чай с яблочным пирогом, яблоки тают во рту, мы разговариваем, смеемся...

Ты видишь, я всегда с тобой.

Твоя Моник».

«РОБИН-ГУТ!»

Вскоре Натали прислала сюда, в Орел, сообщение по электронной почте. Своей русской бабушке Люде Натали сообщала, что после поездки в Россию ребят теперь не узнать. Так активны стали, так и рвутся к успехам – на учебе после каникул.

Старший Флориан сел на велосипед и в выходные мотается теперь по горам и уже участвовал в муниципальных соревнованиях. И, хотя пока не занял почетного места, рассчитывает на лучшее. И духа, говорит, у него на это достаточно.

Средний Тибо решил сосредоточиться на теннисе. Однако не забывает и свой юношеский футбол. Кстати, российская сборная приезжала в Швейцарию, и они ездили в Цюрих на матч всей семьей. Болели и за своих, и за русских. За хороший футбол. Все спрашивали у прессы, нет ли кого-либо в русской команде из москвичей, кто живет на Старом Арбате?

А портреты, привезенные из Орла, каждый из ребят приспособил у своего спального места, прямо у себя над головой.

Но больше всего успехов у младшего – Робина. Еще маленький он – росточком, как говорит-

ся, с наперсток, а его детская команда уже заняла в муниципальных соревнованиях по баскетболу первое место. Пер-во-е! Всю команду зачисляют в резерв сборной. И Робин был метче всех, больше всех заработал очков.

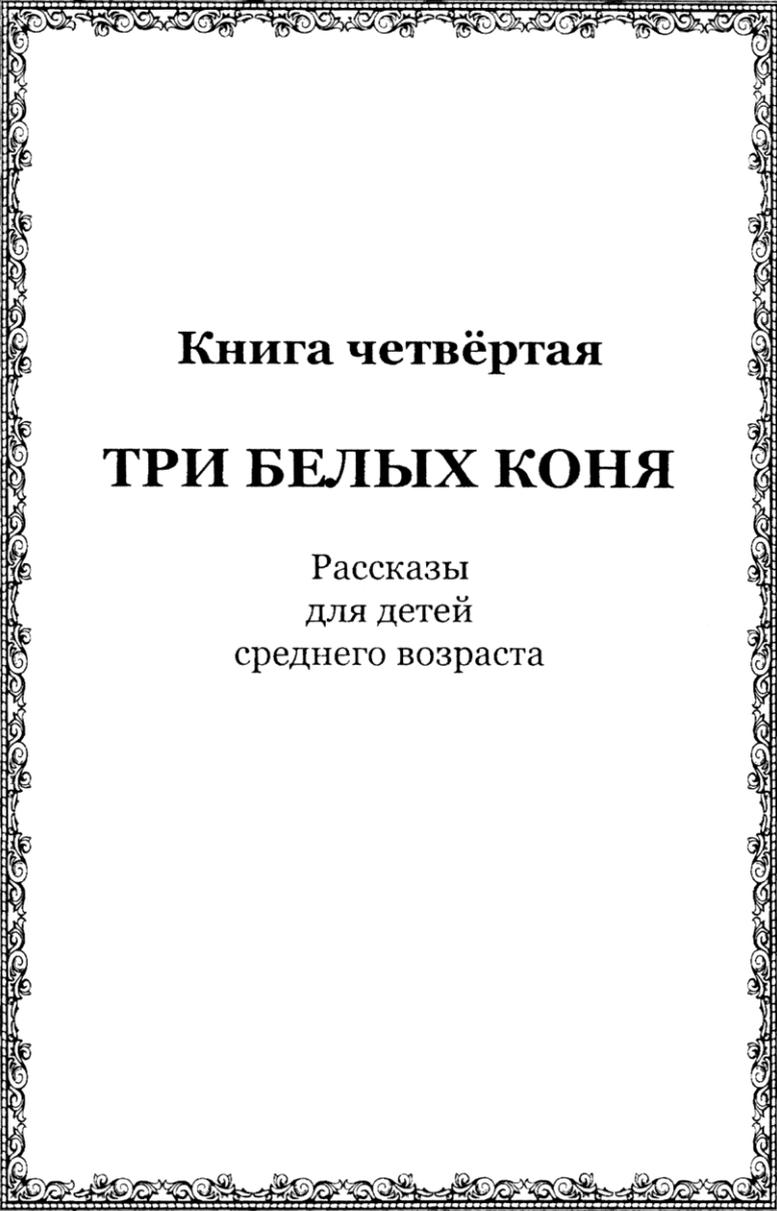
Тренер потрепал его по щеке и сказал:

– Робин – гут! Хорошо!

И Робин знает про себя все. Как повзрослеет, станет он высоким, как папа Ив-Лоран. И тогда он, Робин, войдет непременно в сборную Швейцарии – главную команду страны. И приедет в Россию играть на первенстве мира или Европы.

Робин нашел еще одну затерявшуюся в кармане русскую монетку, Флориан пробил в ней дырочку. И теперь Робин носит эту монетку у себя на груди, как талисман. «Робин-гут!» – будит его по утрам отец Ив-Лоран, а поднимаются сразу все трое и тут же мчатся во двор умыться и делать зарядку.

Почаще надо ездить к русской бабушке Люде, Бабушка любит их, ее добрую энергию они чувствуют на расстоянии.

Книга четвёртая

ТРИ БЕЛЫХ КОНЯ

Рассказы
для детей
среднего возраста

А я на коне златогривом!

ТРИ БЕЛЫХ КОНЯ

Как обычно вечером, включил я телевизор. По «Культуре» передавали концерт «Романтика романса». Звучала мелодия:

– Три белых коня,

Три белых коня:

Декабрь, и январь и февраль...

Про зиму, это конечно, а тут осень, срединная осень, предзимье. Но один конь почему-то врезался в душу, стоит во мне и не сходит. Идет сюда, в наши дни, откуда-то из небытия. Где-то я уже видел такого белого коня? Коня Сметанку у графа Алексея Орлова вели из Персии в поводу по берегу трех морей. Ценность какая! Боялись везти кораблем, чтобы вместе с кораблем вдруг не утонул...

Пошел я с утра умываться, глянул на себя в зеркало. Так все и ожило, четко прорезалось.

Война. Осень сорок второго. Глубокая ночь. Тебя Дуся – родная сестра моей матери – вместе со своей подругой тетей Марусей Русановой гадают на зеркале. Перед ними две горящих свечи. Они впились в зеркало – в узкий, далеко уходящий ряд из зеркал и горящих свечей. Что там видится им в самом конце зеркал?

– Гляди, гляди, видишь? – шепчет тетя Дуся своей подруге. – Вот он, вот он на белом коне! Гляди, гляди... На белом коне...

А я, подхватившись с теплой постельки, стою, замерев. Я – ребенок еще, мне надо мимо, на двор. И тут вдруг это – так страшно, значительно и таинственно.

Утром они рассказывали моей матери, что видели в зеркале дядю Гришу – тети Дусинога мужа. Он командир артиллерийской батареи где-то на фронте, под Сталинградом.

– Значит, жив, – решили они все троим. – Если на белом коне... Значит, живой!..

Стою в той же комнате, где моя тетя со своей подругой видели в зеркале ночью белого коня. Стою и смотрю в окно, а прямо напротив – руины взорванного немцами храма Михаила-Архан-

гела. Парнишка возится с чем-то. Потом взял и бросил это что-то в развалины. Взрыв. «Дзинь!» - остренько, как оса, рядом. Стекло в окне цело, а дырочка за спиной у меня – в стенке от гранаты маленькая, маленькая, остренькая... И Рокоссовский, которого я видел сначала тут тогда, в сорок третьем, а после на белом коне на параде победы...

И опять телевизор, опять романс из концерта «Призрак оперы». Я подумал: «Я только что видел белого коня. Таинственно, многозначно. И новый храм, храм Михаила-Архангела. И слышал этот романс:

– Три белых коня,

Три белых коня:

Декабрь, и январь, и февраль».

КАБАЧОК ПО КАБАЧКУ – СИДЯ, ЛЕЖА НА БОЧКУ

Лето-2011 было сухое и жаркое до середины июля. Мы уж дома подумывали: «Опять, как и в прошлом году, грядет засуха. Вон сколько хворосту от опиленных яблок на нашей усадьбе в конце огорода». Ну, мы с Игорем и давай спасать положение: плодовые саженцы поливать, с кабачками плюс тыквами то же самое делать. И еще огурцы проливать, как следует, изобильно. Огурцы – водохлебы, хоть три раза в день водой их накачивай.

Молодые яблоньки в росте сдержанны. Их еще подлечивать надо, как и картошку. А кабачкам воду тоже только давай. Из чего я сделал заключение, что кабачки – это новый вид растений. Скорее всего, это скрещение тыквы с огурцами. Пришла к нам в Европу, вероятно, из Америки, яркие, солнечные изнутри. А культ Солнца у кого? У инков, ацтеков.

Вот мы с Игорем и сосредоточились на кабачках. Поливаем их вдохновенно: утром – до жары, вечером – перед закатом, когда уже прохладнее. И погнало у нас в длинку кабачковые плети. Полезли они в разные стороны от огорода, взграбастались на

огромную кучу от прошлогоднего выпиленного по всему саду сушняка. И пошли по плетям появляться, расти сами собой кабачки всяких сортов. На цвет – зеленые, длинные, на форму – зеленые, пузатенькие, а белые – мощные такие, увесистые, да еще рябенькие, зелено-желтые-красногрудые – полукруглые, оболоночки. С тыквой, что ли, переопыляются. Как ни пойду, так десять-двенадцать-двадцать штук за день и найду на огороде. Как на охоту хожу.

Сообразил, что не надо давать кабачкам перезревать. Молодыми срываю, чтобы от щелчка звенели, чтобы тугими были. Да не такие великие, наподобие огурцов. Ну, а все-таки огурца покрупнее, чтобы масса была. Так и делал я всю эту процедуру каждое утро и к вечеру, после пяти.

Гляжу, набралось кабачков – тьма, штук за триста! Иные сразу сгнили, за угол их да в контейнер, что на переулке. Иные стали мы перерабатывать: в кастрюлю, на сковородку, в банки закатывать, в подвал на зиму. Мировой закусон. Осталось сто восемьдесят пять штук. Гвардейцы, один в один! Тугие до звона, крепкие – по содержанию, пересортица – по цвету и форме.

Разложил я всю эту вакханалию в первом дворе у сарая – потрясающая картина. Глаз не оторвать...

Пошли мы к «трубочке» за водой. А там по пути увидели во всю длину огорода кабачки по краю картошки – такие огромные. Перестарки.

Только мы явились домой, как тут же одна подружка подъявилась. Глянула на наши кабачки:

– Их ты! А у меня перезрели. Ничего, поросяткам пойдут. Вот для людей витаминчики!..

– А у меня – хороши, замечательные.

– Двоюродная моя лежит в больнице, – говорит подружка. – Так там никаких тебе витаминов... так обходятся...

Усек я это и думаю: «Кабачков ныне тьма у всех, а везде перезрели. От людской лени, что ли? А тут – пылкость чувств, буйство фантазии. Во дворе у меня кабачок по кабачку – сидя, лежа на бочку».

Звоню я в больницу. Попадаю на кого-то. Отвечают:

Миша Кнопочкин:

Мой дом, мои грибы, мои деревья.

Степь в перелесках, красот земная,

А по степи – то холм, то колея. Родимый край,

сторонушка родная, Русь серединная моя

– Да у нас своих кабачков некуда девать, в поле машины на три наберется.

«Так, – думаю, – надо с другого края заехать. От того, кто знает меня, мое творчество, читает стихи наизусть». И чтоб кто-то в авторитете был тут, в городе, для той же больницы... «Есть такой человек. В Муниципалитете, бывшем горсовете нашего Малоархангельска». Звоню туда, объясняю. Жду.

Полчаса. Час. Никого. Жена говорит:

– Вечно ты, Леонард, со своими фантазиями.

И тут на улице раздается сигнал. Открываю калитку – «Скорая помощь». И женщина навстречу – заместитель главного врача по хозяйственной части – завхоз.

– Ну, и где тут у вас кабачки?

Прошла во двор, глянула, а они, родимые, лежат на траве рядочек в рядочек. Любовно этак положены, красавцы прямо-таки – один к одному.

– Ого! – всплеснула она руками и побежала звать водителя и еще одного мужчину - помощника, приехал тут с ними.

Таскали они продукцию в «Скорую помощь» бегом. Сама она при этом приговаривала:

– У нас столовая – для больных, конечно, ну и для медперсонала. Такое мы овощное рагу приготовим. За неделю съедим!

Хватают сразу по несколько штук служители медицины, чудо-богатыри и в машину к себе, в приоткрытую дверь. А я стою и улыбаюсь. Такая радость! Такая любовь разлита во мне! И к кабачкам, и к людям, к больным тем в больнице, и ко всем здоровым тут в городе. И еще к Солнцу, конечно, к живой воде, помогшей вырастить урожай...

Вот и сейчас еще, по сей день, в Орле тут у нас, в городской квартире, лежат под зеркалом семь кабачков, да плюс два на мешке в лоджии. Целы - целехоньки. Ждут не дождутся своего часу – Нового года, Рождества, а может, и Крещения, а? Такая-то тайная сила жизни вокруг нас – таков мой апокриф.

Соседка пробежала по аптекам, купила что надо. Сама, как провизор, составила лекарство и приняла. Потом поела, как следует. Со страхом ждала: а вдруг «сахарок»-то опять прыгнет вверх, как под ударом кувалды по наковальне. Но ничего, обошлось.

На другой день Соседка сделала то же самое. Опять приняла лекарство, опять ничего. Другие уж инсулин колят, или на кладбище их уже отнесли, а Соседка ест себе все подряд, без разбору. И много, и жирно. Как правило, беконы всякие, колбасы, свинину всякую, «воронежский окорок», который единственно тут, бывало, оставляли в провинции, не отправляли в госфонды и который, помнится, на все лады расхваливал сам Председатель Рыжков.

К Новому году всего на ярмарке накупила Соседка. Пока еще не подорожало. А тот ведь скрытный дефолт намечается. Набила она холодильник. Распахнула его – морозилку надо почистить, и загляделась: братцы мои, такое богатство! Когда много – слюнки текут. Это раблезианство – описано знаменитым Рабле в его бесмертном произведении «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Вцепилась зубами Соседка в этот самый рыжковский окорок. Это еще перед обедом, в качестве разминки. А потом давай скорее готовить обед, жарить свининку – свеженькую, на сковородке шкварчащую, на лучке и с петрушкой. Для себя и Рабле, и его не забыла. Если б я пришел, и меня бы утешила.

Как наестся Соседка, сидит и смотрит в окно со своего второго этажа во двор и ждет телефонного звонка.

Голоса с американским акцентом и с новогодними пожеланиями от дочки в штате Новый Орлеан, где по-прежнему государственный – французский язык, а рядом в штате Техас – испанский, хотя все говорят на английском. Одна дума теперь у Соседки: дочкин сынок, внук ее - кто он теперь? По-английски чешет, по-армянски говорит, а русский язык дочка-то и сама забывать начала.

И забота одна у Соседки теперь с ее диабетом: как бы это вкусно поесть! Как наелась на днях, не продохнуть. Аж стучит в виски свыше, наверно, с четвертого этажа:

– Как наемся, как напрусь!

Вот такая наша Русь!

ВЕЛЛЕР СКАЗАЛ... (Но это я сказал вместо Веллера)

1. Про пучок земляники.

Пришли мы к бывшей начальнице аж из Белого Дома во главе департамента, а сейчас ее проводили на пенсию. Начислили ей приличную сумму и сохранила возможность не дома сидеть, а ходить на работу. Но, правда, двумя инстанциями ниже, и в не исполнительная власть, а, наоборот, защищающей права. Специально под нее местечко создали.

И пришли мы с женой сюда поздравить ее, но со своим прицепом. Хорошо говорила она в том году на моем юбилее. Сказала, что с детства читала мои вирши, росла на них. Хотелось как-то поддержать ее, ну и поздравить, конечно, с Новым годом.

Пришли мы и увидели: комнатуха масенькая, а в комнатухе – двое. Компьютер старенький. Тут же и «завис», как только дали флешку, чтобы она скачала мои стихи. Мой новогодний подарок.

– Помните у Тургенева в «Записках охотника», – говорю я ей, – первый рассказ «Хорь и Калиныч»? Калиныч – «лирик» пришел к Хорю – «предпринимателю» (скажем так, по-современному). И принес Калиныч Хорю, чтобы расположить его к себе, что? Пучок земляники. Собрал в лесу и принес... Так и я принес вам стихи и свои наилучшие пожелания.

– Кабинет делают, а пока там ремонт, – пошло лицо ее пятнами. – И компьютер поставлю новый, обновлю программу. А откуда вы узнали, что я тут?

– Да так как-то, – замылся я, сообразив, что даже намекать в смысле вмешательства в положение ее в той епархии, где она была когда-то начальницей, не надо, бесполезно это. – А тебя как зовут? – спросил я другую владелицу комнатухи. – И откуда ты, молодая?

– Ваша землячка я, родом из того же городка, что и вы. Только дом наш улицей выше, туда – к трубочке.

– А наш домик - напротив колодца, а колодец – на улице.

– Давайте сделаем так, – значительно мягче сказала моя землячка. – Дайте мне флешку, я переброшу себе сюда на компьютер, а с него переброшу к себе туда на домашний. И дома все сделаю. Ваши стихи распечатаю. И принесу сюда, вручу... ваш пучок земляники...

– Спасибо, Инна, – сказал я с некоторым сожалением, что приход наш сюда, однако, проходит впустую.

– Инна Ивановна все сделает, – педалируя, сказала нам хозяйка будущего, более авторитетного кабинета.

– Ну, будьте здоровы, – откланялись мы и ушли.

– Ну, и что? – сказала жена мне, когда мы вышли на улицу. – И что бы на твоём месте сказал бы Веллер?

– Веллер на моём месте сказал бы: «Молодец Леонард! Как ловко ты ввернул ей про пучок земляники. Классика есть классика. В нужный момент всегда выручит. Но за сладким пучком земляники просматривается соль. Щи-то были солёные. И на что намекает Тургенев?»

2. Про теток с машинкой.

Вот эпизод. Вхожу в троллейбус. Подъезжаю ко второй остановке, и тут тетка с задней площадки – с машинкой, штрафы берет, у тех, кто без билетов.

– Вы когда сели? – напирала она на меня. – Только что?

– А где, – говорю, – кондуктор?

– Зачем кондуктор? Мы за него.

Гляжу на сиденье кондуктора – никого, на передней площадке тоже тетка с машинкой. А у средней двери – мужчина с повязкой «контролер». Главный из них, бригадир.

– Ого! Сколько вас, – говорю. – Одной лучше бы сесть и продавать бы билеты. А не штрафы взимать. Передаёт пассажир деньги за проезд вперед водителю, и пока деньги дойдут, на пути в толпе исчезают... А человек остаётся без билета. Водитель волнуется. Видите, как психует...

Между тем, троллейбус проходит уже по Красному мосту, через Оку. Водитель выходит из себя, троллейбус из стороны в сторону мотает.

– Видите, что внизу – Ока-река, – говорю я бригадиру. – Там вода, широка и глубока. Вы водителю нервы треплете, а пассажиры подвергаются смертельной опасности.

– Предложения шлите нам в ТТП – трамвайно-троллейбусное предприятие. Я там зам. директора.

– Ага, кого нам и надо, – поворачиваюсь я лицом к пассажирам. – Вот и отменяйте свое непродуманное решение.

– Приходите, приносите свои предложения, сообщайте по телефону... тут указанному... У нас 38 троллейбусов на линии, а кондукторов – двадцать.

– А начальников сколько?..

Вышли контролеры на следующей остановке. А пассажиры проводили меня аплодисментами.

И о другом эпизоде. Заимел дело я с Регистрационным комитетом. Захотелось спасти Бюро пропаганды художественной литературы. Захожу к ним, вижу: столов у них с десяток, до самого окна. И что же? Как начали гонять они меня по инстанциям: нотариус, налоговая инспекция, консультации у юриста, оплата в сбербанке юридического лица. У каждого стола своя кнопка.

И что бы сказал бы Веллер? Пожалуй, так. Оставить первый стол и последний, десятый, а остальные внутри всего вычеркнуть, сократить. Все будет делаться тогда быстро, четко и строго. Что и надо людям.

Посадить контролеров в троллейбусы, на место кондукторов. На все троллейбусы хватит, еще и останется.

Так, наверно, и сделали. Езжу уже две недели по городу: кондуктора на месте, теток с машинками – ни одной.

3. Про конец света.

Стали что-то пугать нас концом света: то «сенрикё», то Роскосмос. Самая свежая страшилка, мол, запустили станцию, а она не включилась. С шестого по шестнадцатого января может упасть на любой город планеты, на голову каждому, хоть ты будешь даже в фуражке.

«Зачем им это? – думаю. – Этими средствами массовой информации? И не только им».

С Аристотеля мы все жили в цивилизации материальной. А с 21-го века переходим снова к Платону с его идеальным. А при Платоне есть Плотин, который сказал: «Если есть Бог – Творец, значит, есть начало. А если есть начало, то будет и конец». Не согласный я: а как же с Богом? Ведь Бог - бесконечен, был и будет всегда.

А «сенрикё» накаркало для Японии вон какую беду, сотворило цунами, а все эта ядерная станция на берегу.

Недавно что прочитал я или, может, услышал по радио? Ученых наградили за то, что вычислили причины цунами. То говорили, что волны рождаются где-то у Чили, потом разгоняются по всему Тихому океану и бьют домкратом по берегам той же Японии. Вызывают подвижку тектонических плит, то есть землетрясение.

А эти ученые предложили другую версию. Жизнедеятельность человека вызывает смыв берегов, края плит становятся легче и приходят в движение.

И что бы на это сказал бы Веллер? С «черными дырами» мы покончили. Движение «зеленых» теперь, оползневая, «смывочная» версия. А земля между тем все крутится. «Крутится, вертится шар голубой. Крутится, вертится над головой.

Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть».

4. Про цены на книги и диски.

Веллер сказал...

Заметьте, сам Веллер сказал. Это как в Сербии, где прогноз погоды начинался так: «Абуталиб сказал».

У нас Веллер тоже сказал, и все.

Сегодня – воскресенье, 19 декабря 2011 года. В обеденное время радиопередачи поступил вопрос о авторских правах, об оплате писателям и артистам за книги и диски.

И Веллер сказал... Думаю, но не утверждаю. Сперва о книгах. Книга у нас стоит 300-350 руб. за экземпляр. А зарплата примерно 10 тысяч рублей. Столько же стоит книга в Европе. Но зарплаты и пенсии у них на порядок выше. Значит, им эту книгу купить по карману. Вот почему, когда дадут Нобелевскую

премию, лауреат получает денег значительно больше даже не в качестве самой премии, а от чего? Все издатели в мире бросаются публиковать его книги, и люди их покупают. И издатели, и авторы при действующем у них там Авторском праве собирают и кладут в карманы приличную сумму.

Что получалось прежде, при прежней власти? Гонорары копеечные, государство себе хорошенько отщипывало. И авторам приходилось на жизнь зарабатывать по линии Бюро пропаганды художественной литературы. И сказки, и были при этом всегда были вместе. В таком случае просматривалось все: и страсти человеческие, и политика самоиздата, блеск и нищета куртизанов и куртизанок.

То же самое и с артистами.

Я так думаю, но не утверждаю. На западе певцы получают главные деньги от дисков. Их выпускают огромными тиражами, главное – их раскупают. Еще артистам идет оплата за концертные программы. Но и тут обстоит неплохо. Нет работы на износ: давать по несколько концертов в день. Один концерт в день и с достойной оплатой.

А что же у нас? Я так полагаю. «Контрафакт» всех замучил, то есть воровство интеллектуальной собственности. Подпольные «заводики» печатают диски с концертов, с публичных выступлений. И, когда начинают разбираться, кто-то свыше «крышует все». А бывает такие «заводики» принадлежат и самим «крышующим»

Таким образом, у нас артисты получают уже не за диски, а в основном за свои выступления, за концерты. Работают на износ. Больших концертных залов у нас немного, все они наперечет и в больших городах. Потому мы часто не видим своих любимых артистов, если они не попадают на экран телевизора.

Абуталиб сказал свое, а Веллер – свое...

ЧТО С ВОЗУ УПАЛО...

Есть у нас такое выражение «Что с возу упало...» И такое его продолжение «... то пропало». Еще в средние века, бывало,

везут товар по земле феодала. На телеге, конечно. А на чем же еще? А дороги какие? Как у нас недавно тут были, да еще и сейчас в основном на селе. Разок-другой по такой дороге проедут «красным колесом»... Каким, каким? Да «красным, говорю, колесом» (как у Солженицына Александра Исаича)... И колея, а потом и промоина, яма как факт в биографии на всю жизнь...

Так вот, едет в средние века телега по такой дороге (тогда по таким дорогам только и ездили), а дорога и разбивается, расшибается под колесами, но еще ничего, ездят же. Если дорогу, конечно, маленько подправить. Однако феодал и не думает ее подправлять. А зачем? И так хороша. Да еще кое-где и подрочет ее специально. Сделает рытвинку, дорогу понепроезжее. А почему, скажете? Закон такой существовал: «Что с воду упало, то пропало». Это плохо для хозяина телеги, для перевозчика. А для феодала – хорошо. Феодал имел право забирать то, что упало с возу. Потому что он феодал. Это его земля, его дорога, его яма. Его и товар, если он упал на твою землю, на твою дорогу, в твою яму.

Вот и стоит феодал на дороге часами. Ждет, когда по его дороге проедет обоз. И сколько телег проедет, и сколько товару с воза упадет, и сколько это попадет ему в карман в пересчете на деньги?

А сейчас в наше время, в постсоветском пространстве? А то же самое, только с обратным знаком. Например, так. Вот везет человек свой воз всю свою жизнь. И везет, и везет, и везет. Все на что-то надеется, на лучшую долю, на всякие ямы в пути не рассчитывает. Скажем так. Пишу я этот рассказ для детей и для взрослых про сокровенное, тайное, слитное с природой и человеческой породой – апокриф, называется. Дай, думаю, предисловие какое-нибудь предпошлю. И от кого же? От какого имени? От какого-нибудь крупного детского писателя. От Эдуарда Успенского - автора передачи «В нашу гавань заходили корабли». Кстати, был он тут у нас, на Орловщине, где-то под Мценском.

Но надо ехать в Москву к нему. А бензин нынче дорог. Тут сын мой Игорь и говорит:

– А Катанов? Он же детский писатель.

Звоню Василию Михайловичу аж в деревню туда к нему, где он сел на якорь до скончания жизни. По мобильнику, конечно. Получаю ответ:

– Знаю, знаю еще с областной молодежной, областной взрослой газеты, что ты пишешь и для детей. Детский писатель – редкость. Не в каждой организации есть...

– Был сегодня там у них. Книжку свою один деятель мне вручил.

– Кто?

– У кого наград и званий больше, чем даже у вас? Целый иконостас.

– Председатель?

– Еще один деятель есть, к председателю подбирается. Из молодых, да ранний.

– А в бухгалтерию заходил?

– Жена звонила.

Он мне тут же, поспешно:

– Завтра же буду там. Вечерком позвоню...

Взял я книжку, подаренную мне, и стал листать. Прочитал «О себе». Опять из инженеров попался. Две поэтических книжки, одна – прозаическая. А эта в поэзии – третья. А премий уже штук пять. Но больше всего меня поражает, что у этого из молодых, да ранних хватает регалий. Имеется даже Почетная грамота от Муниципалитета города и даже от Губернатора области. Вот чего не ожидал-то! Каков дальний прицел! В Почетные граждане метит. А ведь туда попадают лишь «старцы».

А внутренний голос мне и говорит, нашептывает на ухо: «Ну, и при чем тут зачин твой, с чего ты начал: «Что с возу упало?..» Подумал я сначала: «Действительно, не при чем. Тем более, если взять все выражение полностью: «Что с возу упало, то пропало»». А апокриф мой, это таинственное изнутри меня, не соглашается, шепчет противоположное. «А что может быть тут противоположного? – думаю я. – Может, это? Что с возу упало, то не пропало?». – «Как не пропало? Как не пропало?» - шепчет, не соглашается со мной все тот же – первый мой внутренний

голос. А второй внутренний голос, еще более апокрифически отвечает: «Пропало для всех, скорее всего, для истории, а не пропало – для себя лично». Талант всегда прав. А в той книжке есть все, кроме поэзии. Вот какая «яма» разрослась у нас в ЦДЛ на дороге. А при «яме» стоит феодал.

«ГДЕ Ж ТЕБЕ, МИЛАЯ, ЕСЛИ Я ЕЛЕ-ЕЛЕ»

Взял я в Курске, в пединституте, свободный диплом и вернулся домой к себе, в Малоархангельск. До того договорился с редактором райгазеты, что меня возьмут в штат. Там как раз не хватало четырех сотрудников, то есть доброй половины. Август-месяц, дай, думаю, в вечернюю школу подамся. Так, на всякий случай. Буду вести хоть несколько часов по литературе.

В газету не взяли меня окончательно. То ли взятку не смог дать, то ли на рожу им там не показался. Взяли зоотехника, а я остался только в вечерней школе. И тянулось так до нового года.

Кстати, на первой же неделе моего пребывания на педагогическом поприще, в пух и прах разгромил меня инспектор из Орла, от института усовершенствования. Посетил мое «занятие» на пенькозаводе. Был всего один «ученик», и мы с ним сидели на двух стульях, на проходе в клуб. А в самой бильярдной занимались еще пятеро учеников с другим учителем. Таких условий никакие методики не предусматривали... Да, ну ладно. Пойдем дальше.

После Нового года пришли ко мне из роно и говорят: «В Губкино учительница в декрет уходит, пожалуйста, замените ее». Так я оказался в соседнем селе, за двенадцать километров от своего Малого города.

В Губкино была семилетняя школа. Церковь с колокольной на трех ногах. И я на квартире у Антоновны – замечательной бабушки, словотворицы, принявшей меня как родного. Это были замечательные времена. Неказиста на вид, а сколько всяческих историй Антоновна знала и мне поведала, какую душу распах-

нула. Повернула лицом к людям, к народу, к живым реченьям, к родному языку. А как она кормила меня после полугодных-то студенческих лет... Вот куда попал я после вечерней школы, в какие райские кущи...

Иду как-то я с занятий по лугу около церкви. А церковь-то колченогая, без одной ноги. И возле нее яма на дороге. И телега в яме с водой по самую ось. И мужик рядом, с кнутом. А я уж давно стихи писал, серьезные книжки читал. Бодлера знал, Лермонтова – как у них это в стихах написано про павшую лошадь, на которой сидели зеленые мухи, и воронье расклевывало посиневшее лошадиное мясо... Да, ну ладно. Пойдем дальше

А тут лошаденка наподобие той, но еще живая, вот вытягивается, из сил выбивается, чтобы колесо вывернуть из бурчаги. А мужик кнутом ее поощряет. Остановился я и хотел уже подойти, подмогуть лошаденке. Да, видать, мужик и сам догадался. Я его своим стоянием и пристальным взглядом как бы «усовершенствовал». Подошел он к заднему правому колесу, покряхтел, покряхтел, подперев телегу плечом. Р-раз! и одним махом вывернул телегу из ямы. «Во, - думаю, - каков русский народ! Сперва ям на дороге наделает, а потом телеги выдергивает из этих ям».

А мужик встал столбом, потер друг о дружку ладони, огляделся вокруг да и скажи лошадке своей уже без всякого кнута, по-человечески:

– Иде ж тебе, милая, когда я еле-еле...

Вот так. А то как же.

А после все у меня пошло, как по маслу. В соседний Луковец, где была уже средняя школа, меня учителем русского языка, литературы, ведущим историком просто перевели. А через год вернули в Малоархангельск. Звали и в редакцию; зачислили в городской школе тоже учителем русского языка, литературы и истории – в настоящей, дневной школе... А я был уже ассом, вел уроки лихо, можно сказать, с энтузиазмом. Как будто играл на пианино. И ко мне буквально через день ходили «интриганы», которые мне тогда на пенькозаводе проверяющего из института усовершенствования подставили. Это то завуч, то директор, то

опять завуч. Я у них в седьмом и десятом детей учил... Вот такие-то сухари.

Да, ну ладно. Пойдем дальше. А куда дальше-то? Операцию на горле мне сделали, говорить трудно. И попал я уже в Орле – сперва в областную газету, а потом пришел и в писатели. И все вспоминаю ту счастливую пору, когда мы были молоды и работали на земле, с людьми земли, с крестьянскими детьми...

Воочию вижу Антоновну – мою словотворицу, ребят деревенских, ту самую лошадь с телегой у церкви. И церкви уж нет, и на лугу уже средняя школа. И ребята мои – семиклассники давно уже кто где. На Фетовском празднике поэзии под Мценском, Валя Васютина - моя губкинская ученица вдруг берет слово и говорит про меня с восхищением вслух – при всех:

– Он мне перевернул всю мою жизнь!

А Женя Вершинин до сих пор зовет меня учителем, издал несколько книг, в том числе и мой роман «Берегиня».

А все та же телега передо мной, та самая лошадь, та яма на дороге, тот самый мужик со словами, обращенными к лошади:

– Где ж тебе, милая, когда я еле-еле...

Апокриф мой. Тайна глубокая. Когда трудно мне и всем трудно, а трудно на Руси у нас почти что всегда, я, как тот самый мужик, подставляю плечо под заднее колесо на Руси да и шепчу, напрягаясь, говорю сам себе, про себя: «И где ж тебе, милая, когда я еле-еле...»

КАТАВАСИЯ. ДОМИК В ДЕРЕВНЕ **(Современная сказочка)**

Одному тут Председателю в те времена дали квартиру в особом доме, как большому начальнику – второму лицу в регионе. А коллеги Председателя, обладая правом вето, взяли и попросили его с должности, снизили всяческий потенциал. Перевели, так сказать, на свой уровень. Стал Председатель, как все. Коллегой стал всем, а дом нестандартный, высокоэтажный «карандаш» так у него и остался. Торчит тот дом, как

бельмо в глазу, зуб мамонта над половиной города. И мне его с балкона видать.

Стали застраивать кирпичными многоэтажками мою Монастырку, и телевышку прикрыли мне, и железнодорожный вокзал с его гудками, поездами, электричками, и дом тот самый – «зуб мамонта». Зато по-прежнему видна Стрелка с балкона, где происходят в Орле салюты в цветном изображении.

Вот этот Коллега, которому, как коту, все теперь кажется серым, решил и на цветное изображение покуситься. А где его взять? Есть талант или нет таланта, есть цветное изображение или нет его, что поделаешь? Но решил все же попробовать и прежде всего себя ввести в цветное изображение. А где его больше всего в естественном виде, как не в первоосновах, еще от детства человечества, как не на лоне природы? И соль тут вроде соленее, и солнце ярче, и слово умнее, образнее. А люди всегда талантливее, взаимоотношение их с природой апокрифичнее.

Взял Коллега и переехал в деревню своей жены, на ее родовую усадьбу. Где был домик еще ничего себе. И к домику тому, как приложение к журналу «Нива», лепились вокруг поля, перелески и горки, да еще речушка. В речушке той для баловства сыну рыбешка водилась, по перелескам – грибочки, а на одной из горок стоял то самый домик жены с сараем, садочком и огородом. В сарае они завели коровенку, на огороде – картошечку, а на садочек прямо с неба валились яблоки звезд. И стал наш Коллега жить-поживать, добра наживать и превращаться в «долгожителя».

Но тут в городе произошла очередная катавасия, в связи с чем второе лицо в регионе сделалось первым. Наш коллега вспомнил, что он когда-то был доверенным лицом на каких-то выборах и подал на имя первого лица соответствующее заявление. Как раз начали строить по деревням особые поселки, давать безвозмездно особо отличившимся на поприще особые ссуды, которые потом можно было не отдавать.

Выходит, опять бес попутал Коллегу в вопросе жилья. Построили ему рядом с прежней хатой коттедж с мезонином, по-

ощряя Коллегу на художественное творчество. А Коллега-то решил стать «долгожителем», тогда зачем ему тратить себя на творчество? Огород трактором вспашет, в магазинчик соседний хлебушка насущного привезут, сад с яблоками соседи отрясут. Самая большая проблема – корова. Кормить ее надо сеном. Косить самому надо. Но вскоре и это разрешилось. В соседней конторе стали выписывать комбкорма и вико-овсяную смесь. И Коллеге выписали, как фермеру-товаропроизводителю. Все хорошо, прекрасная маркиза. Но ведь что-то бывает и плохо.

Высоко стало ему жить в мезонине, далеко видать, хорошо. А что плохо? Катавасия вокруг какая-то сделалась не только в мире природы, но и в самом человеке. Лазить дюже высоко в мезонин по вертикальной лестнице.

Звоню ему и говорю.

– Коллега, может, что-нибудь накулемаете к моей детской кулеме в качестве эпиграфа?

– Коллеги с детским почерком – редкость, – улыбается он в трубку мне.

Я-то думаю, он так хорошо сказал про меня, мои строки, а он про себя. Когда-то для своих детей кулемал, пока они были детьми. А теперь забыл когда что и кулемал... Здоровье стал беречь теперь наш Коллега. Не годы берут свое, с мезонином все пошло против него. И, в первую очередь, опять жилье – коттедж, этажи эти. Ветер вверху в мезонине том дует со всех сторон, затыкать щели надо, а чем? Пакли нет. Коноплю теперь не сеют, принята за наркотики.

Высоко взбираться по вертикальной лестнице все труднее. Чихнешь на ступеньку, ошмыгнешься – еще и перелом шейки бедра получишь. Книги водрузил наверх – в мезонин этот. Ну, и ходи туда за каждым словом, в словарь попинайся: как пишется да как читается, проверяй ударение.

Завтракать надо – спускаться, обедать, ужинать – то же самое. Это же сколько километров, если посчитать. По шаткой, скрипучей, опасной для жизни лестнице. Эх, жизнь! Были когда-то и мы рысачами. За морем синичка – полушка, да перевоз – руб. Кризис возраста, называется.

И решил плюнуть на всю эту процедуру хождения по мукам наш «долгожитель». И поселился Коллега опять же в домике жены – в избушке хоть и не на курьих ножках, а все-таки на земле. Кухня близко, ходить низко. Гроб – коляска, ехать нетряско. А эпитафии, кому надо, сами пусть пишут Рабиндранату Тагору – эти поэты-лирики и эмпирики в своем как сером, так и в цветном изображении.

БАННЫЙ ПЕРЕУЛОК В МОСКВЕ

И еще об одном апокрифе в таком сочетании: невероятного, таинственного с живым и неживым, природы и человека, где главное, как мне кажется, это – Вода, Стихия Воды со стихией Огня.

Один друг подчеркнул мне такой штрих из своего бытия:

– Поставил я счетчик воды и все душ по утрам принимал в целях экономии, а то решил горячую ванну принять. Так и сделал. Утром глянул свой «сахарок», а «сахарок» вниз сошел, почти норма: шесть с половиной. Что такое? Вроде вчера было все, как и позавчера, а сегодня что-то не так. И что же? А была ванна, вода горячая...Послушал я приятеля и давай примеры припоминать и сопоставлять. Искать невидимую между фактами невероятную связь.

Мы, русские, любим парную, то есть баню с влажным паром. Финны любят баню с сухим паром – свою финскую баню. Сибиряки зимой из бани прямо в ледяную прорубь бросаются или в сугробы. А вот японцы, наоборот, сидят сиднем в горячей воде, где можно даже яйца варить. И ничего себе, живы. Привыкли к гейзерам как и исландцы, в земной коре – на своей территории.

И тут я вижу по телевизору кусочек одной телепередачи «Бибиси». Только они, англичане, выдавать такие передачи способны. Перевели обезьян-макак из родного им жаркого пояса в холодные места, но с горячими источниками. Сидят обезьяны-макаки на холоде, потом кто-то из них взял и попробовал воду

первым. И все макаки давай, как японцы, лезть в воду. Сидят в ней - комфортно им, хорошо. Это первое поколение приматов. Уже стали происходить в организме макак процессы, соответствующие высокой температуре воды. А у следующего поколения изменения закрепились. Третье поколение появилось на свет уже с изменениями, полученными по наследству.

Вот макаки третьего поколения сидят на берегу, а туристы глядят на них и зерна им, словно монетки, в воду швыряют. Макаки и давай за ними нырять. Лазают по дну, зернышки собирают.

Сначала по одной минутке задерживались, потом по две, а рекордсмены даже по три. Как люди – искатели «жемчуги» из оперы Бизе. Ну, это кто был автором музыки к опере «Кармен». Ее тоже сначала освистали, лишь через пятьдесят лет поставили оперу снова. Теперь ни один театр мира без нее не обходится.

Вот так вот незаметно, через «мостик», от обезьян в горячей воде, мы и перешли к людям. И тут вспоминаются мне «турецкие бани» Это когда я был в молодости дикарем в Евпатории. Ну, турецкие, турецкие – крымские же татарские ханы были же вассалами турок. Баня такая турецкая – это круг, на котором сидят и моются, а в кругу – бассейн, а над бассейном – просто небо, а вечером на небе – звезды. А по стене вокруг кабины индивидуальные, там тебе и вода горячая. Иди и мойся, а сюда, под звезды, выходи и наслаждайся жизнью... Такой «бордюр наслаждения», как в Курском вокзале в самом Курске. В центре по полукругую с крымским акцентом сидят пассажиры, а внутри круга – провал взгляда вниз, глядя на первый этаж. Это что-то вроде Марракотовой бездны, взгляд из современности в древность, в нашу древнюю историю. Курск же с его князем Веволодом и курянами – отважными воинами фигурирует еще в «Слове о полку Игореве». Поняли? Вот через «бани» к своему героическому эпосу мы и подобралась по каким-то невидимым, но осязаемым, апокрифическим струнам.

Да-а, это Курский вокзал в Курске, а есть еще Курский вокзал в Москве. Этот вокзал еще более известен. Как построили новый, так вообще он стал самым большим из всех девяти желез-

нодорожных вокзалов столицы. Курский, рядом площадь трех вокзалов (Казанский, Ярославский, Ленинградский), потом Рижский, Савеловский, Павелецкий, Киевский, Белорусский (бывший Варшавский), а еще аэропорты... Да-а. Что-то в небо нас понесло, а надо ближе к земле, к стихиям Воды и Огня. И тут как не вспомнить в Москве Сандуны, Сандуновские бани. Сразу фильм приходит в голову с участием артиста Яковлева «Ирония судьбы, или С легким паром».

Это все о москвичах, об их связи с петербуржцами, о привилегиях двух столиц. А нам, провинциалам, все остальной России, что оставалось, чтоб протолкнуться к культурным благам цивилизации во времена, когда была прописка и не было Интернета? Провинциалам оставалось только на москвичках жениться. Оставить тут свою семью и завести в Москве новую, что и сделал мой друг скульптор Валентин Александрович Чухаркин. И тут неоценимую роль играл т.н. «Баный переулочек в Москве». Был и я там, он где-то, кажется, вблизи Площади Мира. Контора там по обмену жилья, по купле и продаже, спросу и... Но предложений было что-то очень уж мало... Сам ищи ветра в поле, талант свой реализуй на почве московской прописки...

Такой-то апокриф. Начал с чего я? А кончил чем? Чухаркин себе там после в своей мастерской такую баню отгрохал – закупаешься, и я там парился. В обычной русской парной. А пар, как говорится, костей не ломит. Такой-то мой апокриф.

СВЯТЫЕ КОЛОДЦЫ. СОЛЖЕНИЦЫН – ДВА

Часть первая. Наоборот, начнем со второго, кончим первым: святыми колодцами, то есть опять же стихией Воды. А тут, скорее всего, стихия Огня, политика, а ею, как известно, я не занимаюсь. Однако же («одна кожа» – это любимое выражение у Гоголя, о чем Максим Пешков критически неоднократно намекал недвусмысленно). Однако же попал я однажды в Москве в

переплет, как кур во щи (так все говорят, а на самом деле – как кур в ошип, то есть петух в чьи-то руки, чтоб его ошипали). Вот и я попал в Москве на Пленум Всесоюзного Бюро пропаганды художественной литературы, будучи Председателем Худсовета при областном Бюро пропаганды.

Толик Шиляев был Директором Бюро, на платной должности, а я – Председателем худсовета, выбрали за художественную прыть на выступлениях по Орловщине, это я так выступал, чтобы не сдохнуть с голоду. Приехали мы в Москву, пришли в ЦДЛ (Центральный Дом Литераторов). Председателем Всесоюзного Бюро пропаганды был тогда поэт Лев Ошанин. И было это, четко помню, 13 февраля 1974 года. В тот день Солженицына Александра Исаича выставили за границу. А тут, в ЦДЛ, такой форум! Всесоюзный! Но главное слово было не «Солженицын», а «Метрополь». О Солженицыне раз сказали и все потом «Метрополь» клеймили, на «Метрополе» сосредоточились.

Мода такая была и тогда, знакомы были деятели с римским правом, с принципом «разделяй и властвуй». Вбросят слово и клеймят одного и шпигуют, линчуют. Это чтобы другие все строем шли, согласованно двигались. Навроде как Жанну д'Арк. Когда жгут, все аплодируют, а лет через сто, может, сделают национальным героем. Это кому как повезет. Например, Пушкину или Солженицыну. Вот незаметно мы и перешли к Солженицыну, Александру Исаичу.

Ну, что еще сказать? Про стихию Огню и, вообще, о творческих отношениях? Я почему-то запомнил то число: 13 феврал 1974 года А почему? Не потому, что Солженицына в тот день выперли в Германию, к писателю Беллю. А потому что в тот день мне выписали членский билет Союза писателей СССР. Выдали тут же молча, без комментариев (Я был первым тут у нас на Орловщине безработным литератором после того, как меня выперли из «Орловской правды» за успехи в Туле на зональном семинаре молодых писателей).

Мой комментарий такой: то ли от зависти, то ли от определенно-го направления в жизни и творчестве еще с двухлетнего возраста. Однако же вот чего не ожидал от «коллеги» - поэта Шиляева.

Тут же показал я ему свой билетик, а он мне в лоб:

– Ну вот, – говорит, – еще один Солженицын завелся.

Я тогда прямо-таки офонарел. Мало того, что, родившись в Воронеже, я тут на Орловщине, а именно, в Малоархангельске, который я считаю тоже своей малой родиной, я что – значит, вроде тут в ссылке, что ли? И так всю жизнь волокут меня по камням, но еще, оказывается, я и Солженицын – два. Ничего себе, фрагментики. Содом и Гоморра, «Илиада» и «Одиссея». «Красное колесо» и «Архипелаг Гулаг»...

Как молодого, перспективного писателя журнал «Молодая гвардия» отправил меня на БАМ. Воспевать подвиги молодежи. А потом по линии Бюро пропаганды послали выступать на Рязанщину. А я Есенина-то всю жизнь люблю, он – мой крестный отец, это он позвал меня в поэзию, в литературу. И попал я, наконец, в Константиново. И ураган, помню, был несусветный. И сидели мы, помню, после с директором Есенинского дома-музея Астаховым в доме Анны Снегиной – помещицы Кашиной и изливали друг другу душеньку, душу свою изливали.

После посадки и отсидки Солженицын был направлен сюда в Рязань, для профилактики. Тут в СП его заклемили. Клеймили по чем зря. Взял он и уехал с глаз долой в Подмоскovie, оказалось, на дачу к Растроповичу.

– Вызывают меня и говорят, – делился со мной сокровенным директор музея Астахов Владимир Исаич, – смени отчество, понял?

– Как это смени? – отвечаю. – Это отчество мне от отца, отцом дадено.

Вот такие-то камни в воду бултых, а оттуда по всей поверхности круги – до самого берега.

– А я стою, стою на берегу...

Ну да, аж сердце замирает...

И, когда Владимир Исаич приехал к нам в Орел, в музей Тургенева на семинар, я, конечно, затащил его к себе домой. Песни показывал я ему, какие пел на слова Сергея Есенина, положив его слова на музыку своей души. Так расчувствовались оба, так любили мы в тот день друг друга и, конечно, Сергея Есенина, поэзию русскую, наш могучий, правдивый, свободный русский язык.

Ушел Исаич, доехал домой, очки у меня позабыл. Глянул я на мир сквозь его розовые очки – подошли диоптрии, так и гляжу с той поры, сижу за письменным столом на лбу с «есенинскими» очками. Вот тебе и апокриф! Пути Господни неисповедимы!

Часть вторая. А теперь про святые колодцы, про стихию Воды. Про поэзию – эпическую и лирическую. Эпос и лира – существенная разница. Эпос – это от самого бога – титаника Прометея, от монолита природы и породы, детство человечества. А лирика – от античного Архилоха, его любви, божественности души. Так и ведется в поэзии – в лучшем случае, все идет из глубин, от лиризма поэта.

Но я помню, с чего начинал – со святых колодцев, священной стихии Воды. Так вот, вода для каждого – это как Пушкин для русских, для каждого, – это все. На девяносто с лишним процентов тело человека состоит из воды. В сказках вода бывает мертвая и живая. Мертвая – соединяет в куски изрубленного в битвах человека, а живая вода вдыхает в него новую жизнь. Мы на пороге открытий, из того, что давным-давно знали наши пращуры, предки. Из внешнего к внутреннему я подбираюсь уж сейчас, иду по апокрифам, как к белому Солнцу в пустыне.

Святые колодцы – это ключи, родники с невероятно биоэнергетической водой, опозитивированной физической ситуации из детства человечества.

Неупиваемая чаша

«Неупиваемая чаша», –
Так называется родник,
Откуда дух, вся сила наша
И весь насквозь наш материк.

До дна, хрустальна, видна,
Живые тени на плаву.
В июне чаша холодна
И потеплее к Покрову.

Когда наклонишься к ней чуть,
Чтоб в зазеркалье пить свое,
Глазами может отблеснуть
И отражение твое.

И Русь с небес отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет...
Как славна наша сторона!
Какой нам от богов привет!

Слетит листок туда – на Русь
И, золотой, не тонет, узкий.
К нему губами прикоснусь
Да и скажу: «Я тоже русский!»

Святые колодцы-родники связывают людей, особо поэтов, своими незримыми узами. В Испании аэдов зовут «звездочетами», ставя их высоко – на крышу, поближе к яблокам звезд. На Руси поэта ждут свои звездопады в колодцах, в отражениях мифов.

Обычно святые колодцы, родники, ключи, зеркальные струи морочат голову где-нибудь под высокой кручей, под обрывом, откосом у речки. И это первый признак дороги, того, что повыше, на откосе, повыше над ними, возникали древние города. Вот Мценск, откос, под ним Зуша. Вот Новосиль – тоже самое, Певчая гора, княжий городок. Москва – Кремлевский холм, под ним Москва-река. А Курск? То же самое. Просто жуткая крутизна откоса, подальше речка Тускарь. А рядом прекрасное здание бывшего Дворянского Собрания, где когда-то, гастролируя, состязался с курскими соловьями сам Энрико Карузо.

Но я о другом. О чем? Все о той же, о Тускари, чуть вверх течения – о Коренной пустыни. Какие ключи, какая живая вода! И ввысь по ступенькам Русь, Коренная, в корнях вяза нашли когда-то икону божественное знамение... И какой же стратег, духовный провидец, защитник Руси Рокоссовский! Разместил тут, через овраг от Коренной, свой штаб Центрального фронта

в битве на Орловско-Курской дуге. Как бы взывая к богам, подержал православных, верил в Свободу, в победу при эпицентре сражения, в кровавом месиве перед Малоархангельском...

И тут совершенно невероятное, но тоже ведь очевидное. Пожалуй, нигде нет такого. Колодец, родник, на горе, перед Сосной-рекой, утекающей в Дон. Это святой колодец Девятая пятница. И тут же внизу у речушки Дайменки городище, которому тысячи лет.

Бывал тут, конечно, в свои времена Одиссей – царь Итаки, греческий царь когда отправлялся по хлебным делам в Северное Причерноморье, в Белую Скифию. То есть сюда, к нашим предкам, скифам – сколотам, которые испокон тут выращивали хлеба и отправляли на юг, но куда? А в ту же Тьмутаракань, в Тамань – греческий полис, откуда уходили в Элладу крутобокие, груженные зерном корабли.

Тамань недавно отмечала двадцать семь веков, а Малоархангельску в таком случае разве всего двести тридцать? Уезд основала Екатерина Великая. Вблизи городища Святого колодца Девятая пятница...

И все-таки. Отчего вода тут на невысказанной высоте? Парадокс, тайна природы, распознаваемая человеком. Тоже своего рода апокриф. Может, такая версия? От Малоархангельска по дороге на Колпну, на границе районов тоже святая вода, Андреевский колодец. И вот по степи отсюда вода отсюда, в сломках земли пробил путь туда – к Девятой пятнице – и вот там уже выходит из своего подземного царства на родину? На свет божий, удивляя и поражая людей. Мифы, сказки, былины. Слово и мысль человека дивные дива творят. А вчера один умный человек мне сказал, что вода на Девятой пятнице на невысказанной высоте, возможно, от сдвигов тектонических. Плиты, дескать, давят на воду и подают ее вверх – из глубин и теснин, на свободу. Свобода, равенство и братство – вот что показывает нам святая вода. Бог, как говорится, любит троицу. А третьим тут является в этом апокрифе вот что. Рядом с Девятой пятницей тут, чуть повыше, по Сосне реке такая красота! Такое несусветное диво! Откос и естественный фон, амфитеатр, на кото-

ром ставить спектакли, звучать бы народным песням и хорам, как операм у египетских пирамид. А чиновники в культуре по-прежнему пишут свои бумажки и думают, что делают дело великое. Такие-то пироги.

ТРИ ТЕНОРА

Вспомнился Энрико Карузо, певший в Курске в Дворянском собрании. Карузо – мой любимый певец. А тут пришла газета с расписанием телепередач на неделю: три тенора – в понедельник, вторник и среду.

Энрико Карузо, Марио дель Монако и Марио Ланца.

Это – история. Это – незабываемо. Это – прекрасно.

Карузо – «голос в ночи». У него учился петь по грампластинкам Марио Ланца. А я учился петь у Карузо и у Марио Ланца. Марио дель Монако, когда был в Москве, вышел на балкон Большого театра, увидел на площади море народа. Он пел и пел, пел и пел! Океаны восторга! Все трое разные, но чудятся мне вместе, в одном.

И еще три тенора:

Лючано Паваротти, Пласидо Доминго, Хосе Каррерас.

Первые три тенора, сплотившееся воедино. Заболел лейкемией Хосе Каррерас. И Пласидо Доминго из Испании обращается к Лючано Паваротти в Италии:

– Поможем другу? Дадим вместе концерт и деньги передадим Хосе на лечение от лейкоза. Мы вырвем его из рук смерти!

– Я верю, – отвечает Лючано, – в силу искусства.

Два тенора, запели дуэтом, вдвоем. Согретый любовью, душевной щедростью, встал на ноги Хосе и присоединился к ним. И так они уже пели втроем.

Чудо такое! Они пели на футбольном стадионе в Париже, на открытии чемпионата мира. И море восторга, непомерной любви!

И стал я думать: «А кто тут у нас – в России – из теноров?»

Хотя бы и в разное время. Конечно, Леонид Витальевич Собинов. Этот юрист в Петербурге, который каждый раз обмирал от страха перед выходом на сцену. Пальчик зажало в тупле, и он уж боится за свое «третье до».

– Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?

С ним – Пушкин, Чайковский и голос его в море любви, в океанах восторга. И имя похожее на мое, голос похожий на мой. И между нами Владимир Атлантов – солист Большого театра, который пел в последние годы в Венской опере.

Откуда я взялся? А сам от себя и от матери. По радио сказали, что Воронежский народный хор отмечает столетие. И мать моя отметила бы тоже сто лет. Так вот, хор Пятницкого начался с деревенского хора Пятницкого, что на юге воронежской земли. От него и пошли многие фольклорные коллективы по всей России. Хор Пятницкого берет начало в докучаевских местах и мать моя пела в нем. Как она выражалась, Пятницкий был «регентом», хормейстером, а она «дискантом», то есть сопрано.

С сорок третьего, в Малоархангельске после Освобождения, я слушал вечерами, бывало, черный такой рупорок – по радио транслировали оперы. Помню, горели дрова в плитке, освещали красновато углы, без электричества было темно и таинственно мне, пацану, хорошо:

– Не счесть алмазов в каменных пещерах.

И вот у меня три лично написанных оперы в виде либретто и даже музыки, много мюзиклов, десятки песен. Существует уникальная вещь: шестнадцать аудиокассет из «Звуковой поэзии мира»...

Прилег. Выключил свет и включил «япошу» - свой магнитофончик, поющий и моим голосом.

«Испанская гитара. Андалузские ночи».

А'капельный исполнительско-авторский концерт.

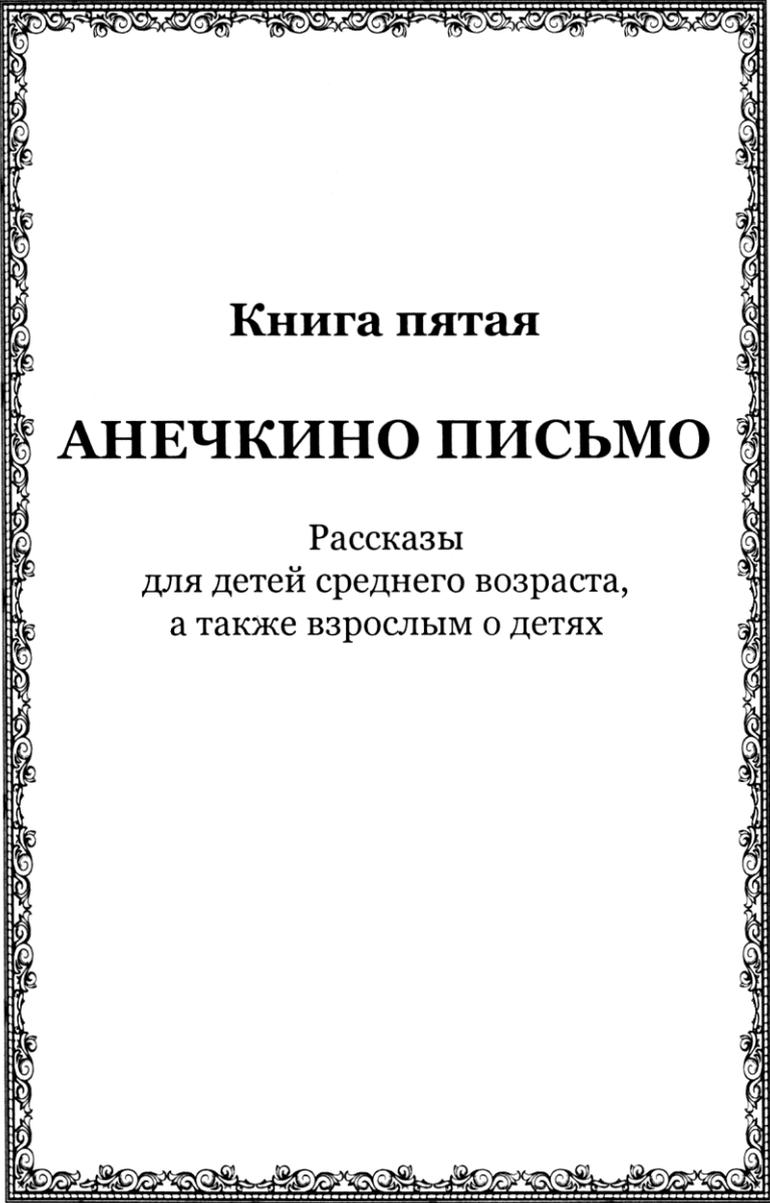
Голоса испанцев. Стихи испанских поэтов, в том числе и Гарсиа Лорки. Голоса Пласидо Доминго, Хосе Каррерреса, Николая Баскова.

И музыка моей души. Даже не верится, что я это сделал, напел мелодии на эти кассеты, создал эти концерты. И это все я – и эти чисто испанские мелодии, ритмы и чувства, с детства прямо-таки африканские страсти. И еще трое:

Владимир Атлантов, Николай Басков, Леонард Золотарев – ваш покорный слуга.

А в душе все Эрнесто Карузо – «голос в ночи», его африканские страсти. И африканец Пушкин. И наш серединно-русский Сергей Есенин – мой любимый поэт.

Книга пятая

АНЕЧКИНО ПИСЬМО

Рассказы
для детей среднего возраста,
а также взрослым о детях

Миша Кнопочкин: «А это я, когда подрасту»

АНЕЧКИНО ПИСЬМО

Всю неделю Анечка ждала субботы, когда придет ее очередь стеречь деревенское стадо. Наконец-то можно будет остаться одной и где-нибудь под раккитой написать письмо сестре Нине. Нина уехала в город учиться на учительницу по чтению. Анечка помнила ее каждый день и каждый день очень любила все эти два года. В школе Анечка выпросила красных чернил, налила в пузырек, носила его в кармашке старенькой, еще бабушкиной телогрейки, боясь, как бы они не пролились, не испортили платьишка. Однако, думая, как они лягут красными буквами на белое поле, как это будет нарядно, Анечка забывала о платье.

Коров в этот раз выгнали к Акинтьевской рощице. Такая светлая, такая белостолица, перегнулась с бугра, смотрится в речку. Так кругом хорошо! Так тепло-солнечно, празднично сидеть Анечке на весеннем, затравеневшем бугре, глядеть в невесть какие далекие дали, где, словно глаза Нинины, голубым отвечают на взгляды заречные старицы. Коровы все больше стоят, за зиму подотощали, ткаются мордами в черную землю. А с овцами просто беда: то стоят-стоят, как вкопанные, а то как примутся бегать, все с бугра куда-нибудь норуют, еще и ноги пообломают, отвечай за них, окаянных.

Анечка взглядывает на них, ведет ладошкой по колкой земле, выкладывает все добро свое, припасенное для письма: пузырек, бумагу и ручку. Долго ловчится к листку на фанерке, вздохнув, утыкается головой в колени, ведет ручку, шевелит – помогает губами:

«Нина плюс Аня. Шестое апреля.

Здравствуй сестренка Нина.

Згорячим приветом к тебе твоя любимая сестрица Анечка. Нина я посылаю тебе открытки а от вета нет. Нина ты напиши я жду всегда. А почему ты не едишь домой. Нина к нам приезжал мамкин брат дядя Толя, они с Зиной разошлись, он был

на бобике. Оставил нам с бабушкой дочку три годика Таня. Все рассказывал про свою красивую жизнь про города пляжи и ристараны. А как уехал опять стало грусно.

На той недели переехали на центральную Афоничевы и Блиновы, я кошку к Блиновым хожу и кормлю жалко, у нее же котятки. Теперь в деревне нашей осталось двенадцать дворов. Учительница говорит скоро школу закроют учить некого. А сейчас нас учила шесть человек, а именно: в нашем третьем классе трое мы с Колькой Зековым да Оля Филатова, а во втором классе двое, а в первом один Юрик Филатов братик Оли. Мы сразу все учимся, сперва мы математику, а они письмо, а третий чтение. А потом мы сами решаем, а они с Клавдией Егоррной пишут про что-нибудь ну про нефть в Сибири или Байкало-Амурскую магистраль. А мы решаем задачки какой наш колхоз «За победу» получил в прошлый год урожай и какой опять получит. Нина учительница у нас хорошая, учит нас хорошо, у мене за третью четверть одна только тройка. Ни знаю как у четвертой буду стараться исправить эту тройку. А Клавдия Егоррна глянула на мою обувь и отдала мне свои туфли, говорит как подарок выхлопотала от какого-то Всеобуча. Теперь я хожу в ее туфлях на каблуках ноги вихляются, а она ходит в новых и в новой телогрейке, это наверно ей от Всеобуча.

Нина как я скучаю по тебе горюю даже по тебе и по твоему апчегитию. Всю осень холодную зимушку лютую горевала, а то и плакала. Выйду на улицу, а грязи выше колена и никого нет. Колька Зеков на центральную ушел. Оля Филатова дома сидит и просто гулять неохота. Приду домой и заплачу. По тебе плачу по твоим чистым улицам и по трале... трале... нет забыла... по автобусам которые на проводах. Я всегда всегда всегда помню тот театр куда ты тогда меня отвела. Как играли там и как пели. А у нас у дяди Фрола Кривова есть гармошка, я приду к ним домой, а тетя Фрося дает мне играть. Я пробую на кнопках и пою, а тетя Фрося говорит что я способная. Кто говорит работать способные, а вы Зековы скоморошничать. А дядя Фрол придет и ругается.

Ниночка милая возьми ты меня к себе в апचेжитие, я на гармони хочу научиться и штоб никто не ругался. А то к Кольке Зекову из Москвы приехала двоюродная такая пигалица худая как кошка все хвалилась что играет на форте и пьяно и что мол будет артисткой. А я теперь тоже надену мамкин платок и стою перед зсркалом и тоже рожицы строю, это всякий сумеет. Ниночка миленькая возьми меня я буду в магазин вам за хлебом бегать и полы мыть я так хочу научиться на балалайке или на гармони. Клавдия Егоррна дала мне книжку про слепого музыканта и я ночь проплакала и даже сейчас как вспомню хочется плакать. А когда рассказала ей про него она говорит ты голову чем зря не забивай все равно тебе быть дояркой или вон к мамке садиться на трактор...»

В этом месте Анечка капнула на листок и не смогла дальше писать. Она оторвалась от бумаги и посмотрела вдаль, но не увидела ни голубых стариц, похожих на глаза Нины, ни стада, оно перешло через колдыбани, в которые прошлым летом ухнула «Волга». Анечка заволновалась, собралась идти залучать стадо, как из-за вишняка показались и коровы, и овцы. Их подгонял хворостиной Колька Зеков. «Сбежал из класса, пришел подмогнуть», – улыбнулась Анечка и снова уткнулась в колленки, в другой, алый наполовину листок.

«Нина а бабушка наша все болеит, а дедушка совсем стал плахой с печки слез и на солнышко, значит говорит еще поживу. А дяди Толину Танечку я вчера поругала за што то, что она подошла ко мне и пистолетом как треснет, так у меня в голове потемнело. Я заплакала, а она стоит губы дует. Бабушка стала меня ругать все ворчит что я цыганка какая-то, мамка меня нагуляла. Только мама меня и жалеет. Мне маму жалко. Она у нас как мужик ходит в штанах и промасленной куртке. Придет с работы железок говорит натягалась. Как вдарится в постель так мертвая. А то теперь стала ходить домой вдвоем с одним дядей Витей тоже тракторист с центральной. Вдвоем сядут выпьют бутылку, и он начинает ее ругать потом бить руками. Они кричат, ругают друг друга всякими словами. И я кричу мне ужасно, бабушка плачет, а дедушка стонет на печке. А потом мама ходит

с синяками и бабушка ее укоряет говорит ты самая последняя пропащая. А мама говорит ничего вы не понимаете, меня может понять только Нинка...»

Анечка оторвалась от бумаги и посмотрела на пальцы: они были красные. Посмотрела вокруг себя: все было солнечно, зеленой дымкой начинали дымиться бугры и перелески. Ниниными глазами глядели из-за речки снова разголубевшие старицы. И было так тепло, так до боли зрению ярко до самых дальних заречных далей, о которых она столько наслышалась от своих в деревне и дома, от учительницы Клавдии Егоровны. Анечка чуть прищурила взгляд, и перед ней возникли деревни и села, просто дороги и железная дорога до того самого прекрасного, самого чудесного города на земле, где живет ее сестра Нина. Анечка опять глубоко вздохнула и обмакнула перо в пузырек.

«...Ниночка милая сестричка моя забери меня отсюда к себе, мне плохо, не могу боле глядеть как мучится мама и плачут бабушка с дедушкой. А Танька че она понимает. Ниночка я хочу учиться в большой школе. А то нас с Олей Филатовой приняли в пионеры, Клавдия Егоррна дала нам красные галстуки. А Кольке Зекову не дала потому што он бьет стекла в школе и сильно ругается. А нам двоим пионерами скушно, и мы не знаем што нам делать дальше. Клавдия Егоррна говорит а дальше надо идти в комсомол. А я когда выучусь как ты, то вернусь в нашу деревню обязательно. Ниночка и ты возвращайся. И я обязательно стану помогать маме и бабушке с дедушкой. Я когда выучусь буду играть на гармонии и петь все песни какие знаю про солнце, про нашу землю. Я не совсем к тебе поеду я только штоб выучиться и штоб строить не только центральную но и нашу деревню. А то она стала такая маленькая, так обидно мне за нее. А она у нас такая хорошая, такая красивая. И глаза у стариц как у тебя голубые. И поля когда поспеют как солома старновка, как мамины волосы. Ниночка скорей возми меня в город...»

На листке оставалось места совсем немного. Анечка еще раз вздохнула, обмакнула перо в чернила и подписала: «Нина приезжай к нам к свитой. С тем и до свиданьица. Твоя любимая сестрица Анна».

И нарисовала сбоку алый цветок. Вытащила из-за пазухи книжку «Слепой музыкант», полистала, разыскала конверт. Вложила листочки в него, написала Нине адрес по памяти:

«г. Орел, апчежитие № 2.

Зековой Нине Михайловне».

Еще раз вздохнула, лизнула языком, провела ладошкой по сгибам и по сгибам, крест-накрест, приписала последнее: «Лети как Гагарин. Вернись как Титов».

Лето, 1975 г.

ДЕВОЧКА С БЕЛЫМ БАНТОМ

«Мы все родом из детства. Из какого же детства придет в будущее эта девочка?» – думал я, услышав случайный разговор на автобусной остановке. Одна пожилая женщина рассказывала соседке своей по лестничной клетке:

– Вот умничка, такая милая, с бантиком белым, Леночкой зовут... Во втором классе учится. Не ребенок – золото, матери просто богом дадена... Захожу как-то к ним, а она мне: «Бабушка, а у нас несчастье». – «Да какое же, хорошечка ты моя?» – «Мама на работе уже третий месяц не получает зарплату... Да нам всего-то и надо одну-единственную бумажку...»

А дальше было все так. На жизнь – Леночкина мама решила обменять свою двухкомнатную квартиру на однокомнатную, с доплатой. Да не знала, в какие джунгли она попадала. Как только бумаги оформила, так и пропала куда-то, сгнула начисто, как и многие в таком случае в этом большом, бессердечном городе, где жила Леночка со своей мамой. Недаром для круглых сирот, какой теперь оказалась девочка, тут открыли детский приют.

И вот в их квартиру уже вселились чужие люди. И Леночке завтра в детский приют. И это ее последняя ночь в своем доме – этой квартире, где она родилась, прожила с мамой все эти годы.

Вещички ее уже собраны в маленький клетчатый чемоданчик чехословацкого производства. И обезьянка плюшевая с полуоторванной ножкой положена сверх того на чемоданчик. Это – чтобы не забыть, когда завтра утром придет за ней соседская бабушка и отведет ее в приют.

Леночка присела на свою кроватку, может, в последний раз, гладит ладошкой деревянную спинку. А тетя чужая, такая огромная – с трактор, и говорит:

– Чего расселась? Вставай... Тут мы шкаф сейчас будем ставить...

– Да ладно тебе, – говорит ей чужой дядя – желтенький весь такой, сморщенный, как стручок незрелый на даче, наверное, муж. – Да пусть, – говорит, – посидит, проведет на своем месте последнюю ночь, не форсируй...

И тетя чужая не стала «форсировать», а просто взяла и бросила Леночкину постель в коридор, к двери, где у них с мамой когда-то собачка Альфа жила. А саму кроватку разобрала и к стене приставила. И стала на это место одна, без мужа, надвигать шкаф...

Лежит Леночка у самой двери, чувствует, как из-под нее, споднизу, натекает холодный воздух. И вспоминает всю свою жизнь, годы с мамой. И жизнь получается такая длинная, такая хорошая, просто светлая жизнь. Как она родилась – не упомнит. Помнит только, как от них ушел папа куда-то. И мама смеялась тогда, очень сильно смеялась. И в руках у Леночки тогда мороженое таяло, мамочка купила целых пять пачек, чтобы у нее – Леночки заболело бы горло и она бы тоже ушла куда-нибудь и не вернулась...

А потом у них с мамой появилась Альфа – специально для Леночки. Чтобы она не чувствовала себя обделенной. Могла бы дружить, развиваться, как сказала мама, «в естественной природной среде». Они с Альфой, чтобы и Альфа могла развиваться, ходили даже в театр, но с собакой их туда не пустили, а сказали, что надо в цирк, в цирке им с Альфой самое место. И Альфа вскоре сбежала... И после этого приходил папа. И мама выходила к нему на лестничную площадку, чтобы Леночка ни-

чего не слышала и не видела. И когда мама возвращалась, уносила туда кошелек, шуршала в коридоре бумажками. А после они до маминой полочки сидели без хлеба...

И все же те дни с мамой были самые лучшие, очень хорошие дни! И Леночка вся сжимается в страхе, всем тельцем трепещет не от холода, натекающего из-под двери, а отчего-то внутри ее самой. Как же будет она жить без мамы, в чужом таком, огромном домище, который все называют нехорошим таким, страшным словом «приют»? «Мама, мамочка, милая, где ты?..» Но плакать мама Леночку так и не научила. Просто запекается все у нее изнутри, как это, как его... ну «бутыльброд» такой... мама покупала ей на базаре... ну этот... «Макдональдс» американский, называется...

Посреди ночи Леночка встала, попробовала заткнуть одеяльцем дырку под дверью, чтобы не дуло. Потом присела на постельке своей – на полу. Взяла на ручки себе обезьянку Марусю, обняла как покрепче и тихо-тихо, чтобы не дай бог услышала тетя чужая, завыла ей по-собачьи, как Альфа...

Пришел дядя чужой. Подсел к ней рядом на пол.

– Ну чего ты? – положил руку он ей на плечо. – Да-а, такая-то жизнь, собачья...

Леночка вывернула обезьянку из-под него.

А утром, едва засинело на кухне, Леночка открыла клетчатый свой чемоданчик. Достала самое лучшее мамино платье – белое-белое, в серебряных розах. И надела его. И оно прикрыло ей не только колени, но даже пятки. И справа, над ушком, Леночка прицепила свой белый, такой прозрачный капроновый бантик...

Позвонили в дверь. Леночка открыла – соседская, добрая такая бабушка пришла за ней, чтобы вести в «приют». Сердце Леночкино так и ухнуло.

– Да миленькая ты моя, – бросилась бабушка к ней, увидев ее в этом наряде – длинном мамином свадебном платье.

Леночка утешала ее, как могла, а сама думала: «Чего она плачет, добрая, хорошая бабушка? Может, несчастье какое? Альфа сбежала или третий месяц дома не получают зарплату?»

– Вот, гляди! – сказала Леночка, чтобы чем-то утешить ее, уже старенькую, и получше поправила на своей голове этот мамин еще – белый, прозрачный такой, очень красивый капроновый бантик.

Осень 1995 г.

ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ **(Сказка для маленьких,** **которые хотят быть большими)**

МОРСКАЯ РАКОВИНА

Когда-то здесь было море. Потом море ушло и пришел лес. Однажды на краю оврага выветрило огромную Морскую Раковину. Набрел на нее Музыкант, поселился в ней. И стала Раковина напевать ему все, что помнила и знала о море. А Музыкант играл ее песни на флейте.

Но вот Музыканта услышала лесная певунья-синичка. Попросилась пожить, поучиться его удивительным песням.

– А что ты умеешь? – спросил ее Музыкант.

– Пьень-пинь, – начала лесная певунья.

– Коло-коло, – поддержала синичку Музыкантова флейта.

– Пинь-коло, пик-коло, – пропел Музыкант. – Ну что ж, для начала неплохо...

Так и жили теперь у Морской Раковины все вместе – Музыкант, флейта Коло и синичка Пьень-пинь. Каждый пел про свое: Раковина пела про море, синичка Пьень-пинь пела про лес, а флейта Коло в руках Музыканта – про то и другое. И у всех вместе получалось легко и красиво.

Так пели они, пока в Раковину не постучалась Улитка.

– Вы добрые, – поклонилась Улитка, – потому что у вас хорошие песни. Вы, конечно, не откажете в ночлеге усталой страннице?

И она рассказала, как долго ползет по земле в поисках Счастья, как измучилась с детьми – улитятами, как злые ветры проббили камнями ей панцырь.

– Может, вам подойдет эта Раковина? – предложил Музыкант. – Мы уступим ее.

– А как же... со Счастьем?

– Теперь наш черед, – вздохнул Музыкант. – Мы отправляемся в путь узнавать, какого цвета Счастье.

– Ур-ра! – закричала синичка Пьень-пиль, флейта Коло заиграла походный марш, а Музыкант тут же придумал слова:

Мы идем в поход за Счастьем –

Желтым, синим, голубым.

Эй, трам-там! Эй, с нами вместе

По дорогам по крутым.

На прощанье Улитка слегка прослезилась. Улитята пошевелили рожками, а Морская Раковина завела свою печальную песню о море. Уж она-то, древняя, знала, что ожидает в пути ищущих Счастье.

ШЛЯПОЧНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Едва они выбрались из родного оврага, как увидели столбик, а на столбике кусище фанеры, а на фанере черные буквы. А так как лишь один Музыкант умел складывать буквы в слова, он и прочитал вслух надпись: «Грибное королевство».

– Ого! – сказал Музыкант. – Давненько я не бывал в королевствах.

– Нас ждут удивительные приключения! – запрыгала в кармане Музыканта веселая флейта Коло, а синичка Пьень-пиль три раза облетела вокруг его головы.

Зеленая Тропинка бежала вперед. Перепрыгивала ямки, огибала дубы, поднималась на крутые холмы. Наконец, она оборвалась, и Музыкант увидел Круглую Поляну.

– Эй, кто тут? – тряхнул Музыкант своей темноволосой головой.

Никто не отозвался. Тогда Музыкант взял в руки флейту Коло и заиграл. Чудесные звуки поплыли по Круглой Поляне. Задвигались прошлогодние листья, зашевелилась трава. Из травы

выглянули странные человечки в больших шляпах, осмотрели пришельцев.

– Опята, – приподнял прозрачно-коричневую шляпу Старший Гриб. – Мы – опята, дружные ребята.

И человечки разом приподняли свои прозрачно-коричневые шляпы.

– Вы и есть жители королевства? – удивилась синичка Пьень-пинь, которая всегда всему удивлялась.

– Сыграйте что-нибудь о ночи, – увидев флейту, попросил Старший Гриб. – О ночи, когда мы растем.

Над дубом поднималась Луна. Серебрились листья и травы. Музыкант взглянул на них и заиграл. Капельками роса покати-лась по шляпкам лесных человечков...

Синичка Пьень-пинь давно уж спала на плече Музыканта. А Музыкант все играл.

– Смотри, – шептала ему флейта Коло, – что-то светлое бродит между деревьями.

Это бродила Луна по молоденьким шляпкам лесных человечков. Вдруг рядом вспух бугорок, из земли показалась грибная шляпка – совсем крохотная, величиной с булавку.

– Ты кто, пьень-пинь? – очнулась синичка. – И почему, пьень-пинь, маленький?

– Я только недавно родился, – пропищал Шляпочный Человечек. – А зовут меня Кталис, ты зови меня просто Кика.

На Круглой Поляне уже было тесно. Шляпочные Человечки взбирались на старые пни, какие посмелее – лезли и на деревья. Свешивались оттуда бледными шляпками, смотрели на Музыканта и на Луну, дрожа, раскачивались под шепоты флейты Коло. И роса капала со шляпок на листья.

Флейта всхлипнула и затихла. Глаза Музыканта были закрыты. «Как меня слушали! – улыбался про себя Музыкант. – Слушали и росли...»

– Кушать, – встрепенулась синичка. – Мне почему-то, пьень-пинь, хочется кушать.

– Потерпи, – сказала ей флейта.

– Ты деревянная, тебе хорошо.

– Идемте все к нам, – поднялся Кика, сбросив с себя пожелтевший листок.

И все зашагали лунной тропинкой в глубину Грибного Королевства.

СОРОК СЕРЕБРЯНЫХ ДЕНЕЖЕК

Грибной Мальчик Кика привел их в дальний конец Поляны, к Серым Шляпочным Человечкам. И все увидели: Кика на них очень похож. Их было сорок братьев на одном-единственном корне.

– Не будь я все вместе грибом Бараном, – сказал Серый Хозяин, – если не узнаю, куда и зачем вы, странники, держите путь.

– Накорми их сначала, – шепнул ему мальчик Кика.

– Верно... Эй, дети! А ну, гостям еды и питья.

Ожили Серые Шляпочные Человечки. Одни из земли качали корнями сладкие соки, другие пекли из сушеных шляпок вкусные хлебцы. Когда Музыкант и синичка Пьень-пинь наелись-напились, Серый Хозяин снова спросил: куда и зачем идут они?

– Мы ищем Счастье, – сказал Музыкант. – Вы случайно не знаете, какого все-таки цвета Счастье?

– Не будь я папой Бараном, – вздохнул Серый Хозяин, – если я знаю что-нибудь, кроме земли и сохи.

И он рассказал свою печальную историю. Вот она:

«Жили-были я, гриб Баран, и жена моя, гриб Овечка. Днем и ночью мы копались в земле, добывали себе на еду. А осенью солдаты на пнях расклеивали королевский указ:

«Мы – Гриб Сатанинский Пятый, сын Мухомора и Бледной Поганки, родной брат гриба Змеи, двоюродный племянник Строчка, троюродный дядя Сморчка и прочее, и прочее, и прочее, повелеваем:

Сдать львиную долю урожая в нашу королевскую кладовую. За неповиновение – шляпку долой!»

Кое-что мы все же припрятавали, тем и кормились. Родился младшенький. Гриб Овечка мечтала, чтобы он попал в Королевскую свиту.

– Я назову сына Некталис, что значит близкий к Сатанинской фамилии, – сказала она.

– Не будь я папой Бараном, – стукнул я по столу, – но этому не бывать!

Я назвал его Кталис. Это он – озорной мальчик Кика. Так зовут его все на поляне.

А недавно гриб Сатанинский издал новый указ: брать по денежке с каждой шляпки. Надоело Овечке жить в бедности.

– Я со своей красотой проживу и полегче, – сказала она на прощанье. И теперь, говорят, она живет где-то в сосновом лесу, и гриб Сатанинский сам надел на нее новую красно-малиновую шляпку. И у нее там, наконец, появился Некталис.

Ну, а я... я рашу сыновей. И не будь я папой Бараном, если каждый не станет у меня настоящим Грибным Человеком.

Завтра вы уходите дальше по Зеленой Тропинке. За рекой вы встретите Черный Терем, а в тереме – Королевского Казначея. Передайте ему эти сорок серебряных денежек. Я трудился и день и ночь, чтоб собрать их и заплатить за моих сыновей...»

– Нет, – перебил его Музыкант, – вы не знаете, какого все-таки цвета Счастье.

– Счастье? Может, оно серого цвета? Как наша земля, наши руки, как наше небо?

Но флейта Коло заиграла походный марш, а Музыкант тут же придумал слова:

– Счастье-счастье где-то, где-то. Тут над нами тень листа. Счастье серенького цвета не бывает, тра-та-та!

С Музыкантом, флейтой Коло и синичкой Пьень-пинь ушел искать Счастье и Серый Шляпочный Человечек – Грибной Мальчик Кика.

ОРДЕН ЗМЕИНОГО ГРИБА

Зеленая Тропинка привела друзей к Черному Терему. Из терема выбежали слуги – Серые Мухоморы. На шляпках чешуйками – денежки, на рубашках и под рубашками – денежки, в

толстых мешочках у пояса – тоже денежки. Мухоморы схватили друзей и потащили к грибу Змею – Королевскому Казначею.

Гриб Змея сидел важный, под зонтиком. Он всегда и всюду сидел под зонтиком, даже под крышей у себя в Черном Тереме.

– Это кто еще тут! – закричал он, и молнии засверкали в его змеиных глазах.

У ног Казначей странники увидели мешок с золотыми монетами, в которых Казначей всегда держал пальцы и играл ими, как хотел.

– Мы идем, господин Казначей, за Счастьем, – шагнув вперед, гордо сказал Грибной Мальчик Кика.

– Я покажу тебе Счастье! – зашипел гриб Змея. – А не ты ли один из сорока молодцев, какие вот уже месяц не платят по денежке казне Его Сатанинского Величества? Схватить мерзавцев и постричь в солдаты!

– Господин Казначей, – поспешил сказать Музыкант, – его отец гриб Баран прислал вам свой долг. Вот, – и он положил перед Казначеем сорок серебряных денежек.

Казначей жадно схватил их и сунул в мешок, а слугам крикнул:

– Все равно постричь мальчишку в солдаты! У короля после сражения как раз не хватает солдат.

Мальчика Кику утащили, а Музыканта и его друзей гриб Змея приказал отправить на Большую Поляну, где разыгрывались сражения для развлечения гриба Сатанинского Пятого и всей его Королевской свиты.

Шатер короля был разбит на Комарином Холме. Музыканта, флейту Коло и синичку Пьень-пиль оставили у подножия холма наблюдать за великим сражением.

С одного края Большой Поляны, из дубов, наступали белые грибы в Каштановых Шляпках. Впереди шел огромный гриб Боровик – всем грибам Полковник. За поваленными соснами засели другие грибы, тоже белые, но в Черных Шляпках.

– Смотрите, – оживлялись в Королевской свите Строчки – Придворные Дамы. – Как красиво умирают Каштановые Боровики.

– Ну что вы, – изгибались перед ними грибы Сморчки – Придворные Кавалеры. – По-настоящему умирать могут только грибы Сморчки.

– Ах! – взмахнула душистым платочком одна из Придворных Дам. – Мой бедный Некталис.

И Музыкант узнал в ней гриба Овечку – мать Грибного Мальчика Кики.

А грибные цепи все шли. В шатре дергали за разноцветные ниточки, и в бой уходили все новые цепи.

Гриб Змея сидел, как всегда, под зонтиком и пил лимонад. Ему было скучно.

– Эй! – подозвал он к себе Музыканта. – Ты, кажется, что-то хотел мне сказать?

– Н-нет, н-ничего, – нерешительно сказал Музыкант. – Я совсем не хотел бы спросить у вас, какого все-таки цвета Счастье.

– Счастье? Ха-ха-ха, – затрясся от смеха Королевский Казначей, так что лимонад заплескался в его бутылке. – Счастье, оно, наверное, черного цвета... Видишь, как славно умирают Черношляпочники, как сильно бьют пушки? И каждый выстрел в сто раз дороже, чем те жалкие сорок денежек, что ты мне отдал сегодня.

– В сто раз, пьень-пинь? – удивилась синичка, которая всегда всему удивлялась.

– Да, в сто раз, – важно ответил Королевский Казначей.

На носилках принесли раненого офицера – гриба Сморчка. Это был юный Некталис. Он открыл глаза и прошептал:

– Слава королю!

– Вот храбрый офицер, – сказал гриб Змея. – Он достоин награды.

И прикрепил к груди офицера высший орден королевства – Колючий Репей. Все придворные разулыбались, захлопали в ладоши, а матери Некталиса, грибу Овечке, сделалось плохо.

Сражение продолжалось. Стреляли пушки. падали боровики, маслята, обабки. И вдруг все остановилось: над Большой Поляной плыла волшебная музыка. Это пела в руках Музыканта волшебная флейта Коло:

Тра-ля, ля-ля, тра-ля, ля-ля,

Остановите бой.

Нельзя-нельзя, чтоб черный гриб

Вдруг вырос над землей.

– Что ты наделала? – крикнула флейте синичка Пьень-пинь. –
Теперь нас схватят и посадят в тюрьму. И мы не сможем, пьень-пинь, помочь Грибному Мальчику Кике.

В САТАНИНСКОМ ЗАМКЕ

Друзей, конечно, схватили, обвязали одной веревкой и потащили в Сатанинский замок, к самому королю.

Замок стоял в диком ущелье. С трех сторон его окружали красные скалы, с четвертой – зеленело болото, которое не выпускало всех тех, кто осмеливался войной идти на замок. Сюда вела единственная дорога – по деревьям. От дуба к ольхе, от ольхи к тополию. На сучья были положены доски, которые убирали, едва надвигалась опасность. На дворе Сатанинского замка стоял преогромнейший пень – трон короля. Пень был очень древний и потому очень трухлявый. Его можно было проткнуть и пальцем. Вот почему со всех сторон его закрывали придворные: низ облепили Строчки, по спине их взобрались Сморчки, еще выше, давя друг друга, карабкались Колпачки, а на самом верху жались к грибу Змее всякие Спорыньи, Мухоморы, Поганки.

Уже вечерело, когда Музыканта и его друзей притащили к королевскому пню. Пень весь светился – это горели гнилушки. Гнилушки на короле, гнилушки под королем, гнилушки на лбу короля. Наконец-то друзья увидели гриба Сатанинского Пятого. Блестела слизью темно-красная шляпа, золотилась одежда, оттого гриб казался желтым и старым, а ноги возле самой земли вздулись, наверно, от жира, который стекал сюда со всего тела.

– Так почему вы не платите в МОЮ казну за то, что ходите по МОЕЙ земле?! – грозно нахмурился гриб Сатанинский.

– Почему не платите?.. Почему не платите?.. – закивали, зашевелились придворные.

Музыкант стоял и молчал. Молчали синичка и флейта.

– Отвечай же! – толкнул Музыканта в спину один из Королевских Советников – гриб Мухомор, по красной шляпе которого были развешаны сатанинские ордена.

Музыкант поднял голову, посмотрел прямо в глаза королю, потому что королям иногда нужно смотреть прямо в глаза.

– А вы? – гордо сказал Музыкант. – Вы, король, платите за Небо и Солнце?

– Что?! – закричал гриб Сатанинский Пятый и посинел. Он всегда синел, когда злился. – В тюрьму его! Всех в самую холодную, самую сырую темницу!!

– Спасибо за честь, – усмехнулся в ответ Музыкант. – Мы с друзьями отправились в путь, чтобы узнать, какого все-таки цвета Счастье. Мне сейчас очень нравится синий.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ ЗВУКИ

Друзья очнулись в темнице, на грязной соломе. Болело все тело, хотелось пить. С потолка капала ледяная капель.

– Бр-р-р! – кутаясь в перья, сказала синичка. – Я бы сейчас с удовольствием посидела на солнышке.

Музыкант снял с себя куртку и укрыл ею флейту Коло и синичку Пьень-пиль.

Под потолком зашевелился листок, стало светать. Синичка Пьень-пиль порхнула к решетке. Просунула в нее сначала голову, затем крылья.

– Пьень-пиль, – обрадовалась синичка и посмотрела на флейту. – Ты тоже пролезешь.

– А Музыкант? – сказала печальная флейта. – Куда мне без Музыканта?

– Пьень-пиль, – махнула хвостом синичка и выпорхнула во двор.

Музыкант и флейта Коло сидели и ждали, когда за ними придут Мухоморы и поведут их на казнь. Вдруг флейта подпрыгнула:

– Ах, я вспомнила одну песенку! Ту, перед которой не могут устоять даже тюремные стены...

Попробовала флейта Коло спеть песенку – не выходит.

Пока сидели в холодной темнице, у флейты замерзли все звуки. Попробовал Музыкант отогреть ее у себя под рубашкой – не смог.

Отворилась дверь, Мухоморы сбросили кого-то вниз сюда по порожкам.

– Кика! – обрадовалась флейта Коло. – Грибной Мальчик Кика!

Когда Кика очнулся, он рассказал им про свои приключения. Кику все же постригли в солдаты. Он три раза ходил в атаку, даже стрелял в соседних Опят. А потом взял и сбежал домой, к папе грибу Барану.

– Мухоморы схватили меня и швырнули в эту темницу, – закончил свой рассказ мальчик Кика.

Все втроем погрустили, стали думать: как же выбраться им отсюда на волю?

– Может, ты, Кика, отогреешь звуки, которые заморозились? – сказала флейта, а Музыкант тут же пропел Кике волшебную песенку. Песенка была очень простая и очень красивая, и Кика выучил ее наизусть в один миг. Он взял в руки флейту, но... флейта продолжала молчать.

Наступило утро. Вот-вот за ними придут Мухоморы и – прощайте, все тридцать девять братьев. Прощайте, лунные ночи, когда растут Шляпочные Человечки. Прощайте, тени под соснами, дубами и елками. И эта волшебная песня, прощай... Горячая слезинка покатилась по щеке мальчика Кики и упала на флейту. Замороженные звуки растаяли, и флейта запела так нежно.

Стража захрапела, Железная Дверь отворилась. Зашептала вслед Музыканту и его верным друзьям:

– Бегите к Каменной Башне, там пролом. Через пролом выйдите в болото, в болоте у Горелого Дуба найдете тропинку, пойдете по ней...

Когда беглецы оказались у Каменной Башни, они увидели: пролом был недавно заделан.

– Что ж теперь будет? – обессилев, прислонились к стенке друзья.

Вдруг, откуда ни возьмись, вот она, синичка Пьень-пинь. Порх на плечо Музыканту. Флейта Коло хотела прогнать ее, но Музыкант сказал:

– Не время ссориться, дети...

– Я сейчас, – прошебетала синичка, – приглашу, пьень-пинь, одного знакомого Аиста.

НА КРЫЛЬЯХ АИСТА

Аист несся над полями, лугами, лесами, по которым внизу бежала Зеленая Тропинка. Синичка Пьень-пинь показывала дорогу. И всем было так весело, так хорошо. Флейта Коло заиграла походный марш, а Музыкант тут же придумал слова:

Страхи где-то, горе где-то.

Мы, трам-трам, теперь не врозь.

Но какого цвета Счастье, –

Так узнать и не пришлось.

Аист молчал. Вертелась земля. Музыкант наклонился к уху птицы:

– Спасибо, Аист. Мы чудом вырвались из лап короля, и теперь он совсем посинеет от злости. Вы верите, что Счастье может быть синего цвета?

Аист мчался вперед. Вертелась земля.

– Все дело в том, – сказал Аист, – что когда кому каким хочется видеть.

Музыкант огляделся: кругом было синее небо – столько свободы.

– Он прав, – вздохнул Музыкант. – В каждом цвете ведь столько разного.

Аист снизился: холмами и балками под ним все бежала Зеленая Тропинка, желтело поле – ржаное, тучное, сильное. Это были уж не Сатанинские земли, это были свободные земли. Друзья махали вслед улетающей птице, а Желтое Поле уже

тянулось к ним своими колосьями. Широкое поле, свободное поле.

– Может, пьень-пинь, – щебетнула синичка, – Счастье желтого цвета?

– Все дело в том, – ответил ей Музыкант, – что кому каким хочется видеть.

ГРИБНАЯ РЕСПУБЛИКА

Зеленая Тропинка привела их к Светлой Поляне. Все услышали мягкий серебряный звон. Это звенели цветы Колокольчики, когда налетал ветерок. Вся поляна была в Колокольчиках. Вся была в ярком Солнце, оттого и называлась Светлой Поляной.

– «Грибная Республика», – прочитал Музыкант золотистую надпись на столбе у дороги, потому что только он один мог читать.

– Республика? Что такое Республика? – спросил Мальчик Кика.

– Он не знает, что такое Республика! – фыркнула флейта Коло. А синичка Пьень-пинь расхохоталась во все свое синичье горло, очень уж она любила похохотать.

– Не шумите, дети, – сказал Музыкант и с грустью посмотрел на Кику: – Ты в самом деле, малыш, не знаешь, что такое Республика, потому что всю свою короткую жизнь прожил в королевстве...

Но тут все увидели что-то странное: двухэтажный гриб Боровик. Молодой грибок Внучек сидел на картузе старого гриба Дедушки.

– Что за чудо? – снова спросил Музыканта Кика. – Насколько я знаю, у нас в королевстве на всех приличных грибах сидели только грибы Некталисы.

– Эти-то, пьень-пинь, лодыри? – вставила слово синичка.

– Мой внучек не лодырь, – обиделся гриб Дедушка. – Просто он еще маленький, и я его провожаю в школу. У нас в Республике все дети учатся. А вы кто ж такие, что не знаете этого?

– Мы путешественники, – сказал Музыкант, – мы ходим по земле, чтобы увидеть, какого все-таки цвета Счастье.

– Ах, Счастье, – закивал головой гриб Дедушка. – Лучше об этом спросить самого Президента. Его все так и зовут у нас – Грибное Счастье.

И гриб Дедушка показал дорогу к Президенту. Друзья отправились в путь. По полям, по полянам, дорогам, овражкам. Всюду встречались Шляпочные Человечки: Белые Грузди, Коричневые Боровики, Желтые Лисички, Красные Подосиновики. Все веселые, крепкие.

– Почему вы такие веселые? – спросил мальчик Кика. – Вы уже заплатили каждый по денежке?

Красные Подосиновики только пожалы плечами, а Белые Грузди даже слегка покраснели, потому что ничего не могли сказать Мальчику Кике.

Президент оказался преогромнейшим грибом. Когда Президент улыбался, он становился похожим на кочан капусты величиной с двухэтажный дом. Чтобы сделать грибам приятное, он иногда начинал пахнуть орехами. Всем грибам Республики, которые жили честно и дружно, Президент любил делать только добро. За то его и прозвали Грибное Счастье.

Президент сидел на обыкновенной земле под обыкновенной березой. Путешественники приблизились к нему и услышали запах орехов.

– Что привело вас сюда, о гости? – улыбнулся глава Республики и сразу же стал похож на кочан капусты величиной с двухэтажный дом.

Кика хотел поднять на него голову, да чуть не слетела шляпка.

– Мы путешествуем, чтобы узнать, какого все-таки цвета Счастье, – вышел вперед Музыкант и снял свою шляпу, обнажив седину.

– Да, не много ж тебе, вижу, встретилось Счастья, – вздохнул Президент и снова стал грибом обыкновенным. – Поживите у нас, поищите его. Может, что-нибудь и найдете.

Президент улыбнулся еще раз и снова сделался преогромнейшим грибом величиной с двухэтажный дом.

– Гостите пока у меня, – сказал Президент, – места хватит. – И открыл в самом себе сбоку голубую дверь.

Друзья подошли к первой ступеньке, переглянувшись, вошли прямо в Грибное Счастье...

ДЕТИ СОЛНЦА

Утром по винтовой лестнице Музыкант, Грибной Мальчик Кика, флейта Коло и синичка Пьень-пинь поднялись на макушку Грибного Счастья. Из-за леса выкатилось большое, яркое Солнце. Оно обливало лучами все уголки Светлой Поляны. Просыпались грибы Республики, начинали читать умные книжки, играть в веселые игры, загнутыми шляпками собирать дождевую воду, шевелить землю и расти, тянуться к яркому Солнцу.

Музыкант и его друзья целый день работали вместе со всеми. К вечеру Президент объявил их гражданами Республики. А потом они снова взобрались на макушку Грибного Счастья. Музыкант вытащил из кармана деревянную флейту Коло и заиграл. На песню сходились все грибы Светлой Поляны. Застихали, приподнимали свои разноцветные шляпки. И стояли рядами, покачиваясь. И росли, росли. Потому что в Грибной Республике, как и в Грибном Королевстве, кто не любит хорошей песни?

Песня кончилась. Кика встал, этот Грибной Мальчик Кика. Первый раз сказал Кика слово, и его слушали все:

– Грибы Республики! Нас всегда звали: дети тени. Здесь же все любят Солнце. Пусть же Солнце станет гербом нашей Республики. Пусть!!

Кика наклонил над собою березу и на ее белой коре нарисовал круг, который смеялся. Очень похожий на огромный кочан капусты величиной с двухэтажный дом. А потом взял и пририсовал к нему тонкие ноги.

– Вот оно, Счастье, – гордо сказал Грибной Мальчик Кика. – Пусть идет по земле.

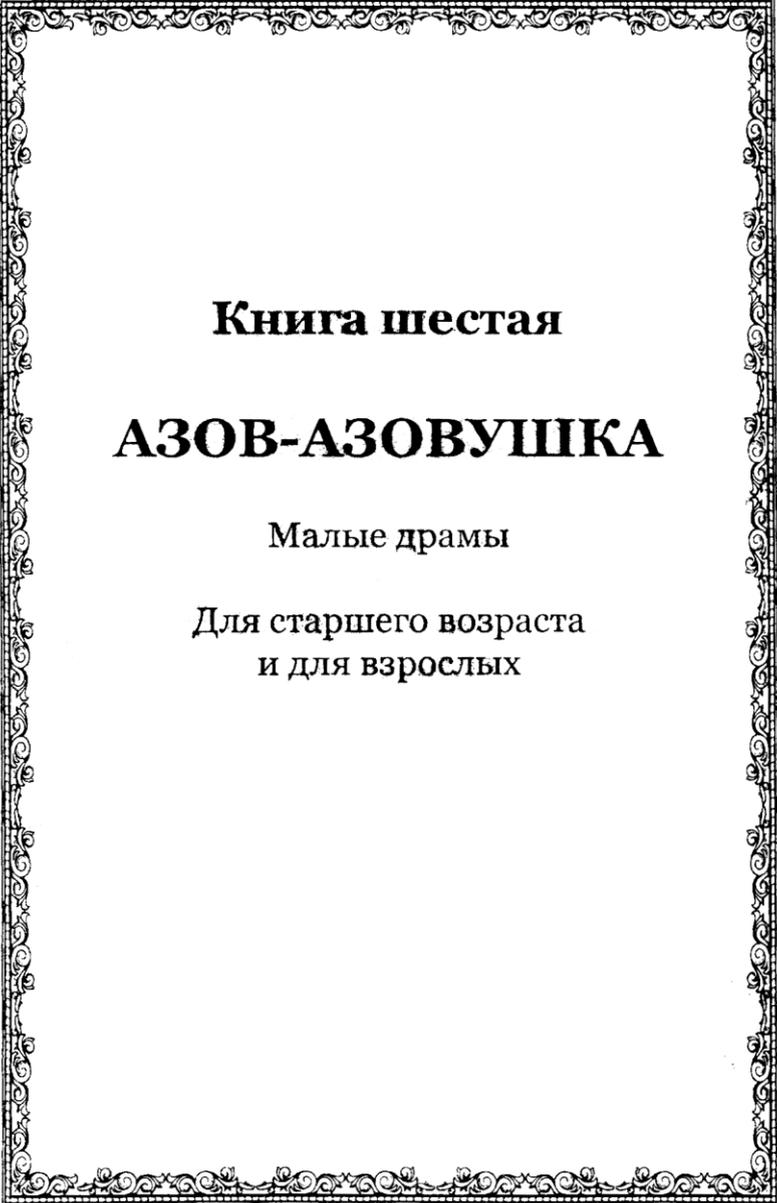
– А какого же цвета оно, это Счастье? – вдруг спросил его Президент.

– Да, какого? – зашумели грибы Республики. Кика запнулся, обернулся назад.

– Счастье? – поспешил Музыкант на выручку и оглядел все вокруг и засмеялся: – Оно, как вот этот солнечный луч. Его просто не видишь, когда живешь среди Счастья...

Музыкант и Кика лежали на макушке Грибного Счастья и, как в подзорную трубу, смотрели во флейту далеко-далеко. Там жили Кикины братья, там в овраге вздыхала Морская Раковина. Музыкант слышал ее слабый шепот о море.

*г. Орел – г. Малоархангельск,
Лето 1966 года,
ещё когда у нас в стране
не было Президента.*

Книга шестая

АЗОВ-АЗОВУШКА

Малые драмы

Для старшего возраста
и для взрослых

Миша Кнопочкин:

«Видите, это три брата – французики из Швейцарии. Когда все они были еще маленькими».

АЗОВ-АЗОВУШКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

ПЕТР ПЕРВЫЙ – император Российской империи, заложил судостроительную верфь в Воронеже, в расчете отвоевать у турок Азов.

МЕНШИКОВ АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ – сподвижник царя Петра, прошел путь от «потешного» солдата до генералиссимуса, между тем порядочный плут и комбинатор.

МУЖИК С ВОЖЖАМИ, везущий на конях длинные стволы сосен на судовой верфь в Воронеже, для строительства кораблей.

МУЖИКИ-ЧУМАКИ-ОБОЗНИКИ.

АЗОВУШКА – девушка из мифа, нимфа, сказочная принцесса, в реальности – поэтический образ, сначала белая царевна Лебедь.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ – ссыльный поэт, в Воронеже.

ПРИЗРАКИ ЯГОДЫ, ЕЖОВА, БЕРИИ – наркомы СССР, авторы и исполнители концепции «ежовые рукавицы». Так и стоят перед Осипом Мандельштамом, как Рим – перед Октавианом Августом.

ИСТОРИЯ. Скифские курганы в широкой воронежской степи.

ВРЕМЕНА Петра Первого и вокруг 1937 года.

Начало 21-го века.

САМ АВТОР и ЕГО ОБЕРЕГ.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Легенда о любви

Сына Бога Велеса еще в люльке прибило к берегам Тавриды. Возмужав, сразился он с черным Вороном, спасая белую царевну Лебедь. Она была духом Азовского моря и звали ее по-другому Азовушкой. Велес и Азов полюбили друг друга, и они стали жить вместе. Волшебной была их обитель. И люди ладили с ними, жили с ними в любви и согласии. Но Вий – царь подземного царства – обложил всех тяжкой данью. И люди пали на колени перед Велесом, моля о помощи. Велес разрушил дворец Вия и защитил страждущих.

Затаив зло, Вий устроил пир и отравил Велеса. Выпив подставленную ему чашу с цикутой, Велес ушел в подземельное царство, где содержал себя Вий в самом дальнем, темном углу, как в пещере.

За любимого вступилась белая Лебедь-Азовушка. Она предстала перед Вием и умолила его отпустить любимого. И вот Велес и Азовушка пошли по подземным дорогам судьбы. Уже перед самым выходом из подземелья раздался голос Всевышнего: Азовушка может выйти, но Велесу, чтобы выбраться, придется пройти через иные ворота.

Азовушка не захотела оставить любимого. Так и ушла она с ним в волшебную Азов-гору, чтобы дожидаться лучших времен. Гора готова была в любой момент отпустить Азовушку к людям, но только без любимого, без Велеса. Велес должен был пройти многие испытания, через поколения, чтобы выйти из подземного царства. Он умирал много раз и снова воскресал, возрождался, становился то Доном, то Ра – рекой (Волгой). Целью его было одно: выйти к свету, к людям, к любимой, которая стремилась выбраться из мрака пещер, чтобы помочь выйти наверх к своему любимому Богу Велесу.

В конце концов Велес освободился от мрака, одолев Вия. И люди возликовали. Азовушка пела, воздев к небу руки:

– О мой Велес! Мой любимый! Мое божество!

Ты наше Солнце, освещающее поле!

Ты и Месяц, и Звездный Пояс!

Ты цветущая наша земля!

За тобой – небесные рати!

Ты мудрый и справедливый!

Ты Орла быстрее и крылатей!

Ты выводишь нас к морю...

К Азовскому морю,

К Черному морю...

К Понту Евксинскому – Русскому морю...

* * *

ОТ АВТОРА. Наверно, потому что я родился в Воронеже, с детства передо мной город этот, река полноводная, судостроительные верфи, на которых строятся самые красивые корабли. И строит их царь Петр, после ботика своего на Плещеевском озере побывав еще и в Голландии, Англии.

Вот какие картины проходят передо мной с детства. Из моего печального детства. Слышится песня:

- На рыбалке у реки

Тянут сети рыбаки.

Так пели Рая и Шура – двоюродные сестры мои, утешая меня, малыша, когда мать моя Мария отправлялась к мужу своему – отцу моему на Соловки. Я тоже не так давно уже побывал на Соловках просто как сын его, как человек, оберег мой – Азовушка.

Картина первая

По просеке, из глубины соснового бора, вдоль реки тянется обоз. Коня, запряженные в упряжку; напрягаясь, везут телеги, специальные - одну за другой. На телегах длинные хлысты – могучие корабельные сосны.

СТРАЖНИК У ЗАСТАВЫ. Стой! Кто вы и куда?
МУЖИК С ВОЖЖАМИ, ИДУЩИЙ ПЕРВЫМ. Свои мы, воронежские.

СТРАЖНИК. По бревну берем с коня! Без этого дела пушать в город не велено.

МУЖИК С ВОЖЖАМИ (*коню*). Н-но, милай! (*Стражнику*). А ты, морда, что – не видишь? На верфь везу по два ствола на рыло... По распоряжению самого царя Петра...

СТРАЖНИК (*перекрывая дорогу алебардой*). Не бреши. Царь в Москве, еще не приехавши.

МУЖИК С ВОЖЖАМИ (*скаля зубы*). Ну, не по приказу царя, так по распоряжению светлейшего князя Меншикова.

СТРАЖНИК. А как зовут князя?

МУЖИКИ (*подходя из глубины обоза*). А в чем дело?.. Да Ляксандр Данилов зовут, по его приказанию... Чумаки мы, и на волах груз везем. Знаем, по лесине с каждого за провоз...

СТРАЖНИК (*убирая алебарду*). Дак Ляксандр Данилыч тут, на верфи... Обозы с лесом велел пропускать. Проезжайте...

Появляется сам светлейший князь Меншиков Александр Данилович.

КНЯЗЬ МЕНШИКОВ (*строго, стражнику*). А в чем дело? Почему стоим?

СТРАЖНИК (*вытягиваясь в струнку*). Да вот какие-то чумаки... На волах груз везут.

КНЯЗЬ МЕНШИКОВ. Те – чумаки, чужаки, а это – свой конюх, отец мой родной – Данила Меншиков. Не похож, что ли, я не него, а?

СТРАЖНИК (*подняв голову*). То князь (*презрительно*). А то конюх.

КНЯЗЬ МЕНШИКОВ (*расхохотавшись*). Ну и что ж. Что – сын конюха не может быть князем? А солдат «потешных» полков – генералиссимусом? Царь-батюшка за заслуги мне чины пожаловал. За трудовые и ратные подвиги. За строительство столицы – города Санкт-Петербурга и за участие в победе над шведами под Полтавой... Теперь вот послал сюды, в Воронеж, строить корабли, чтобы впоследствии спуститься вниз по реке

Воронежу, затем по Тихому Дону дойти до Азова и отбить крепость у турок. Выход России нужно пробить к южным морям, скоро царь Петр самолично появится тут у нас, на судостроительной верфи.

Если с десятком кораблей к тому времени не спустим на воду, морду всем тут в кровь расшибет. Царь такой!.. Проходи, отец, провози обоз. Да пошвыдче, подшвыдче-ка! Рабочие уж засиделись на верфях, не хватает строительного лесу, в зубах, хе-хе, нечем поковыряться...

Со стороны реки Воронежа неожиданно появляются всадники. С коня соскакивает человек огромного роста – это и есть царь Петр, император России.

ЦАРЬ ПЕТР (*окинув зорким оком обозников*). А-а, чумаки?.. Мужики! Видали какая прямая и широкая просека? Ни одной загибулины. Корабельные сосны возим, хлысты. Так вот. И сюда протянется когда-либо город Воронеж, и это будет его главная улица. Видите какая широкая и веселая... как Невский в Санкт-Петербурге.

КНЯЗЬ МЕНШИКОВ. Но-!.. Тоже на костях?.. (*Царь замахи-вается*). А, тут, где сейчас стоим, на этом самом месте, потомки царю Петру памятник поставят... Тебе, царь Петр, памятник-то...

ЦАРЬ ПЕТР. Хватит тебе, Алексашка, подхалимничать. Теперь не до того. Турку надо на юг отодвинуть, выйти к южным морям.

МУЖИКИ-ЧУМАКИ-ОБОЗНИКИ (*разом загомонив*). Прямо даже не верится... Город тут будет – «проспект», а там будет наша крепость Азов... Сказки какие-то, чудеса...

Царь Петр ускакал вперед, а князь Меншиков задержался.

КНЯЗЬ МЕНШИКОВ. Чудо в ваших руках, мужики... Сыми, батюшка, отец мой родной, шапку да пусти по кругу. Пушай монеты туда тебе кидают. А ты мне опосля свою шапку отдашь. Я вам чудо после устрою, на первом же корабле по реке Воронеж покатаю. Чистое дело марш! Ну, вперед! А я доскочу до курганов... С богом! Да пошвыдче, пошвыдче! А то царь Петр всем нам головы поотрывает.

Картина вторая

ХХ-й век. Степь под Воронежем. Скифские курганы. Другие времена, другие нравы. Под курганом лежит сморенный сном человек. Это сосланный сюда в тихий и спокойный Воронеж, поэт Осип Мандельштам. Пребывая в дремоте, он шевелит губами, будто пишет и тут же читает сам себе свои стихотворные строки.

Со стороны Кургана появляется девушка, писаная красавица, словно мистификация, из мифа, будто сказочная принцесса.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ (узнавая ее). А-а, это ты, Азовушка. Ну, подойди сюда ко мне, подойди поближе. Что ты хочешь сказать?

АЗОВУШКА (прихорашиваясь перед поэтом). Не сказать, а показать.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Ну, показывай.

АЗОВУШКА. Тут или там?

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. И тут, и там.

АЗОВУШКА. Там Азов-крепость уже давно в составе Российской империи. Но, как всегда, у славян феодальная раздробленность. Снова будут в Азовском море пролив у Керчи делить...

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Да знаем, знаем, предвидим. А тут что?

АЗОВУШКА. Там мы видим все в доскональности, а тут у себя под носом ничего не замечаем... Город Воронеж вон теперь стал какой – современный, столичный. И «прспект» тот, по которому когда-то возили корабельные сосны, тоже с размахом.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. И что?

АЗОВУШКА. А то! Я – твой поэтический образ. Вот моими глазами и посмотри хотя бы на этот прспект. С чего он начинается, что на нем и чем он кончается?

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Известно, с чего начинается: с памятника Петру Первому. А слева от него – море рукотворное, по которому и сейчас вниз туда, на Азов, могут ходить корабли.

АЗОВУШКА (*улыбаясь*). А прямо что? По проспекту? Прямо перед глазами что, по-твоему?

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Я – поэт, тем и интересен. А прямо перед глазами у меня – по самому проспекту – все поэты, поэты. И, представьте себе, все они тоже страдальцы. Однако памятники им уже стоят или будут поставлены. Ну, и как пойдем по проспекту – перечислять поэтов по алфавиту или по времени жизни?

Из-за Кургана поднимается Солнце, начинает окрашивать в розовое серебристый ковыль. Однако тут, со стороны поэта, Курган еще темен, даже слегка мрачноват.

АЗОВУШКА. Как только Солнце станет выше Кургана, так я уйду. Исчезну, как призрак. Передам тебе, поэт, управление мифами.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Начнем с Кольцова. Или, может, с Никитина?

АЗОВУШКА (*исчезая*). С Кольцова. Этот больше страдал.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Страдал? И за что?

АЗОВУШКА. За идеи. За форму и содержание.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Как сказал Виссарион «неистовый», песни Кольцова прогремят во всей беспредельной Руси...

АЗОВУШКА. О себе думай, Осип... Виссарионыч...

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. (*Запевая под нос себе, про себя*). «Расступитесь, леса темные!..» Н-да (*раздумчиво*). За такие стихи не то, что опять сошлют куда подальше, но еще и посадят... в СЛОН какой-нибудь... А памятник Кольцову потомки все же поставят... Пойдем дальше...

Дальше БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ – Нобелевский лауреат. Ничего себе, оказался даже вне родины. За «Окаянные дни»?

«Я не люблю, о Русь,

Твоей несмелой,

Тысячелетней рабской нищеты...»

За макушку Кургана уже цепляется Солнце. Может, это глаза Азовушки, а не Мандельштама ушли за Курган на покой?

АЗОВУШКА (*издалека, поэту*). Как Велес в подземном царстве у Вия, все в другие обликиходишь, меняешь формы и

представления? О тезке всенародном даже балладу сверсифицировал?

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Да вот, меняя представления о себе, но суть остается... Пост-символизм... Еще одного поэта вспомню и к себе перейду.

КУРГАН (*как бы поощряя поэта*). И кого же еще? Какого поэта хочет вспомнить поэт?

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Хотя и не воронежский, но близкий к Кольцову.

КУРГАН. И кто же, кто же?

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Сергей Есенин. Как его... имажинист...

АЗОВУШКА (*подавая голос в последний раз, уже из горы*). О себе вспомни. Покажи себя-то... За что хоть потомки тебе памятник тут, на «преспекте», поставили.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Ставят-то не за строки, даже не за поэзию, а за страдания, за весь облик.

КУРГАН. Прочитай что-нибудь. Выдай массам что-либо из своего, из «Воронежский стихов».

Осип Мандельштам окончательно просыпается. Видения уходят, поэт встает на ноги и читает в пространство прямо перед собой.

«Пусти меня, отдай меня, Воронеж:

Уронишь ты меня иль проворонишь,

Ты выронишь меня или вернешь, -

Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, но...»

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. И опять эти вороны передо мной, «воронки»...

ТЕНИ ЗА СПИНОЙ, СЕЮЩИЕ СТРАХ. Ты как ссыльный поэт Октавиан Август. Тот все свой Рим вспоминал, сосланным был в места приодесские, в северных был причерноморских местах.

«Наушники, наушники мои!

Попомню я воронежские ночи:

Недопитого голоса Аи

И в помощь с Красной площади гудочки».

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ (*превозмогая страхи*).

Идем же, Осип! Идем, поэт, в Воронеж! Присмотрим местечко себе, своему памятнику, там же где-нибудь – на том же «перспекте».

«Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Чуб шевелящихся отнять вы не могли».

«И все же, все же, вот оно-то место! Нашел его, где буду я сидеть.

Я около Колокольцова,
Как сокол, закольцован.
И нет во мне гонца,
И дом мой без крыльца.

К ноге мой привязан
Сосновый синий бор.
Как вестник без указа,
Распахнут кругозор.

В степи кочуют кочки,
И все идут, идут
Ночлеги, ночи, ночки,
Как бы слепых везут».

АВТОР. Страх новой ссылки, предчувствие Магадана, такие в его имени страхи, опять они ведут Октавиана в пространства около Кургана. В скифские эти степные места, к Азовушке, выглядывающей из мира поэзии, из недр Азов-горы.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Одиночество нужно поэту, но оно не съедает его. Хоть бы кто-нибудь из прежних друзей предстал пред очами моими. И вот весть приходит от Анны Ахматовой. В сердце стучит ее суровый «Реквием».

Анне Ахматовой

Вы хотите быть игрушечной,
Но испорчен Ваш завод.
К Вам никто на выстрел пушечный
Без стихов не подойдет».

И вот ей такие стихи:
«Для радости рисунка непреложной, –
Я воздух расчертил на хитрые узлы
И осторожно и тревожно».

АВТОР. И дурные предчувствия не обманули поэта. В Магадане уже ждал его Вадим Козин со своими «Зелеными глазами», пропетыми в последний раз. Полные чувств неистраченной души, поэты слились в экстазе. Поэт следил за Воронежем, Воронеж следил за поэтом.

Картина третья

АВТОР. За воплощением концепции «ежовые рукавицы» стояло одно и то же лицо под именем, близким к именам Мандельштама и Белинского, вместе взятых. Осип попал из Воронежа в Магадан. Автор этих строк менее, чем в трехлетнем возрасте, из того же Воронежа оказался в Малом городе – Малоархангельске, что на юге Орловщины.

Посмотрим, как Азовушка в Стране Велесовых чудес старалась вызволить меня, Автора, как будто самого Велеса, из подземного царства, от самого Вия.

АЗОВУШКА – мифическая девушка, нимфа, поэтический образ. Азов – крепость где-то на Азовской море, это не просто слово такое, а – зов. Вечный Зов Бога к Счастью, Любви.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Извечно русичей связывали друг с другом реки, речные пути. Азовушка сделала так, что Автор попал в Малый город – Малоархангельск, в такие места, откуда до его малой родины – до Воронежа – можно добраться речной дорогой без пересадок, то бишь по старинному – «волоками».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Представим себе диалог Автора со своим поэтическим образом.

АВТОР. Азовушка, поговорим с тобой, милая, поговорим по душам? Это ты сделала так, что волей судьбы, очутившись тут, в Малом городе, я оказался всего в нескольких километрах от реки Сосны. Пройдешь к ней, сядешь в лодку и можешь добраться водой до Воронежа, так?

АЗОВУШКА. Да, это я подыскала тебе это местечко в степи. Пройдешь тут до Губкино, где ты работал когда-то учителем, и вот ты уже у реки. А река Сосна, родившись тут, в Верхососенье, переходит за городом Ливны в Тихую Сосну, а Тихая Сосна – правый приток Дона Иваныча, а чуть выше Дона – левый его приток река Воронеж, на котором и стоит твой город Воронеж, где ты родился...

АВТОР. В 24 часа мы с матерью вылетели из него тогда в никуда. Спасибо нас приютил этот Маленький городок. В грезах я не раз возвращался обратно туда, в Воронеж, водным путем. Если сухопутным путем нам с матерью (мне тогда не было и трех) нам было тогда не попасть, путь отрезан. И это тоже все сказки, все чудеса того времени...

АЗОВУШКА. Да, сказки. Но злые сказки и чудеса, которые я превращала в добрые.

АВТОР. А я хотел превращать те сказки в добро. С помощью Слова. В Луковце тут, где я когда-то работал учителем, на Сосне-реке есть гора такая с родником. Чудо такое. Святая вода. Высоко-высоко. Никто не знает, как она попала туда. А я знаю – это, Азовушка, ты, это твое волшебство. Святой колодец называется Девятой пятницей. Отсюда видать далеко-далеко, до Дона, до самого Азовского моря.

Вот я и написал про все это. Да еще и воспел, положил слова на музыку. Нам, таким авторам, невозможно говорить неправду. Правда у нас должна быть только доброй, вдохновляющей, бодрой. Конечно, у авторов, должна быть и Совесть...

Однако тут был царь Одиссей, когда приезжал из своей Итаки за хлебом. И совсем недавно, 2 октября 2009 года, нанес визит Президент Дмитрий Медведев, заинтригованный, очевидно, еще и тем, что рядом с Девятой пятницей есть еще и деревня Медведево... В общем, все это я как автор взял и сверсифицировал, и вот что у меня получилось...

Девятая пятница
(певчие стихи)

Видите чудо? Родник на горе. Девятая пятница.
Над Сосной-рекой высоко, высоко.
Время вроде назад тут пятится
И уходит к Дону – в эхо веков.

Чудо! Подземные воды, днище
От Андреевского колодца. И –
Дайменка – речка, где-то там городище,
Тарашится снизу ввысь.

- Ну-ка получше взглядишь:
Чаша не перельется ли?
Ну, конечно, тут с веслом своим
Бывал царь Одиссей.

Ковыли! Степь волнуется, до Азова бежит.
Время-то пятится по пятницам.
Плоско-то тут, как у египетских пирамид.
Голос в небо летит, летит.

Певчее место, сокральному тесно.
Дома, дымы, боги да мы.
Солнце в глаза да поля, поля –
Хлеб скифский, сколотская земля.

Сеять-то сей, фарисей! Сеять-то сей!
Из родника пей. мимо не пронеси!
Русское не обегай! Русское оберегай!
Красоте, высоте служи, святой Руси!
Родине, Родине, присягай!
Родине присягай!

* * *

ГОЛОС ИЗ ВОРОНЕЖА. Слышим, слышим тебя! Не забыли. В культурно-историческую энциклопедию включили тебя, внесли твое имя. Отголоски твои звучат у нас тут по всей степи, замирают у скифских курганов.

АВТОР. Свое вам, что ль, спеть? Или воронежское напомнить? Мать моя была когда-то солисткой в деревенском хоре Пятницкого, от которого пошли по России народные хоры. В этом году и хору тому, и матери моей по сто лет...

АЗОВУШКА (*встряв в разговор*). Вот, тут она, пятница.

АВТОР (*продолжая*). Мать моя ездила как-то со мной недавно туда – в свою Таловую, в институт имени Докучаева, в хутор Хорольский. Вот такие стихи поэта-воронежца Анатолия Жигулина слышу я, вспоминая:

Приехала мать из Воронежа,
Из милой моей стороны...

Нет, и другое припоминается, перебивая первое:

Опять я подумал о Родине,
Где стынет в росе лебеда.
Где в старой замшелой колодине
С утра холодеет звезда.
Там черные тени в дубраве
И белый над берегом сад.
И можно не думать о славе
И слушать, как листья летят.
Там речка прозрачна, как детство.
Там рыжим кустам камыша,
Наверное, точно известно,
Бессмертна ли наша душа.

АЗОВУШКА (*Автору*). Почему хоть ты Анатолия Жигулина вспомнил? Есть еще и Алексей Прасолов.

АВТОР (*иронично*). Судьба у нас с Жигулиным такова,
Какова она есть,
И больше никакова.

Кстати, о детстве. Жигулину хоть было что вспомнить о своем детстве: «прозрачна речки, детские сны...» А мне? А у меня

все тут уже: речка - Сосна, этот Дон и та речка Воронеж, соединяющая эти и те берега...

АЗОВУШКА. Мог бы вспомнить и Бунина. Ведь только вы с ним родились в Воронеже, а считаетесь писателями-орловцами, не так ли?

АВТОР. Спрашивают, что, по-моему, лучшее из написанного Буниным? Отвечаю обычно: перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло. Но есть одно стихотвореньице, запавшее в душу. О вершине, куда судьба забрасывает поэта. Что попал туда и расписался стилетом на льду... лишь для того, кто на вершине...»

АЗОВУШКА. Свое прочитай... Тоже чтоб с воронежским отголоском...

АВТОР. Отголоски, как вериги на шее. Несу их всю жизнь, до сих пор бьют по судьбе...

АЗОВУШКА. Читай же, читай.

АВТОР. Азовушка! Ты Велеса, попавшего к Вию в подземное царство, обратила в меня. Странно, что мы с ним выбрались к людям, на свет божий, к Солнцу.

«Черная вуаль» (Моя авторская песня)

«Уж не зальется Россия гармониями.
Где-то по-дикому кычет сова.
Все прокутили мы, все проворонили,
Опустошили святые слова.

Было ль бывшее? Мы жили иль не жили?
В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией нежили,
Как на сплошной попадались обман.

Как нас на Север свозили вагонами,
Как по теплушкам сгорали до тла...
Вот за такими стальными прогонами
Дама пиковая вкось и легла.

Так и останусь, наверное, в меченых,
На ночь опять же разводят мосты.
Снова калечат уже покалеченных,
Кто-то в Париж, а кого-то в Кресты.

Силы небесные душу рисковую
Розгами молний сект пополам.
Синими брызгами даму пиковую –
Вас, как в шампанском, купают мадам!

Круглая, круглая – от постороннего
Черной вуалью укрыта луна.
Все прокутили мы, все проворонили,
А ведь Россия, простите, одна».

АВТОР. И, резко запрокинув голову,
Смотрю на Родину от звезд.

Азов-Азовушка и Девятая пятница – воды, бегущие к морю.
*19 августа 2011 г.,
Преображение – Медово-Яблочный Спас,
г. Малоархангельск*

СКАЗАНИЕ О СУРЬЕ (в рассказах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РАЙСКИЕ КУЩИ. ПЕРВЫЕ БОГИ И ЛЮДИ.

БОГИНЯ ЛАДА – владевшая тайной приготовления хмельного напитка сурьи.

КВАСУРА – бог виноделия, веселья и хмеля.

БОГУМИР – первый из людей, испивший сурью – хмельной напиток из меда (медовуху)

РАЙСКИЕ КУЩИ. НАШИ ДНИ И НАШИ СОВРЕМЕННОСТИ.

АВТОР, ОН ЖЕ.
ЛЕОНАРД – владетель усадьбы.
ЕГО ДРУЗЬЯ – КУЗЬМИЧИ:
ДЕНИСОВ АЛЕКСАНДР,
МОЗЖУХИН НИКОЛАЙ,
РОМАНЧИКОВ ВИТАЛИЙ и их
ЛАДЫ – уважаемые супруги:
Людмила,
Елена,
Полина.

После медового Спаса следует Преображение – Яблочный Спас. Действие происходит в Малом городе – Малоархангельске, в моем гефсиманском саду.

Яблочный Спас

Тук – тук – тук, тук – тук – тук,
Тук – тук – тук – тук.
Яблоки падают, падают сами.
Где-то поблизости дятел стучит.
Малоархангельск живет голосами,
Материн сад в моем сердце звучит.
Звуки немеряны. Звезды бездонны, -
Преображаются в Яблочный Спас.
Где-то в Осетии падают бомбы.
Что же ты, Спас, тишину там не спас?
Ежик по яблоку носит, по ноте
В песню про август, про Яблочный Спас.
Век двадцать первый. Весь мир мироточит,
Преображенными делает нас.
Яблоки, яблоки падают в осень.
Трель мимолетную дятел строчит.
В Малоархангельске с облака впросинь
Песня дождя все смелее звучит.
Тук – тук – тук, тук – тук – тук,
Тук – тук – тук – тук.

Славянский мир

«Бог виноделия Квасура получил тайну приготовления солнечного напитка сурьи от богини Лады. Лада, придя к Квасуре, повелела ему вылить мед в воду и осушивать его на Солнце. Потом Квасура передал эту тайну прародителю славян Богомиру – первому из людей, совершившему жертвоприношение сурьей».

(Из книги «Златая цепь»)

И откуда же богиня Лада узнала тайну приготовления солнечного напитка сурьи и что такое сурья?

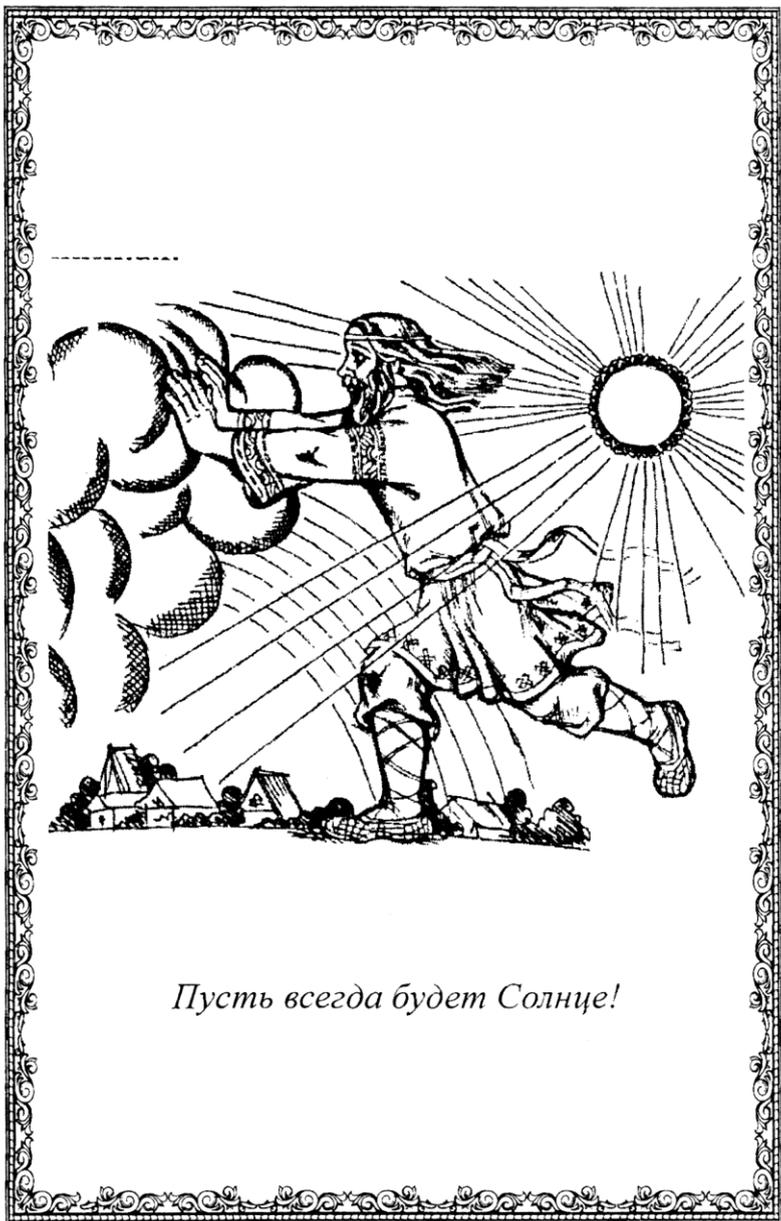
Перескажем то, что было прочитано мной об этом в «Велесовой книге» того же автора Александра Асова.

«Велесова книга» – это древние тексты на деревянных дощечках, обнаруженные во время гражданской войны XX века где-то в серединной Руси. Тексты эти тщательно скрывались, вполне возможно, светской и даже религиозной властью. Но в период общественной перетряски они всплыли на поверхность и привлекли внимание литератора – автора смелых оригинальных поэтических воззрений на природу и человека.

Семьдесят с лишним деревянных дощечек с непонятным текстом, типа клинописи шумеров, наконец, расшифровано пытливым умом славяниста.

Сказание о сурье из седых, изначальных веков, гласит: в местах, где некогда жили наши предки славяне, люди добывали себе пропитание в лесах – охотой, в реках – рыбной ловлей, на деревьях – ульи были, бортничество. Не было еще в помине ни хлеба, ни каши, ни картошки. Основу пищи составляли мясо, рыба, пчелиный мед. Однажды, пресытись, человек недоел мед и прямо в сотах оставил его на Солнце, под палящими лучами.

Мед пролежал какое-то время, солнце сделало свое дело. Мед дозрел, видимо, забродил. Когда человек отведал такого меда, он почувствовал, как что-то ударило ему в голову. Необъяснимая легкость, веселье завладели всем его существом. Это был

Пусть всегда будет Солнце!

хмель, человек опьянел от такого меда. Люди после сами стали делать из меда солнечный напиток, поняв, что совершили одно из величайших открытий в своей истории. И назвали этот напиток сурьей. Мы теперь зовем его медовухой.

Потом люди научились делать кое-что и покрепче, например, водку. Первыми водку приготовили бедуины-арабы, для своих путешествий по знойной аравийской пустыне. К нам на Русь, в средние века, ее привезли с испанского острова Майорки генуэзцы. На берегах Крыма находились тогда генуэзские и греческие поселения. Сюда наши предки с Севера везли хлеб, отсюда к себе на Север увозили крепкий арабский напиток. Этим напитком затем заменили сурью – медовуху.

Такие мифы, легенды, сказания на этот счет не сходят с языка. Греки пили виноградное вино, вдвое разбавляя его водой. Русичи стали пить арабский напиток вдвое крепче своей сурьи-медовухи.

Рассказ первый

ГОЛОС АВТОРА. Действие происходит там же, в Малом городе - Малоархангельске, в том же моем материнском саду, который я теперь называю «райскими кущами». А прежде, лет пять назад, это был просто сад. Простой стол под яблоней, первый мой юбилей. И пришли сюда ко мне трое друзей, и все, представьте себе, Кузьмичи: Александр Кузьмич, Николай Кузьмич и Виталий Кузьмич.

Странно, не правда ли? Я приготовил им не менее странный напиток орловской крепости под названием опять-таки не менее странным: «Кузьмич». Помню, попалась где-то мне такая бутылка, я хранил ее полгода для своих Кузьмичей. Но Николай Кузьмич привез из Белгорода пузырь такой же консистенции. Только вдвое большей вместимости и в юбилейном оформлении. Этикетка содержала в себе даже тосты в стихах.

Леонард приглашает друзей с женами в свой гефсиманский сад, к столу под широкой яблоней.

ЛЕОНАРД (меняя голос Автора на свой собственный). Прощу каждого из Кузьмичей, в качестве тоста, естественно, за

юбиляра, провозгласить историю, связанную с сурьей. Но это не обязательно. Главное – за рассказ кому какое место достанется. Итак, кто первый?.. Ах, по алфавиту? Ну, хорошо, давайте по алфавиту. Вы – Денисов Александр Кузьмич?

Нет, начнем с Виталия? Ладно, с Виталия, так с Виталия. Итак, ты – «Дольче вита»...

ГОЛОС АВТОРА. Ну, и какая же у тебя, Виталий Кузьмич, была «сладкая жизнь», например, в председателях? Ты был главой сельхозкооператива, кажется, в здешней Каменке?

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. Везде бывал, поработал на своем поприще аграрием. Не манна с неба сыпалась, всяко бывало... Что самое яркое, связанное с этой самой сурьей? Пожалуй, вот что...

Какое сегодня число? 19 августа. Все только и долдонят: Преображение, Яблочный Спас... Господь явился к людям преображенным, в белых одеждах. Патриарх Кирилл служил сегодня в Храме Христа Спасителя... А почему, скажите, вечером назначен по телевизору балет «Лебединое озеро»? Ведь пятница сегодня, а не воскресенье, когда обычно передают оперу или балет, почему?

АЛЕКСАНДР КУЗЬМИЧ. У Бэлзы спроси, он – автор телепередачи, так сказать, Президент оперно-балетного клуба.

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. Так вот. Сегодня еще один юбилей: 20-летие ГКЧП. Помните, 19 августа 1991 года весь день с утра по телевизору показывали «Лебединое озеро»?.. После того Советский Союз и пошел под уклон, пока совсем не развалился. С Нового года вместо красного флага над Кремлем подняли уже «триколер» – трехцветный государственный...

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ. Помним, помним. Но при чем тут сурья - медовуха? Наливайте, наливайте себе по стопарику из юбилейной бутылки.

ЛЕОНАРД-ЮБИЛЯР. А себе?

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ. А я подожду.

ВСЕ ДРУЖНО. А почему, почему?

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ. Потом расскажу, когда слово дадите... Ну, так что там у нас, Виталий Кузьмич, ближе к теме? К

сурье – медовухе? Ближе к Горбачеву, к его «полусухому» закону, да?

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. Все говорят: Горбачев развалил Советский Союз, Горбачев! А чем именно, какими средствами?

АЛЕКСАНДР ДЕНИСОВ. Сказали сегодня по телевизору. Люди во главе с Крючковым, дескать, за этим делом стояли. Еще когда такие люди начали подбираться к реформам... На Америку намекнули.

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. Да бросьте вы! Все это трепатня. Развалил Советский Союз русский мужик.

ЛЕОНАРД – ЮБИЛЯР (*вспыхнув от неожиданности*). Это каким же образом, Виталий Кузьмич? ... Дольче витой?..

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. Не образом, а глоткой широкой! Если точнее, то не только, конечно, русский мужик, но и вообще советский мужик, если точнее...

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Как это, как это, как это? Мужики! Как это, а?

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. Сперва власть пить мужика приучила. Пей да пей. Соображай на троих. По пять рублей в борозде победителю, по пять капель из соски. Сперва соску дали, а потом отняли. Да конь же стойло копытами расшибет...

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Помните? А сам Горбачев пил в то время молоко на трибуне.

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ (*со смешочком*). Да подливали, подливали ему туда молочка от бешеной коровки. Чтобы он в стойле смирно стоял...

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. В городе на одной улице есть в магазине «коленвал» или «андроповка», а на другой улице - шаром покати. Вот и бегают мужики, бывало, по городу рыщут...

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. А у нас на селе своя специфика. День продают, два дня погоди. А то еще что: продают не в магазине, а где-нибудь в трущобе: на складе, у туалета... Боже, деньги берут большие, а унижают, за человека тебя не считают...

ЛЕОНАРД. Я же говорил, наш мужик терпит-терпит, а потом как поперет... Наш человек униженья не терпит... Ельцын в Беловежской пуще за спиной Горбачева хотел власть прибрать

к рукам окончательно, пригласил украинца и белоруса, а те не пошли на согласие, сдрейфили, а то бы Союз был бы цел...

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. А у нас, у аграриев, солидарность. Тут, в Орловской области, продают родимую, так из Поньрей Курской области прут сюда на машинах с углем, на мотоциклах. даже на комбайнах прямо с уборочной... Вот так... А потом мы к ним за пивом...

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. А потом всю эту симфонию отменили, карточками заменили. Нате вам в месяц по две бутылки на рыло. Даже старушкам, даже подросткам.

АЛЕКСАНДР ДЕНИСОВ. Так старушкам бутылка-то нужна была позарез даже больше, может, чем кому-то другому. Никого, бывало, не дозовешься без бутылки-то ни окна вставить, ни угля привезти... Бутылка – разменная монета, бутылка валютой стала... В результате пить на Руси вдвое больше стали...

ЛЕОНАРД. Эко, Кузьмич, Виталий Кузьмич, ты какие глыбы-то приподнял. А зачем? Я еще тогда думал, что русский мужик, оскорбься, стойло копытами, как конь, расшибет. Но чтоб до такого дойти: Союз развалить! Достукаться до ГКЧП – это даже в дурном сне не снилось...

АЛЕКСАНДР ДЕНИСОВ (*Виталию*). Да, действительно. Интересно, зачем ты, Кузьмич, нам все это напомнил, а мы все это слушаем? (*Леонарду*). А ты все на ус мотаешь, да в книжку... да еще для детей, в детскую книжку...

ЛЕОНАРД (*обидясь*). Так что для детей не надо, что ль, правды?.. Чтоб не знали, как было? Да дети есть лоцманы жизни, путеводители отцов, иные поумнее взрослых... В нашем детстве Сергея Есенина, например, в школе не проходили. В четвертом классе я лично прочитал его и задохнулся от чувств... Стал стихи писать тоже...

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. А мой отец рассказывал, на фронте, бывало, за стихи Есенина смершевцы тебя в штрафбат...

АЛЕКСАНДР ДЕНИСОВ (*раздраженно*). Да бросьте вы! Не обобщайте, не обобщайте!

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. И какой же голос у тебя противный, какой-то, как проваленный в яму. А еще в начальстве был,

в среднем районном звене... Тебе одному было, наверное, и хорошо... «Пьяный» бюджет в районе, помните? Пригонят, бывало, вагон водки на станцию - на другой день закрыты все проблемы по зарплате... И снова все пьют и хвалят такую власть, какая нам заснуть не даст(ь)...

АЛЕКСАНДР КУЗЬМИЧ. Не обобщай, парень! Не суй фрагменты в экскременты... В детскую книгу зачем все это?

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ. Да сейчас уже паспорта в шестнадцать лет дают, а замуж, например, на Украине, выходят в пятнадцать.

ГОЛОС АВТОРА. Так в рассказе этом на тему, предусмотренную агрономом Романчиковым, Кузьмич с Леонардом ни к чему и не подъехали. Перешли ко второму вопросу. Вернее, по очереди, подошли ко второму Кузьмичу – к Мозжухину.

– Николай Кузьмич, наливай!

– Сколько стоит? – Выливай.

Рассказ второй

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ МОЗЖУХИН – кадровый военный, даже полковник в отставке, внес вначале свое мнение на всеобщее обозрение:

– Категорически возражаю, чтобы детям сужать кругозор. У меня, например, в 43-м году, после битвы на Орловско-Курской дуге, был свой собственный автомат «ППШ» («пистолет-пулемет Шпагина»). С круглым диском, и это восьми лет отроду. А у тебя, Леонард?

ЛЕОНАРД. А у меня столько же лет отроду – ручной пулемет Дегтярева. В блиндаже подобрал.

АЛЕКСАНДР КУЗЬМИЧ (*иронично*). А у меня – самолет.

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ. Не трепись, ну зачем врать-то? То, что можно сейчас, тогда было невозможно. Например, владеть даже лошастью. Тогда было все у нас го – су – дарственное.

ЛЕОНАРД. Так! Николай Кузьмич, не увливай, не уходи в бок от главного, стратегического направления. Рассказывай, что у тебя там за пазухой про сурью... или как там ее – про

медовуху? Ну, в общем, что-нибудь такое, выдающееся, поучительное... что связано с градусами... с напитком этой арабской консистенции...

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Господи! Вот вцепились в темочку. Да я давно уже завязал, забыл, когда и пробку нюхал.

ВИТАЛИЙ РОМАНЧИКОВ. А бутылку юбиляру привез. И какую выбрал! Это надо быть в курсе, от жизни не отставать. А ну, что тут? На этикетке. Так. Молодой человек в черном костюмчике, галстук – бабочка, при цветах.

И что написано? «На все случаи жизни. Кузьмич идет в гости. Тосты.

За милых дам.

Чтобы потребности дружили с возможностями.

За руль, что остался в гараже.

Чтоб жена не дозвонилась.

За щедрых хозяев и сытых гостей».

ЛЕОНАРД-ЮБИЛЯР (*Николаю*). Кузьмич! Ну, и все-таки что ты хотел поведать нам на вышеозначенную тему?

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Я – про жизнь все, про узкие места, про действительность. Помнишь, Леонард? Я в первое время приезжал в Орел к тебе с голубыми погонами, в летной форме?

ЛЕОНАРД. Помню, еще бы. Капитаном ты был тогда.

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. После военного училища строил в Паневежисе, где-то под Ригой, аэродром. К сожалению.

ЛЕОНАРД. Почему к сожалению?

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Да потому, что с него, говорят, взлетает теперь кто угодно... говорят, даже американцы...

ЛЕОНАРД. Там в театре Банионис работал и, кажется, Вия Артмане.

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. А то приехал я к тебе уж в малиновых погонах, и на них щит и меч, помнишь? Это я уж военным юристом был, учился заочно в университете, на юридическом в Вильнюсе.

ЛЕОНАРД. Ну и что?

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. А то, что работал военным юристом, а прежние навыки-то остались. От строителя, как мы с

тобой трамвайные рельсы укладывали в Орле – всю ночь вкалывали на улице Пушкина, помнишь?

АЛЕКСАНДР ДЕНИСОВ. И к чему тут трамвай и трамвайные рельсы?

НИКОЛАЙ МАЗЖУХИН. Вот как раз к теме и подобрались. Да, Леонардо?

ЛЕОНАРД – ЮБИЛЯР. Подобрались к теме. Молодые были мы тогда, давно не виделись. Встретились и – в ресторан. «Цон» назывался тот ресторан, за городом, в лесу, в сторону Орловской Знаменки. Там начали, оттуда на попутном грузовике, полном морковки, прикатили к ресторану «Орел». Изрядно, конечно, поддатые, так?.. Вот к теме мы и подошли...

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ. Морковки набили полные карманы. В общем, из ресторана «Орел» мы вышли уже в первом часу ночи. Домой идти, а тут, в начале улицы Пушкина, яркое освещение. Рабочие пути ремонтируют... Так, Леонардо?

ЛЕОНАРД. Так, пан, так. Сложил ты кителек свой аккуратненько на полотно... Кайло в зубы и давай намахивать. И я за тобой. Рабочие, в основном женщины, смеются: «Да хватит, хватит вам, мужики! Поработали, и в люлю, домой пора». А мы – до утра. Они после наряд нам выписали, деньжонки начислили... Вот смеялись...

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Молодой был, выпить был не дурак. В художественной самодеятельности конференсье... О годах не думалось, о болезнях тоже. Помните, Кузьмичи? Помнишь, Леонард? Брата моего младшего Валеру?

ВСЕ ДРУЖНО. А как же! Еще бы! Тоже был конференсье.

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Это все знают тут, по всему Малоархангельску. Да не знают, что с ним потом случилось, когда вслед за женой он уехал под Орел, в Орловскую Знаменку.

ВСЕ ДРУЖНО. Ну, и что с ним стряслось?

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Диабетом заболел. Но пить не бросил. Думал, так это все, шуточки. А тут кома, и все. Летальный конец... Вот какая назидательная выходит история молодому поколению. Ну, а мне, его старшему брату, тем более! Во-первых, проверил себя – тоже, оказывается, диабет, на-

следственный, от отца. И тоже ведь выживаю, как и Валерка. И тоже однажды кома случилась, едва концы не отдал. Вот тут-то со мной и произошел настоящий переворот... Видите, каким я стал? Совсем другим человеком...

ЛЕОНАРД. Коля, Николай Кузьмич! В самом деле, такой забудыга был. Как, бывало, приедешь в отпуск, обычно осенью, так, бывало, весь Малоархангельск облазишь. Хоть грязь по пояс, хоть снег, темень ночная – в подпитии море по колено... Шуточки плоские, юмор солдатский... А теперь тебя не узнать – прямо-таки дворянин какой-то, офицер царской армии.

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ. Так, пан, так. Ё – моё. Попади в моё – в такой переплет, узнаешь, что это такое. На глаза дало осложнение – глаукома, операцию сделали. На печень дало, на желудок... Операция за операцией. С применением зонда. Лежу и вижу весь желудок свой изнутри на экране. Редчайшие манипуляции, четыре часа делали, собрались научные светила... Боже мой, чего я только не пережил... А сахар постоянно на пределе, давление тоже... Восемнадцать лет, и все диабет. И все один врач, женщина. Она мне систему для организма отладила.

КУЗЬМИЧ. Как говорится, двухпартийную. Два направления в борьбе за жизнь, за здоровье: материальное и идеальное, это моменты настроения. Все в тебе всегда должно быть на высоте. Оптимизм. Формула: «Плюс 24».

ЛЕОНАРД. Что это, Кузьмич, «Плюс 24»?

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ. Сколько мне сейчас? 76. Сколько доста? 24. Понял, Михалыч? И держись такой жизненной позиции. Не унываю. На даче работаю, но в меру. Не голодая – ем четко по графику. Песни пою...

ВСЕ ДРУЖНО. Слушай, Кузьмич! Да ты герой!

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ. Поставит к яме тебя, станешь героем.

ЛЕОНАРД. Ну и как насчет напитка арабской консистенции, вечного огня внутреннего содержания?

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Чего нет, того нет. Это точно. Точнее не бывает.

ЛЕОНАРД (*обращаясь к двум другим Кузьмичам*). Слышали ль вы? Вот что значит военный, офицер!.. Хорош, очень даже по

теме, рассказ. Каков пример молодым, а? Ну и какие, Кузьмич, ты песни поешь?

НИКОЛАЙ МОЗЖУХИН. Всякие, народные люблю. За-стольные в голове застряли, так и сидят. Но чаще всего пою, Михалыч, одну песню твою. Из книжки, что ты подарил мне; приходит на ум, когда подопрет, бывает, стоишь на краю. Мерещится цифра эта «24», а слова твои – «Одинокая дача».

Твоя песня из электрички. Из романа в стихах «Арсений Чи-гринев». Показать? Хотите спою?

ВСЕ ДРУЖНО. Пой, Николай, Кузьмич, пой. А мы подпоем.

ГОЛОС АВТОРА. И запели все вместе в моем гефсиманском саду эту, на их взгляд, трезвую песню, несмотря на то, что в ней были слова, про напиток арабской консистенции, домашнего содержания.

«Дача моя, дача, ты моя удача,
Солнце закатилось в топотах коня.
Отшумела молодость, старость обознача.
Только и осталась ты, дача, у меня.

Выхожу я из дому, мчусь на электричке
Из большого города, мрака этажей.
Воля моя, волюшка. Степь зажгу от спички.
Выгоню да самогоночки – своейской, посвежей.

Русь гуляет прежняя, Русь страдает – окает.
Русь гуляет – матушка, годы за спиной.
Воля моя, волюшка! Дача одинокая,
Степь моя раздольная, ветерок хмельной».

Рассказ третий

ГОЛОС АВТОРА. И все, конечно, зауважали Николая Кузь-мича за силу жизни, за житейский бытовой героизм, за неис-сякаемый дух веселья, который, оказывается, можно творить в себе и без всякого хмеля.

– Да здравствует лоза виноградная! – запомнилось всем нам в моем гефсиманской саду из всего того, что было рассказано

Николаем Мозжухиным. Все мы вошли в смысл всего, что последовало после за дальнейшими словами его. А последовало вот что.

– Я рашу виноград «изабелла» двадцати шести сортов из пятидесяти шести чубуков. Но не для вина – сурьи виноградной, не для питья своего, не для глотки, бывало, непросыхающей. А для чего же? Не для собирания средств для крова над головой и других возможностей для жития, а для других людей. Чтобы раздавать виноград людям. Всем страждующим на Земле, чтобы радость познали, веселье, чтобы, как могли, сами бы обустроивали свою жизнь. Такая моя философия-я-я...

Братцы! Вот за что, оказывается, зауважали люди, друзья мои – Кузьмичи, да и я сам друга нашего ближайшего Николая Мозжухина. Так захотелось мне вдруг помочь ему, чтобы концепция его «Плюс 24» осуществилась. Уж и не знаю еще чем и помочь-то, кроме как этим своим природным, данным мне свыше, человеческим Словом, которое я в этот час посылаю ему. И я, может быть, когда-либо воссоединюсь с ним, с его концепцией «Плюс 24». Не в тягость, а в Радость себе и людям. И все это во имя Любви.

Радость и Любовь, Любовь и Радость.

С такими словами и приступили все мы к слушанию третьего рассказа из уст еще одного КУЗЬМИЧА – АЛЕКСАНДРА ДЕНИСОВА, даже фамилией своей очень близкого, как мне кажется, к греческому богу вина и веселья Дионисия. Итак, говори, Александр Кузьмич, что там у тебя интересного есть по теме – о боге Квасура и его напитке сурье орловской крепости, арабского происхождения.

Рассказ о корове

И начал Александр Кузьмич так:

– Ходила, ходила корова по небу, по звездному поясу да и спустилась на Землю. Пошла со мной и с матерью моей Марией Захаровной по нашей грешной земле.

Тогда, в том веке, в году сорок третьем, когда освободили наш Малоархангельск в жестокой битве на Орловско-Курской дуге, у нас тут ничего для житья не осталось. Все прахом взяло – ни кола, ни двора. Война прошла. И отец где-то на войне. Может, жив еще, а может, унесло его, он погиб?

И решили мы на семейном совете так. Бабушка с шестилетней Маиной тут, на корню, останутся, а мы с матерью пойдем туда, на тоже уже освобожденную Украину. В те места, где мы жили и откуда ушли, оставив соседям свою корову. Вот туда мы и пошли за коровой. Чтобы привести ее сюда, и чтоб мы потом тут не пропали с голоду...

И двинули мы с Марией Захаровной – матерью моей – по пепелищем войны. Туда – еще как-то ехали на поездах. А оттуда – пешком. Сами шли и корову вели... Помнишь, Леонард, я в сентябре в школу-то не явился?

ЛЕОНАРД. Да помню, помню, конечно. Ты пришел в школу аж где-то в конце октября.

АЛЕКСАНДР ДЕНИСОВ. Ну да, в конце октября сорок третьего. Так вот, бредем мы втроем по пепелищам, по разбитой войной Украине: мать моя, я и корова наша Маруся... Сначала идти было еще ничего. Повесили мы узелок с едой на рога корове и бредем километр за километром по разбитым танковыми гусеницами дорогам, по сожженной земле. Село за селом, город за городом, область за областью...

В кровь уже сбиты ноги, тело все аж почернело, как обуглилось. С утра невозможно подняться, но потом ничего, раскachaешься как-то и идешь, и идешь, и идешь. Вслед за коровой и матерью. В особо тяжкие моменты мать меня на спину корове сажала. Посидишь маленько на корове, как на верблюде или на слоне, послушаешь, как корова в поводу у мамки тяжело вздыхает. Глянешь вниз: копыта у коровы разлаты, как бы стелятся по пыли, да и с коровы вниз. Опять идешь...

ЛЕОНАРД. Мы тут с дедушкой в Луковец в то время ходили. Всего двадцать километров от города. Помню, первых километров тринадцать, до Губкино, еще ничего. А как дойдешь до амбара, что в Плещеево стоял возле дороги, так после отдыха

от амбара спины уже не оторвать... Клещами, бывало, не отдерешь себя...

АЛЕКСАНДР КУЗЬМИЧ. Слава богу, было чем кормить корову: остатки жнивья да бурьян придорожный... Мамка иной раз доила корову. Молока почти не было, а какое было – так горькое, а то даже соленое... от крови... Ноги у меня были в каких-то опорках. Куски от резиновых балонов притянуты проволокой. А в конце пути я уже шел босиком... Да-а, пришли мы, наконец-то, привели в свою Репьевку корову... Пошел я в школу, в свой первый класс... А через два месяца в больницу отвезли, попал туда на полгода. Заикался после, наверно, лет пять...

ЛЕОНАРД. Помню, помню. Такие-то сказки – Велесовы чудеса. Приду к вам, бывало, а мать твоя, тетя Маруся, нальет мне молочка, а оно или горькое или безвкусное... После я такие стихи, Кузьмич, про тебя написал.

Ехала телега по войне,
А по пепелищам шла корова.
С матерью пацан по всей стране
Вел ее, не говоря ни слова.

Уж две тыщи верст брел по разбитой
Украине... Пей судьбу до дна!
Сбиты и истресканы копыта,
В кровь следы и ноги пацана.

Он пришел в наш класс лишь в октябре.
Черный весь, волчонок, как Тарзан.
Так-то доставалось в той поре
Детям из военных мелодрам.

И, когда к дружку я забегал.
Мать мне наливала молочка.
Губы я степенно обтирал
И дружил, и уважал Санька.

А теперь и он уехал к дочке.
Вот у тетя Марусиной могилки
Досыхают бедные цветочки...
Прокисает молоко в бутылке...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Через много веков и тысячелетий славяне построили близ Днепра великий город Голунь. Голунь захватили греки, которых привел сюда их вождь. Ему покровительствовал сам греческий бог виноделия Дионис. Память об этом путешествии Диониса сохранилась и в греческом мифе о Дионисе, и в русской былине о Вавиле. Когда греки, ведомые Дионисом, вошли в Голунь, славянский бог веселья и хмеля Квасура решил освободить свою землю с помощью песни. Квасура нашел Вавилу, пахавшего поля, и чудесным образом обучил его играть на поющих струнах «гудочка».

И Квасура ему произнес свое заклинание: «Заиграй, заиграй, Вавила, во гудочек! Под твой звончатый переладец люди пойдут по Земле-матушке победителями. И встречать будут тебя почтительно птицы, животные всякие, растения и стихии земные. И уйдут злые силы Вия отсюда, и Вавила многострадальный сядет в городе Голуни на трон. И оживут поля снова и зацветут сады под чудесные песни Вавилы.

Поле родное, поле!
О русское поле!»

*Из книги «Златая цепь».
Август – 2011, г. Малоархангельск.*

«МНОГО ПЕСЕН ПРО ВОЛГУ...»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Реки волшебные, реки-красавицы,
Русские реки мои.

Ра – река – великая Волга,
Ока – Пояс Богородицы,
Кама – бывшая Волга с Урала.

* * *

Наши современники – уроженцы тех рек.
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – с Оки,
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ – из Саратова на Волге,
А также ВАСЮТИН, ИЛЬИН – начальники по сельскому хозяйству соседних районов, с истоков Оки и Тихой Сосны.
АВТОР – от реки Сосны, впадающей в Дон.

«Когда Бог Ра состарился, он сказал Небесной Корове: «Я живу, только сердце устало. Подыми меня ввысь на рогах, стану я небесной рекой, Ра-рекой меня назовут». И потек Бог Ра с седого Урала, с гор Уральских. И звали ту реку сначала не Камой, а Волгой. И текла она вниз, соединяясь в изгибе двух рек с Доном Иванычем, Тихим Доном назвал его писатель с Тихой Сосны...»

А Бог Любви сам родился на Солнечном Острове (Соловки) у Рады и Кришны (крыши мира). Черный Ворон украл его у богов и сбросил с Уральских гор. И потек, потек Кама Волгой-рекой, пока не встретился с Поясом Богородицы, Окой – красавицей.

Вот как гласит о том седая легенда. В чистом поле встретились Кама с Окой – красавицей, и они полюбили друг друга. Они пускали друг в друга любовные стрелы, пока не пали, сраженные этими стрелами. И потекли, потекли они, сливаясь в одно – в реку небесную Ра...

Ра – славянское древнее имя Бога Солнца, Ра-река (Ранха), у античных греков и римлян (Ра, Рос). Бог Ра хранится и в египетской мифологии с тех времен, когда тек тут как река тогда еще в Черное, а не как ныне в Каспийское (Хвалынское) море. В самом деле, истоком Ра-реки (Волги) древние считали не место близ озера Селигер, а горный Урал. Согласно «Авесте», река Ранха тоже стекает с уральской горы Хукарья.

В индийском эпосе Каму почитают как Бога Любви. Ока подобна индийской Лакшми (кстати, на Клязьме, впадающей в Оку, стоит и поныне город Лакинск). (Из книги «Златая цепь»).

* * *

Действие происходит в бассейне этих могучих русских рек, соединяющих места, связанные с великими русскими именами как еще в древнеавестийском, так и в недавнем прошлом. Это вещие корни Руси.

Картина первая

ГОЛОС АВТОРА. Малый город юга Орловщины – Малоархангельск. Не так давно он отмечал свое 230-летие. Однако, на самом деле, ему значительно больше, а именно, столько же, сколько и лермонтовской Тамани. Из Тамани, через ее морской порт, античные греки вывозили хлеб в свою Элладу. И откуда шел тогда хлеб в саму Тамань? Да отсюда, из этих мест, где тогда жили наши предки – сухопутные, степные скифы – сколоты, хлеборобы. И было это 27 веков назад. А если бы было не так и Малому городу всего 230 лет, то кто бы тогда и откуда вез хлеб в черноморскую эту Тамань?

Сюда прибывал царь Итаки Одиссей еще в 7 веке до н.э. Сюда же 2 октября 2009 года приезжал Президент России Дмитрий Медведев. И цель визитов была одна: сколотский хлеб, Русское поле. Что же предшествовало приезду сюда, в эти места, Президента страны Дмитрия Медведева? Об этом и речь.

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Село Дубовик под Малым городом. Поле, Русское поле. Пшеница. На проходящей мимо дороге стоят автобусы, автомобили. Множество людей. Столы у дороги, на столах экспонаты: хлебные снопы, кукуруза, сахарная свекла. Проходит Всероссийское совещание хлебопекущих регионов страны, организованное сельхозакадемией, предпринимательской фирмой «Агрехим-Шелково».

Все ждут нового Губернатора области и даже, возможно, Президента страны. В сторонке от людской суеты, в густой щетке хлебов, двое друзей – начальники сельхозуправлений соседних районов Васютин и Ильин. В руках у них колосья пшеницы.

ВАСЮТИН. А ну-ка давай посчитаем, сколько в колоске зерен? Пятьдесят или шестьдесят? Налитые, добротные. На рекордный урожай тянут.

ИЛЬИН. Куда только девать такой урожай?

ВАСЮТИН. Ничего, найдем, куда деть. Видишь, из-за посадки торчат серебряные металлические сигары – зернохранилища нового типа. Близко к полю. Приближено к обстановке. Убирают комбайны и зерно сразу же сюда, закладывается на хранение. В случае непогоды, не гнать «Камазы» куда-то на элеватор.

ИЛЬИН. Неужто, в самом деле, научились выращивать настоящие урожаи, даже не верится. Вон Голландия с Московскую область, а прокормить, говорят, может половину Европы. Да, приехали сюда представители 56 хлебопекущих регионов России, академики, селекционеры... С Алтая, Кубани – из самых житниц страны. Неужто мы можем им тут показать что-то стоящее, а?..

ВАСЮТИН. Дружище, не забывай, что места наши из веков хлеборобские. Сама история тут, еще скифы-скоты тут выращивали хлеба, знали люди, где в степи выбирать места. Лучше рожь нигде не растет.

ИЛЬИН. Смотри, смотри! Телевидение подъехало, народ заволновался, туда-сюда люди забегали... Губернатор, наверное, подъезжает... А может быть, и Президент?

ВАСЮТИН. «Перпетум мобиле» – «вечное движение». Сегодня ты Губернатор, завтра ты...

ИЛЬИН. Сегодня ты – начальник, завтра кто?

ВАСЮТИН. Как говаривали в добрые прежние времена, или дырки колоть в пиджаках... для орденов... или голова в кустах... Неспа, дружище? Не так ли? Как говорят агрономы наши, побывав во Франции. Можно у них там поучиться чему-то в аграрном секторе, а?

ИЛЬИН. Мы дружим с департаментом Шампань-Арденн, а это сплошь виноградники... Брызги шампанского. Мы же хлебопекущий регион...

Автор подходит к ним, пытается найти нужную точку, чтобы сделать снимок.

АВТОР. Для истории. Классно стоите, друзья-товарищи! Ну, когда еще в этих местах будет проходить такое крупное мероприятие? Кроме войны, иными словами, битвы на Орловско-Курской дуге, сражения в полях перед Малоархангельском, другого такого в истории что-то и не припомню... Книгу готовлю на эту тему, удастся ли опубликовать? Как говорится, с лейкой и блокнотом обошел вокруг Малого города все поля, все воинские памятники, захоронения. Прошагал десятки километров далеко туда, за Орлянку, в Гнилую Плоту ходил – захотелось сделать снимок церкви, за полсуток километров семьдесят прошагал... Заблудился, попал в соседнюю Курскую область, в Поньровский район...

ИЛЬИН. А в чем дело? В чем проблемы насчет публикации-то? Своя рука – владыка, теперь так, подготовил книгу и публикуй. Цензуры не существует.

АВТОР (*иронично*). Вместо цепей крепостных люди придумали много иных... Маменька, у меня финансовый вопрос... Между прочим, еще в мае, когда обходил здешние поля, я первый заметил, что тут, в этих наших сколотско-скифских местах, зреет добрый урожай. Не стыдно тряхнуть стариной и перед Голландией... Сказал об этом начальству района, дошло даже до Президента...

ВАСЮТИН (*уводя разговор в сторону*). Да вон же, вон она тут и Голландия: хлебоуборочные комбайны... Какие красавцы! Сама-то Голландия – мизер, что там – шапкой можно накрыть, а комбайны ее – гиганты, зачем и к чему это?

ИЛЬИН. Да на таких, как мы рассчитывают. На наши поля... Да, а все-таки в чем проблема насчет публикации?

АВТОР (*щелкнув фотоаппаратом для уверенности еще разок*). Да в средствах, в деньгах, конечно, в чем же еще? Что же я вам – миллионер, что ли? Наше дело - писать, создавать; как говорится, эпос – современность, отражать. А ваше дело – заказывать, пропагандировать в массах...

ВАСЮТИН. Вон к столам зовут, к микрофонам... Академики, мастера своего дела... Сейчас тут мы, прямо в поле, оперативное совещание и проведем. Под шелест пшеничных ко-

лосьев. Видишь? Коротеев тут, Владимир Ильич, – начальник нашего департамента...

ИЛЬИН. Вон на дороге еще один кортеж показался. Наверное, Губернатор.

ВАСЮТИН. Новая метла по-новому метет. В самом деле, прямо в поле и наука – академики, и производство. Губернатор даст команду, и загремит уборочная... Вон, действительно, в сторонке семь голландских комбайнов – новенькие, под синюю красочку. И одиннадцать отечественных «КАМАЗов» – эти алые, как с иголочки. Прямо с завода, с Набережных Челнов...

ИЛЬИН. Любят у нас показуху, любят.

ВАСЮТИН. А как же. Надо народу показывать. Да и за граница пусть видит. Куда хлеб сбывать-то?

АВТОР (*смеясь*). Как куда? Как и прежде, в Элладу. Через Тамань. Ну теперь, значит, через Новороссийск, через южные морские ворота страны и опять же туда...

ВАСЮТИН И ИЛЬИН (*вместе, дружно*). И что? Сам придумал, или по телевизору слышал?

АВТОР. Исторически так. Еще от Одиссея, царя Итаки. Хлеб отсюда – наш скифско-сколотский шел в Элладу, и вскормил всех греческих мудрецов: Аристотеля, Платона, Сократа, а через них, как говорится, поднял и всю Европу, создал европейскую цивилизацию. Вот какова цена нашему хлебу! Если брать исторически.

ИЛЬИН (*на Автора*). Вот молодец! Голова!

ВАСЮТИН (*в шутку, иронично*). Бриан тоже голова.

ИЛЬИН. Откуда Бриан-то?

ВАСЮТИН (*откровенно смеясь*). Из Глазуновки. Точнее, из Тагино.

АВТОР. Кстати, и я там был. Туда, поближе к Старому Горохово – родине нашего русского писателя Лескова. И там урожай не хуже тутошнего, дубовицкого.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. *Из Дубовика из кооператива Борзенкова, все возвращались в Малый город. Автор попал в «Икарус» с саратовской делегацией. За этим автобусом, от районной администрации, закреплен был все тот же Васютин. Держа*

в руке микрофон, он живописал местную флору и фауну, сыпал цифрами и фактами. Уже перед самым Малоархангельском, спускаясь к Беленькому, к самому пруду, предоставил право что-то сказать и Автору.

А уж вот он и городок. Уж и кладбище, где лежит дедушка Автора – потомственный хлебороб. Вот и церковь. Короче и ярче не скажешь, чем просто выразить мысль и чувства в стихах.

АВТОР. Друзья! Я читаю вам это. Начало.

Родная речь

Ты хранись в нас, о русская речь!
Острый меч и испытанный щит.
Нам бы землю родную сберечь,
А уж Русь-то себя сохранит.

Сохранит землю Русскую сын,
Сохранит сына русская мать.
Будем ей молчаливо внимать
Под гортанные скрипы осин.

ГОЛОС АВТОРА. А к вечеру, после официальной научно-производственной части, где выступали академики и наконец-то подъехавший Губернатор, всех гостей отвезли в березовую рощу, на известное место в лесу, вдоль границы соседних районов. И Автор совершенно случайно оказался за тем же столом, с той же Саратовской делегацией, с кем ехал с поля в «Икарусе». Справа и слева от Автора - и тут уже неслучайно – сидели друзья – товарищи Васютин и Ильин. И тут, за столом, под шелест среднерусских берез, говорить уже можно было, сколько угодно. Даже петь было можно в микрофон, под шелест русских берез.

– Откуда, ребята? – спросил Автор гостей, сидящих за столом напротив себя.

– Саратовские мы, – ответили ему.

– А конкретно?

– Из Балашова.

– Большой город, – заметил Автор. – Не то, что Малый Архангельск. Но хоть и мал золотник, да дорог.

И тут зазвучали музыка, знакомая мелодия:

«С берез не слышен, не весом,

Слетает желтый лист...

В лесу прифронтовом...

Сидят и слушают бойцы –

Товарищи мои...»

– Скажите еще что-нибудь, – попросили Автора гости – саратовцы.

– А об чем говорить... как Филя, у поэта Николая Рубцова, – ответил раздумчиво Автор. – Где, по-вашему, мы сидим сейчас тут? Да, в березах этих, «в лесу прифронтовом»... Всего километрах в семи отсюда – Сабуровское поле. В сорок третьем тут, в одной атаке... на десяти гектарах... освобождая нашу землю, легли сразу десять тысяч солдат – наших ребят... со всей округи... в основном хлеборобы...

И тишина. Сухой лист подал на плечи бесшумно, без всякого шелеста.

АВТОР (*раздумчиво*). Вы с Волги? Вам есть чем гордиться. Это ваш, с ваших мест Николай Иванович Вавилов? Пытался накормить хлебом весь народ, все человечество. Так он из Саратова или, может быть, из Самары?

– Ну, конечно, наш, из Саратова.

– А нам отсюда что Литва, что Латвия, – засмеялся Автор. – Все нам близки.

И посерьезнело, насупилось небо, кабы дождь не пошел. Но все предусмотрено: тент над нами из пленки.

– Всех Николай Иванович хотел накормить хлебом, все человечество, – посерьезнел Автор. – А сам умер с голоду... в трехстах метрах от своего дома, в тюрьме... Есть на Волге утес, в душу русскую врос...

Картина вторая

ГОЛОС АВТОРА. Уже сказано о том, что с детства живу я в Малом городе – Малоархангельске, что он чудесным образом расположен между двумя системами рек. Одна река прямо за железнодорожной станцией – это Ока. Она впадает в Волгу, а Волга, как известно, в Каспийское море. Другая река – по другую сторону Малоархангельска, в том же Губкино, Луковце – это Сосна-река. Она впадает в Дон, а Дон – в Азовское, Черное море. И к чему твержу я про это? А к тому, что хочу подчеркнуть, особенно молодым, тем же школьникам – старшеклассникам, ведь пишу книгу-то для детей хоть и старшего, но ведь школьного возраста, выясняю и сам для себя, что такое малая Родина. Как она в гены въедается, проявляется в самом, кажется, невероятном, но совершенно ведь в очевидном.

Сергей Есенин мне тут является в разных галлюцинациях, побуждениях и пробуждениях. Думаю, далеко не последнюю роль играет тут поблизости исток Оки, исходящий потом туда, в есенинское Константиново.

ЛЕОНАРД. Сергей Александрович, как это так получилось, что вы пришли не так давно ко мне прямо домой, когда я писал даже не стихи, а что-то из прозы. Вы прошли через крыльцо, в передней мы с вами встретились, и все во мне перевели на стихи. И запелось ваше: «Не жалею, не зову, не плачу». Вы ответили полупением: «Отговорила роща золотая». И стали вы уходить обратно в небытие, я – за вами, а на пороге остановился. Вот так и исчез Есенин во дворе, за калиткой. И, что невероятно, сами собой стали возникать строки стихов моих, проще сказать –

Калитка

Временем засвеченные свитки.
Слово вечно. Влито. Из огня.
К деревянной, ссохшейся калитке
Стежка ловко вывела меня.

Вот она, Рязанщина, Россия.
Явь поэта, вороженья миг.
Ничего на свете нет красивой,
Выстраданной в нежностях моих.

Опадает в хне послеосенней
Слов моих отчаянный порыв.
Свой большак торил сюда Есенин
И упал, калитку не закрыл.

Упаду и я в калитку косо.
Как звезда полыни ни горька,
К этим Константиновским откосам
Катит и мои «кюри» Ока.

ЛЕОНАРД. Сергей Александрович, слышите меня? В самый трудный момент у меня возникают ваши стихи, мои стихи про вас, они на музыку сами ложатся, звучат во мне и поются.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*где-то вдали уже, за калиткой*). И какие же истины? Что за сомнения?

ЛЕОНАРД. Говорят, библиотеки закрывают по районам области. Такого не бывало даже в войну. Исполон люди книжки читали. Что будет с нами, Сергей Александрович? Как узнают потомки про наше время, через кого?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Поэтов много не бывает. Хватит и одного на эпоху. Чтобы время не пролетело мимо.

ЛЕОНАРД. Видите, какой звездопад? Это август.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Да, это август.

ЛЕОНАРД. Всегда поем с женой эту песню. Каждый год в это время. Для себя и для вас.

Скоро осень. За окнами август.
От дождя потемнели кусты.
И я знаю, что я тебе нравлюсь,
Как когда-то мне нравился ты.

За окошком краснеют рябины.
Дождь в окошко стучит без конца.
Ах, как жаль, что иные обиды
Забывать не умеют сердца.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Не напрасно. Не напрасно?
ЛЕОНАРД (*напевая*). Не напрасно тоска тебя гложет.
Не напрасно ты грустен со мной.
Видно, в августе сбывться не может,
Что случается ранней весной
Что сбывается ранней весной.

ГОЛОС АВТОРА. И все само собой переходит в «Есенини-
ану». Все переполнено вокруг Есениным и сонетом. Есенин и
Ока, Ока и сонет... Поется на тревожную есенинскую мело-
дию...

И что я понял, что я осознал?
Так это то, что жить опасно.
Всех перебрал, пересчитал:
Любой поэт прожил один, несчастно.
А всех любил! Любой из них – любовь.
Всем отдавал себя ведь до конца.
Вот и Есенин стал мне за отца
В житейской битве, в мути голубой.
Россия, Русь! Когда бы ты узнала,
Что плохо, что бессовестно, она –
Поэзия – про это нашептала.
А что же ты, великая страна,
Поэтов не жалеешь? Врешь безбожно.
Когда поэта нет – все можно.

* * *

ГОЛОС АВТОРА. Сергей Александрович! В последнее вре-
мя мне снится один и тот же сон: про плот, плывущий по реке,
он весь в цветах. «Какой плот, по какой реке. куда и зачем?» –
думаю я каждый раз. И плот этот, и река эта мне снятся, и снят-
ся, и снятся, но не переходят в явь. Пока я, наконец, не сходил к

истоку Оки, тут поблизости, не испил водицы из трубочки, той струи, с которой Ока-река начинается. Испил, и тогда вдруг я понял, что плот этот – есенинский, река эта – есенинская. цветы – поэту, поэзии в вашем лице, Сергей Александрович. В жизни сначала поэты почему-то страдают, мучаются, и только потом, когда уйдут, люди осознают, что они потеряли, и шлют поэту плот, эти свои цветы не зла уже, почему?

В натуре исток Оки-реки. Резиновый плот. И трое – Леонард, его сын Игорь и третий кто-то неясно – идут по земле от истока до той поры, пока можно будет положить плот на воду и вести его вниз туда, по течению, по Поясу Богородицы, опоясывая звездами с неба Серединную Русь.

ИГОРЬ. И куда мы, отец, с тобой поплывем на нем, на этом плоту?

ЛЕОНАРД. А туда же, куда века течет эта река, эта поэзия, это мы с тобой тут, это Русское Слово. Сначала до Орла, где бывал Сергей Александрович у жены своей Зинаиды Рейх, у которой было двое детей от него: сын Константин и дочь...

ИГОРЬ. Конечно, мы прочитали с тобой все, что связано у нас тут с Сергеем Есениным.

ЛЕОНАРД. И сделаем снимки всего, что связано с его именем: например, памятник поэту на Университетской площади у филфака, где плакучие ивы.

ИГОРЬ. И знак на дороге через дорогу, где останавливался поэт.

ЛЕОНАРД. Конечно, на доме, где жила Зинаида Рейх. И сделаем снимок Набережной Есенина на Орлике, впадающем тут, у устья в Оку...

ИГОРЬ. Давай, отец, учредим Есенинский праздник поэзии в День рождения поэта? Пусть люди собираются у Памятника ему на Университетской площади и читают стихи. Это лучше, чем когда где-то горят леса, звучат выстрелы, падают самолеты.

ЛЕОНАРД. Клянусь! Мы это сделаем!

ИГОРЬ. Ока, покидая Орел, течет и течет, никогда не кончается, и куда – в Константиново?

ЛЕОНАРД. В Константиново.

ИГОРЬ. Мы еще побываем там, на Рязанщине, на родине поэта. Там по реке ходят уже корабли.

ЛЕОНАРД. Белые, как птицы, самые красивые корабли.

ИГОРЬ. Мы с тобой поплывем по Оке еще дальше, дальше, к самому устью. Это моя мечта, отец, это моя мечта. Мы приплывем со стихами Есенина к Волге.

ЛЕОНАРД. Для детей надо писать так же хорошо, как и для взрослых, только еще немножечко лучше.

Картина третья

ГОЛОС АВТОРА. Мысль перенеслась к Волге-матушке, к людям, жившим когда-либо на великой реке. И первым было имя Николая Ивановича Вавилова. Коли заговорили о поэзии и о поэтах, это ведь тоже поэт. Не писал стихи, а ведь мечтал накормить хлебом народ, все Отечество наше, все человечество...

К саратовцам душа застремилась, на Волге город есть такой Балашов, к балашовцам, с которыми мы сидели тогда в березовой роще где-то под Малоархангельском, «в лесу прифронтовом»... И туда к ним, на Волгу, не с пустыми руками мечтаю приехать, а с «Шекспирианой», в которой существуют сонеты и про Вавилова.

ЛЕОНАРД. Читаю оттуда.

Да здравствует зеленая земля!
Росток – твой символ, дням потерян счет.
Тот гномик пережил и короля,
Такусенький, – и нас переживет.

Пою тебя, мой карлик, мой цветок!
Твой знак – твой знак! Немного погода,
Вавилов, мысля накормить Восток,
Умрет, мой бог, в тюрьме, сам не едя.

На том и проверяются эпохи,
Науки, государства. самодержцы.
Коль урожая на ладошку, крохи,
Не жди добра, власть выкинет коленце.
Да здравствуют такие короли,
Что обожают зеленыя Земли!

ГОЛОС из Балашова. Леонард Михайлович, тогда, «в лесу прифронтовом», вы обещали нам спеть сонет на свою мелодию.

ЛЕОНАРД (*рассмеявшись*). Обещанного три года ждут. А прошло только два. Ну, хорошо, «Песня про Жигули». Пою а' капелла. Посвящается Николаю Ивановичу Вавилову.

Я полюбил тебя на Волге.
И билось сердце трепетно в груди.
Я полюбил твой голос долгий.
Ах, Жигули, мои вы, Жигули!
Спадали звонкие мониста,
Кипела молодая кровь
И поцелуи были чисты,
Как наша первая любовь...

ЛЕОНАРД. И дальше, дальше уже свое продолжение пел я с крутого волжского Утеса, как и говорил когда-то на всю матушку Русь Разин Степан:

Ах, я полюбил тебя на Волге!
И билось сердце трепетно в груди!..

СТЕПАН РАЗИН.

Живи, мать. Не плачь по мне,
Покрепче стой на ногах, русский народ!
Пой песни про меня, Степана Разина –
Душегуба проклятого, бросившего княжну
В набежавшую волну.
Любовь моя, Настасьюшка,
Встань и иди, встань и иди...
Палач махнул топором – откинул в сторону руку.

Махнул еще раз – откинул другую.
Стоял на крови, весь забрызганный,
Не видать кровушки разинской
На его алой рубахе...
Сидели рядом на храме черные птицы
А в синих брызгах неба
Кружил, отражаясь в Волге,
Кружил белый, белый Орел!

ЭПИЛОГ

ГОЛОС АВТОРА. И что мы тут предложим вместо послесловия? Все прозу жизни? А что с народных песен перешло во все четыре стихии: Земля и Вода, Небо и Огонь? Закончим же стихией Воды. Из той из моей «Шекспирианы», вся драма в судьбе народа рекам: Волге, Оке и Каме, - посвящена. Пусть каждый пораньше, с детства, узнает то, что, повзрослев, уже никогда не забудет.

Стихия Воды

Сонет 91

Пурпуры шарят по живому,
Колелет жиденский рассвет,
В такой момент, родившись с томом,
Особо гениален дед.

На промежутке тьмы и света,
Чуть розоватого, слегка,
Ребенок, что рожден поэтом!
Кричит судьбе: «Дай молока!»

И вот! он вышел из Стихии Вод
В слепые алюминии рассвета.
Как глянул Бог – пурпурная конфета,

Еще и заявленья издает!
И, муху отгоняя от груди,
Бьют по стеклу шабашники-дожди.

И чем закончим? Какими терпкими словами, что родились не там, а нами? Что в наше время происходит? От тех красот, от тех высот, что вечны в совести, что поперечны все в народе. Мы с ними вдоль и поперек – все рок, все между строк.

Сонет 103 (Из Стихии Воды)

Кто на подлодке – Леонардо?
А может быть, Жак Ив Кусто?
Фуражка белая. Кокарда.
Фотограф шелк! А все не то.

Зачем обманывать кого-то?
Без ленты, вхолостую, в клип –
Друзей, соратников по фото,
Все цифрой где-то сдавлен хрип.

Заголосили голоса,
Волной ударило по Ялте.
А все стихии, все «пожалте»,

А как отрезана коса.
Все воды. Реки и погоды.
Народы требует Свободы,
Поэты с ними... Сумасброды...

*22 августа 2011 г.,
г. Малоархангельск.*

«БЛЕСНИ, ДЕННИЦА!»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
ЗАРЯ-ЗАРНИЦА – красная девица, ночная красавица, пред-
вещающая свет.

ХОРС – супруг ее с вершины гор, ловящих золотые лучи.
УЗКИЙ МЕСЯЦ – похититель чужого огня.
СВАРОЖИЧИ и ЛАДА – хранители домашнего очага.
КИТОВРАС – воин с мечом, возникающий каждый раз.

* * *

ПОЭТЫ ЗОЛОТОГО ВЕКА. Пушкин и Лермонтов. «Храни меня, мой талисман».

ПОЭТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА. Городецкий и Бальмонт, Гумилев и Северянин.

В защиту очагов и алтарей:

ПОЭТЫ ПАВШЕГО ВРЕМЕНИ.

ГОЛОС АВТОРА. ГОЛОС СВЫШЕ. Блесни, денница! Перо жар-птицы!

«Каждым утром Заря-Зарница разворачивала свой жаркий, золотой платок, и по небу от него разливалось сияние. Под нарождающейся денницей гасли звезды, и узкий месяц блек и исчезал. И решил он похитить у Хорса с вершин гор его молодую жену Зарю-Зарницу. Но как это сделать? Волхвы объяснили ему, что у многомудрого мужа ее есть одна только слабость: вино, хмельной напиток медовуха – сурья. И узкий месяц наполнил сурьей вокруг все ручьи и колодцы. Когда Хорс выпил хмельного, Китоврас сделал свое темное дело, увел от него жену.

Хорс бросился в погоню, Сварожичи следом. Они настигли похитителя и, зарубив пополам, вернули Зарю-Зарницу мужу, в лоно домашнего очага. И возрадовался Хорс, возликовала Денница.

(Из книги «Златая цепь»).

«С тех пор Узкий Месяц
Ищет на небе молодую Зарю-Зарницу,
Но Сварожич – Огнебог разрубает и разрубает
Мечом его каждый раз».

(Из «Книги Каляды»).

«Заря – Зарница, красная девица, сама ты мати и царица; при свете Узкого Месяца и Ясных Звезд возьмите у меня бессон-

ницу, бездремотицу, полуношницу... Среди ночи приходи ко мне хоть красной девицей, хоть матерью – царицей и сложи с меня, отведи от души окаянную силу»...

(Из русских заговоров).

«БЛЕСНИ, ДЕННИЦА!..»

(из рукописи)

ПРОЛОГ

Детство человечества – это детство самого человека, зачин его жизни в природе, одухотворенной, даже очеловеченной свыше. Испокон люди были равны природе, а природа как бы равна человеку. Невероятные ценности сохранились в мифах с древности, зорче всех их охраняют поэты в своих сказаниях, в пересказах, в поэтических образах, в лирике. Эта драма – о Заре-Зарнице, о смене ночи днем, весны летом, начало перемены зла на добро в человеке как части природы. Это блистательный ход поэта во Времени и Пространстве, в музыке слов, в песенной стихии.

Сколько из них осветила Заря-Зарница, все ждали ее, сколько ждут дня и часа своей Денницы, блеснувшей или не блеснувшей им по милости божьей.

Картина первая. Поэты золотого века.

«Храни меня, мой талисман»

Кто велик, а кто гениален? Кто бессмертен, а кто преходящ в этой стихии жизни? Под чьим шагом роса уже никогда не собьется на траве-мураве, когда идешь по грибы? Первым по-этом – лириком считается античный грек Архилох. Это он во владениях эпоса нашел местечко для себя, своей души и высказался миру от потаенных, сладких таких уголков своего сердца.

Мы начнем с золотого века и продолжим серебряным веком в нашей поэзии. Кто же велик из поэтов, а кто гениален? Кто бессмертен, а кто может и кануть в лету, нам это не предугадать.

Итак, золотой век России – это, прежде всего, Александр Сергеевич Пушкин и Михаил Юрьевич Лермонтов.

Когда не стало Пушкина, самое яркое, что сказали о нем, было: «Солнце нашей поэзии закатилось». Значит, Пушкин – наше Солнце? Значит, поэзия связана с Солнцем? Солнце – наш Бог, наша энергия, главная одухотворенная идея. Пушкин, нигде и ни разу не побывав за границей, знал о ней почти все. И, прежде всего, по мифам, которые выражают суть, естество человека, каждого народа Земли.

Не был Пушкин за пределами России, но на юге Российской Империи он бывал и повидал немало. И не только погоня за впечатлениями гнала его на Тавриду, Кавказ и в Одессу. В Петербурге жить дорого, а тут еще надо содержать журнал, выпускать его (было выпущено пять номеров «Современника»). Пушкин – столбовой дворянин, родовит. И живет поэт подолгу на Юге то у Раевского, то у Воронцовых.

В Кишиневе, после поэмы «Руслан и Людмила», Пушкин сблизился с масонами. Известно, что магистром до того был сам Российский Император Павел I, жаждущий перемен. В Кишиневе агентами Наполеона прежде был отравлен Николай Каменский – полководец, автор «скифского» плана ведения войны 1812 года.

И какие страсти, строки поминования, связанные с мгновенной Денницей, возникают в воображении Пушкина?

Здесь лирой северной пустыню оглашая,
Скитался я».

А в «Евгении Онегине» возникнут такие слова:

«Я знаю: жребий мой измерен.
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

Вслед за светлым гением Пушкина, миру явился божественный Лермонтов, призванный защитить и поэзию, и самого Пушкина от «демонов», тьмы, раздирающих власть и народ.

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Это ли не квинтэссенция духа поэта, который после гибели Пушкина осмелился заявить грешному миру, что встает на сторону Солнца:

«А вы, надменные потомки...»

«Потомки» эти идут чередой до сих пор. От Аристотеля до Пушкина, Лермонтова, от них туда в Серебряный век, от Серебряного века к нам сюда. в наши дни. Боги, храните, поэтов! Вы и они – это одно. А власть – и при ней поэты – прагматики – это другое. Недаром даже Александр Македонский, будучи сам поэтом и в то же время царем, писал из Персии своему учителю Аристотелю:

«Зачем ты открываешь всем то,

Что знать должны только мы – цари?»

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Настоящие поэты – знают больше других, видят выше и глубже, потому что ходят под Богом, а он сам поэт, он – бессмертен, это энергия, переходящая из века в век, от народов к народу, от личности к личности. Поэт, получающий энергию свыше, и считается гениальным, сведущим. Лев Толстой писал: «Способности плюс труд – это талант, талант плюс труд – это гений». Гений – это энергия от Бога и дважды от труда как результат выхода этой энергии в мир, на благо живущих.

ГОЛОС АВТОРА. Разумеется. Кто же такой Лермонтов, этот поэт, вставший на защиту поэзии, Пушкина? Талант есть талант, но какова палитра таланта? Михаил Юрьевич Лермонтов, создал не только стихи, но, подобно Пушкину, он был, как известно, автором и прекрасной прозы («Герой нашего времени»), драматургом («Маскарад»). Как и Пушкин, он хорошо рисовал, а еще и ваял, был скульптором, играл на скрипке. И совсем мало кому известны новые поворот фактов в его дуэли с Мартыновым. На одной из научных конференций в Москве пензенские ученые говорили о том, что не Мартынов стрелял в Лермонтова, а секундант подошел к поэту и выстрелом в упор разворотил ему все.

ПОЭТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА. «В защиту очагов и алтарей».

ГОЛОС АВТОРА. Мы привыкли, что Серебряный век нашей лирики берет начало во французской поэзии. А французская поэзия откуда взялась, от кого? От седовласых, убеленных серебряными веками поэтов. Где же мне слышатся отголоски романтических, серебряных струн такой поэзии?

Самое великое произведение человечества – это «Прикованный Прометей» Эсхила. Из трех частей античного автора осталась одна: средняя. Она опубликована у нас в переводе С. Соловьева и В.Нилендера. От первой части сохранилось только название «Прометей-огненосец», из текста ничего не осталось. Английский поэт Шелли обратился с переводом к третьей части. И вот что мы читаем у Перси Биши Шелли в действии третьем.

Азия

Моя душа – как лебедь сонный,
Как человек замороженный.
Скользит в волнах серебряного пеня.
А ты, как ангел белоснежный,
Ладью влечешь рукою нежной.
И ветры чуть звенят, ища забвенья.

Отметим, что Автором, нашим современником, воссозданы все три части «Прикованного Прометея» Эсхила. Шелли назвал переведенное им произведение «Освобожденный Прометей». Мною уточнено: «Свободнорожденный Прометей». Ведь Прометей, прикованный по приказу Зевса к Скале, не может быть освобожден. Цари не меняют своих решений. Надо, чтобы на свете не стало Зевса. Но он же бог, а боги античные у греков бессмертны. Зевс еще и царь, а его как царя может свергнуть лишь сын, как сам он сверг отца своего – царя и бога Титана. Прометей - из свиты прежнего властителя, из прежних. Вот в чем вопрос. Но он же все-таки бог, значит, тоже бессмертный. Вот и прикован Прометей к Кавказской скале, и Орел прилетает к нему долбить его уже черную печень.

Зная все это, Перси Биши Шелли, великий английский поэт, и пишет своего рода трактат широко прогремевший: «**В защиту поэзии**».

«Поэты являются творцами не только языка и музыки, танца и архитектуры, скульптуры и живописи, они – создатели законов, основатели общества, изобретатели ремесел и наставники, сближающие прекрасное с истинным.

Поэты являются пророками в прямом смысле слова и могут предсказывать формы будущего так же уверенно, как они предсказывают его дух.

Люди ненавидят, презирают, обманывают и угнетают друг друга. Поэзия идет иными, божественными путями».

* * *

Возьмем же тех, кого защищает поэт-романтик Перси Биши Шелли, в жизни сам себя защитить не сумевший.

ГОЛОС АВТОРА. Итак, наш Серебряный век. Прекрасен букет. Начинай хоть с Иннокентия Анненкого, хоть с кого-то другого. Но у нас своя задача: Денница перед глазами, Заря-Зарница на сходе ночи, на ее переходе в день.

В таком случае, интересен Сергей Городецкий, тоже поэт-орловец, первый заметивший крепкогоголосого, златоголового рязанца Сергея Есенина.

Картина вторая

Серебряный век. Поэт Сергей Городецкий и Константин Бальмонт, Николай Гумилев и Игорь Северянин

ГОЛОС СВЫШЕ. И если все-таки брать конкретнее, чем интересен поэт – **Сергей Городецкий?**

ГОЛОС АВТОРА. Сказочные хороводы, детские игры, старинные обряды, передаваемые от поколения к поколению. Древнеславянская мифология, возрождение естественного человека в первозданных стихиях. И все это в его первой книге «Ярь», так именовали в язычестве Солнце.

Перун (в сокращении)

Два врага – Луна и Солнце.
Поле битвы – синий свод.
За горою медной Солнце,
Лунный воров Солнца ждет.

Вдруг за лесом, на востоке,
Заблестал конец копья.
Заалелся крутобокий
Щит перунова копья.

Вылит, выкован с отливом,
Ярко вызолочен щит.
В ожиданье молчаливом
Бог Перун за ним стоит.

И луна Перуна – бога.
Увидавши под горой,
Закричала: – Вихрь Стрибога!
Солнцу яму в тучах рой!»

Стрибог (в сокращении)

Угнал за волны челны,
За тот, за вал десятый,
За тот, за вал проклятый,
Валами валит волны,
Волнует кипень солный,
Качает кубок полный!
И роет, рвет, как ратай,
Вздывает лук измятый,
Курчавый холм горбатый.
А берег воем стонет.
Разметан женский волос,
Голосит женский голос:

– Недаром высох колос
И солнце жгло – колосось!
Куда Стрибог их гонит?..

Карнавальное ощущение раннего Городецкого привели его в иные времена, к иным интонациям в голосе, к слову, которое стало спокойно, уравновешено. В таком случае мы опять же можем говорить об ином окружении поэта в обществе, выступая в защиту поэзии.

Константин Бальмонт

Какой музыкальный поэт! Какая пластика слова! Невероятные сочетания, они как соблазны, захватывают тебя и в то же время защищают от натиска ночи в последнем ее дыхании перед явлением денницы.

Гармония слов

Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров,
И гармония красочных слов?

Почему в языке современных людей
Стук сыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотной травы?

Потому что, когда, молода и горда,
Между скал возникала вода,
Не боялась она прорываться вперед,
Если станешь пред ней, так убьет!

И убьет, и зальет, и прозрачно бежит,
Только волей своей дорожит.

Так рождается звон для грядущих времен,
Для теперешних бледных племен.

ГОЛОС СВЫШЕ. Нет, каков этот Бальмонт! Дерзок, смел, неповторим, как десница великого мастера, как денница, скользнувшая с высот в самую-самую душу.

И еще.

**San miedo (исп.)
Будь без страха**

Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей,
Порази их в сердце вымыслом певучим,
Душу закали на пламени страстей.

Ты видал кинжалы древнего Толедо?
Лучших не увидишь, где бы ни искал.
На клинке узором надпись: «San miedo», -
Будь всегда бесстрашен, властен их закал.

Раскаленной стали форму придавая,
В сталь кладут по черни золотой узор.
И века сверкает красота живая
Двух металлов слитых, разных с давних пор.

Чтоб твои мечты вовек не отблестали,
Чтоб твоя душа всегда была жива,
Разбросай в напевах золото по стали,
Влей огонь застывший в звонкие слова.

ГОЛОС АВТОРА. Вот такие поэты жили до нас! И это небезопасно – просто жить, просто творить на подобном уровне. Это и ведет поэта смело навстречу судьбе, красоте, необычности среза слова, порождает в тебе мелодию, музыку невыразимую. Я ее и пою словами Бальмонта..

И вот он – рок, эта судьба, настигающая поэта. И еще такая вот пара поэтов, словотворящих, соединенных, может, и произ-

вольно, зато в паре они еще ярче, как мне кажется, выражают себя в поэзии, в магии слов.

Николай Гумилев и Игорь Северянин

ГОЛОС СВЫШЕ. Я думаю, без поэта Николая Гумилева у нас не было бы Анны Ахматовой. Когда он уехал уже не на Кавказ (как Пушкин и Лермонтов), а на Восток, за Кавказские горы, Анна Ахматова подготовила первый сборник стихов, в становлении которого принимал участие муж ее – этот прекрасный русский поэт, офицер. Однако в гражданской войне рука не дрогнула у кого-то вогнать пулю в сердце поэта. Какой печальный, нескончаемый мартиролог в русской поэзии. Почему мы не жалеем своих поэтов, полных к нам, живущим, любви и неперменного добра?

ГОЛОС АВТОРА. Вот что написалось у меня о нем, рано ушедшем из жизни.

Гумилев (песня)

Мои песнопенья – Серебряный век,
А золото – хорошо!
Я берегом вышел в тот буйный набег,
Вдвоем с Одиссеем пошел.

Ушел с Одиссеем в другие края.
Дорады сверкали в воде.
Ходи, мой жираф, олеандры жуя,
Носи мои глоссы везде.

Мои Одиссеи, Пенелопа моя.
Кабиры жестоки. И снова
Под сгнившей колодой таится змея,
Стреляют они в Гумилева.

А я не хочу, чтобы эти кабиры
Жирафов секли, олеандры.
Опять заседают немые сатиры
И не процветают Кассандры.

В пророчества древних не верит никто.
Ведь знали судьбу Гумилева.
А что же во имя вы сделали, что –
Бессмертия Русского Слова?!

Так реагировал я на его стихи «Жираф» и «Олеандры»! И написал эти стихи о поэте как одном из столпов, что держат небо, несут на себе, порой даже трагически, нашу речь, родное наше, самое дорогое, что есть у нас, – Русское Слово.

И вот поэт **Игорь Северянин**. В технологическом музее в Москве тогда, в 20-е годы, проходили ристалица поэтов. Как когда-то во Франции, таким образом выявляли «принца» поэтов. Состязались двое: Владимир Маяковский и Игорь Северянин. И кто, по-вашему, победил? «Принцем» зал выбрал кого и за что? Игоря Северянина. Это он написал стихи, заявив в первой строке:

«Я – гений Игорь Северянин...»

Кстати, персидские поэты свободно говорили о том же. Жаль, что сейчас, в наше закулисное время, нет таких свободных открытых ристалищ..

Вот что я написал поэту Игорю Северянину
(его настоящая фамилия Лотарев):

Ты – гений, конечно! В поэзии – сила!
Пегаса – летишь – приструня.
А все же чего-то тебе не хватило:
Всего-то двух букв до меня.
Священное «семь» – твое имя отцово,
Плюс «два» роковых у меня.
По «девять» у нас полыхают пунцово.
Когда мы седлаем коня
(Лотарев – 30 – Лотарев, Северянин – Золотарев).

Когда же сравню я, кто гений из нас,
То, приняв за цифры две буквы вначале.
Скажу я, что Лотарев я – тридцать раз!
Хоть «принцем» поэтов меня не венчали.
Я – Русь, как поэтов, любил и люблю!
Все гениев в каждом ловлю.

Картина третья

ПОЭТЫ ПАВШЕГО ВРЕМЕНИ.

ГОЛОС АВТОРА. И что же было в поэзии у нас после Серебряного века? Кому блеснула Денница в своих легендах и мифах? Не будем говорить о поэтах, разделивших судьбу Гумилева. «Демоны» делали свое черное дело, но ведь, наверно, и ангелы не моргали. И все-таки почему тянет нас к началу прошлого века, к славной когорте поэтов? Если бы свыше кто-то шепнул мне на ушко: «А попробуй-ка, братец, выделить кого-то особо из многочисленной рати поэтов, традиционную пару. Как, например, Пушкин – Лермонтов, Блок и Есенин, Ахматова и Цветаева. Я бы, скорее всего, отказался. От Серебряного века до наших дней какое-то небо неузнаваемое, ужас разлит по жизни. И все-таки попробуем выделить хотя бы такую пару: **Николай Заболоцкий** и **Василий Федоров**.

Класс Заболоцкого я почувствовал, когда занимался переводом «Слова о полку Игореве». Мне думалось, что лишь я один открыл перемены ритма в древнем песнопенье Бояна и Ходыны, какой-то разгон строки, ее неуправляемый поток. Не что подобное я отметил у Николая Заболоцкого в его переводе того же «Слова» и не ошибся. Подвижность слова, энергетика в красоте, красота в энергетике. Как это у него:

Любите живопись, поэты,
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Стихи Заболоцкого должны хорошо ложиться на музыку, по типу не городского романа, они, скорее, чем-то вроде еще тех, припушкинских времен («Я помню чудное мгновенье», «Средь шумного бала»). Правда, формы несколько осовремененной, приближенной к нашим дням.

От поэта Василия Федорова в памяти у меня защемилось вот это (кажется, из «Седьмого неба»):

Ты что-то, девка, загордилась.
Как Ната Граева идешь.

И это у меня ассоциировалось с Шекспиром, с его строками из сонета:

«Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле».

И еще одна ассоциация из жизни и творчества Василия Федорова. С молодости писал он стихи и каждый раз, проходя мимо в дом, бросал их в бочку, стоящую где-то в сенцах у входа. Не надеясь ни на что. А, когда повернулась, как говорится, фортуна, он достал листки, привел их в божеский вид и напечатал под названием «Стихи из бочки». Очень мило. Вспомнился Гоголь. Бывало, пишет он прозу и кладет листы под кровать. И кладет, и кладет. А через год достанет оттуда и, как свеженькое, вроде бы чужое, читает. Хорошо текст из-под кровати доводится до кондиции. Это было все заочное мое знакомство с поэтом В.Федоровым. Как говаривал, бывало, Василий Макарович Шукшин, который тоже непрочь был кое-чего из предисловий «поднахвататься». И вот я увидел поэта живьем. Был я в Москве, оказался с друзьями в ЦДЛ (Центральный Дом литераторов). Спустились мы вниз, где буфет, и что я вижу? Выходит из бильярдной человек в белой рубашке, с кием в руке наотлет. Хмельноватый и слегка нагловат. Рукава расстегнуты, закатаны до половины локтя.

Подходит к нему поэт Валентин Васильевич Сорокин. Улыбаясь, Валентин что-то сказал ему. Доброе, конечно, что-то хорошее. А тот кием взмахнул на него:

– Да пшел ты!..

Эх, как вспыхнет Валентин Васильевич, как схватит кий!

– Я тоже! – кричит. – Я тоже прекрасный поэт!

Оказалось, человек в белой рубашке – известный поэт Василий Федоров.

И тут все кинулись их разнимать. Василий Федоров кинул кому-то деньги на пузырь и пошел опять туда, откуда пришел: в бильярдную. Валентин Сорокин ринулся в другую дверь бильярдной. А я чуть позже взял в руки сборник стихов Валентина Сорокина, выбрал, что мне понравилось, и написал на них, как всегда в уме, музыку. Иногда их пою а¹ капельно. Вот.

Две радости

У меня две радости, два долга.
Дар судьбы, не сам я выбирал:
Голубая зыбчатая Волга
И скуластый увалень Урал.

Я хотел, чтоб крепче отточилось
Острое, как солнце, мастерство.
Чтоб душа чуть-чуть ожесточилась
Разным прихлебателям на зло.

У меня две радости, два долга.
Дар судьбы, не сам я выбирал:
Голубая зыбчатая Волга
И скуластый увалень Урал.

ГОЛОС СВЫШЕ. Ну, и что дальше? Так и будешь мелодии на чужие слова писать? Что, на свои, что ль, не можешь?

ГОЛОС АВТОРА. После встречи той – в ЦДЛ отправился я, помню, домой к себе, в свой Орел – в наш город гербовный. Вижу как-то, чертят августовское небо звезды, блеснула на горизонте денница. Взял да и написал ни с того ни с сего такие стихи из цикла «Серебряный век».

Хант

Вот такой диалог в электричке:
– Я на великой стройке был, на БАМе.
– Ну и что? А мы на нефти, в Сургуте.
– ... С лица обоим воды не пить...
– А вы не встрейте! С человеком дайте поговорить.
Вот Хант у нас был на поселке –
Местный, мобилизованный.
Двадцать пять км в одну сторону,
Двадцать пять – в другую.
Кругом одни волки.
Бежать некуда, без пачпортов. Стаи. Тундра.
Сибирь – матушка, одни прокаженные.
Потом – таки я пошел... Что вы встрейте, морда!
Видите, электричка в движении...

Да, ну вот. Теперь поэзия начинается,
Оттолкнемся от прозы.
Иду, как и все, по жизни.
Да что там угрозыск!
Чтобы от нас избавиться?

Воля-волюшка, свободы налей!
Я ноздрями ее, я – с полей!
Тут не поле пахотное –
Белый снег до самых бровей –
В самую-то Вальпургиеву пургу.
Хоть и лягу костями, а сбегу.

Хант по пьянке мне указал:
Мол, на сопку иди, за бугор.
А ни сопочки, ох, провал!
Хант кругом, перебор.

И пошел я в просвет между туч,
Повела меня высота.
Протрезвел Хант – сбил сургуч,
Да бутылочку в губы мне, красота!

Снегом тер всего – что-то грезилось.
Оттирал, спасая промежности.
Как закрою глаза – поэзия!
Этот Хант, склонен к моей нежности.

Золотые мои, се – реб – ряные.
Колокольцы, заклепки в подпруге!
Эх, да устои вы мои – поколебеленные!
Эх, да стройки не стойки – великие други!

ГОЛОС АВТОРА. Ну и что давай закончим на этом? Или еще из цикла что-либо почитать? Время такое – павшее, падать, так падать.

Серебряный век

– Какой он, право, серебряный,
Поэт тот, Серебряный век! –
Сказал один тут «доверенный» –
Богатый был человек.
– Кто богатый? Вы, кликуши,
«Доверенные»? Что вам доверено?
Не один-то серебряный был расстрелян,
А золотой – в «Англетере» задушен.
Но не на такой ноте хочется кончить,
А про поэтов истинных – «на серебре».
Люди! Серебра даже золота меньше. Впрочем,
Чернь и золото, и серебро черне.
Талантов столько же в веке любом,
Одиночества сколько!
Главное – дадим им допеть добром
Иль постреляем бойко?

ГОЛОС СВЫШЕ. Какое время, такой и век. Хоть и циклом он назван мной, но тоже все же Серебряный век, как в поэзии человек.

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ (быль – былина)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мифологические образы.

АЛАТЫРЬ – белый горяч-камень в Рипейских горах, священный камень, средоточие Вед, посредник между человеком и богом на горе Хангура.

КИПАРИС – дерево смерти.

БЕРЕЗА – на горе Березань – древо поэзии, посвященное богу Барме.

ИРИЙСКИЙ САД – сад в раю, посаженный богом Сваргой.

ВИШНЯ – вишневое дерево, посаженное богом Вишну в райском саду.

ГАМАЮН – певчая птица в райском саду.

ДУБ СОЛНЕЧНЫЙ – вверх к Солнцу всеми своими двенадцатью корнями.

ДВЕНАДЦАТЬ ВЕД – двенадцать ветвей Солнечного Дуба.

ЯБЛОНЯ С ЗОЛОТЫМИ ЯБЛОКАМИ – на Алатырский горе, от плодов яблони – вечная молодость и власть над Вселенной.

ЛАДОН – страж Яблони с золотыми яблоками.

Наши современники

МАКЛЕР – Президент фирмы «Маклер и компания».

ФЛОР ФЛОРИЧ – поэт под Богом.

ФЕДОР – его сын.

ФЕДОРА МИЛЕНТЬЕВНА – супруга поэта.

ЧЛЕНЫ КОМПАНИИ И НЕ ЧЛЕНЫ.

ВETERАНЫ-СТАРООБРЯДЦЫ – члены Президиума.

ВETERАНЫ-НОВООБРЯДЦЫ.

НОВОБРАНЦЫ, ЧЛЕНЫ МОЛОДЕЖНОГО СЕКРЕТАРИАТА.

ЛЕДИ СИЗОКРЫЛЫЕ.

Птицы-девицы:

КЛАРА, КИРА – в поэзии.

КАМЕЛА – в прозе.

АЗИС – прозаик из Азии, с претензиями на Европу, по прозвищу Мухомор.

ЛЕТКИН-ЕНКИН – главный аудитор, пишущий про заек на железной дороге.

ЧУБАТЫЙ – завлит от имени творцов-молодцов и читателей, он же зав. избой-читальней.

АЛЕВТИНА ВИФЛЕЕМКО – помогающая денег и славы.

БОТВИННИК – от слова ботвинья, псевдоним писателя Огородника.

ЕФИМ ТОПОРОВ – начальник вагона на электричке с амбициями директора отделения дороги.

Члены и не члены творческой фирмы «Маклер и Компания», участники и не участники «заговора Катилины» против Маклера и литературы. Читатели и почитатели, ханты и чукчи. Действие из мифов переносится в наши дни, во времена сочинений интриг и авантюры.

* * *

«На Алатырской горе стали произрастать волшебные и иные деревья. И стали думать там, кого принимать, а кого не принимать в гефсиманский сад, находящийся в райских кущах. На горе Хвангур поднялся кипарис – древо смерти. На горе Березань – береза, древо поэзии, посвященное богу Барме. Поднялось и вишневое дерево, посвященное богу Вишну, на которое, прилетев, садилась волшебная птица Гамаюн. Как верный стражник и добрый советчик на краю вырос огромный Дуб – вверх корнями, вниз ветвями. Корни эти вечно тянутся к Солнцу, двенадцать ветвей его выражают суть двенадцати Вед.

Произрастает и плодоносит под его эгидой Яблоня с золотыми яблоками. Кто такого яблочка отведает, тот получит вечную молодость и власть над Вселенной. И над садом райским, и над Яблоней этой с золотым яблоками бдит неусыпным стражем дракон Ладон».

(Из книги «Златая цепь»)

«Макошь – великая богиня, ей подчиняются боги и люди. Она прядет нити судеб, из тех нитей сплетается наша жизнь. Макоша – Небесная Мать, третий лик Бога. Первый лик – Отец, второй – Сын, третий – Мать. Ибо Мать и есть дух Бога, приводящий в движение Мир. Мать дает жизнь Сыну, и Мир изменится. После Отца является Сын, потом Сын становится сам Отцом и снова рождает Сына.

Мать знает тайну судеб о Ведах, тайну знаний и новых воплощений. Она требует испытаний, дает свободу выбора, дает расстояние между злом и добром. Добро – это прямая дорога к Правде, зло ее отклонение. Макоша – женщина, она переменчива, награждая только сильных духом, борющихся до конца за Человека в себе, за Счастье. От Макоши зависит жребий: «А ну, какой «кош» выпадает тебе ныне?»

Сохранена запись: «Там богам требу кладут, тут творят словенский язык». «На море Окияне, на острое Буяне лежит бел горяч камень Алатырь, на том камне светлица, в той светлице красна девица, Матерь Божия с двумя сестрицами, они прядут и прядут шелкову кудельку судьбы».

А Макоша переходит в Параскеву пятницу, Марию Богородицу». *(Из книги «Златая цепь»)*

* * *

Картина первая

Действие происходит в городе О. А может быть, в городе Т. или Е., или Б., или снова Е? Это все игры от букв, от подразумеваемых слов. А то еще бывают игры людей, интриги. «Что наша жизнь? Игра. Добро и зло – одни мечты». И мы еще споем эту арию вместе, дуэтом...

ГОЛОС АВТОРА. С Пушкинским Германном, а не с Германарехом. Мы на сцене. Речь идет об игре, но подкованной, о закулисной жизни фирмы «Маклер и К^о».

Явление первое

Квартира Азиса. Звучит «Кумпарсита» по радио, компьютер на столе, пересол на спине.

АЗИС (*прозаик из Азии*). *Говорит по мобильнику.* Эй, старичок! Это ты?.. Ну кто, кто? Да, Мухомор я, из Азии. Там был завлитом, тут в Европе теперь Мухомор... А это кто? Перепутались номера, что-то не соображу... Так ты – Леткин-Енкин? Главный – про заек на железной дороге? Перехожу на прием. Ну, не бездельничаю. Ничаво, ничаво. Не зря время провожу. Сижу вот и оболщваю тебя по телефону... Тут есть такое предложение, старичок. Есть предложение – нет возражения? Есть такая идея, предложение. Маклера по боку, а то что-то перестал мух ловить, кур топтать... Баб, говоришь, еще топчет? Да нет уже. Как Брежнев, сидит уже 18 лет. Уж седьмой десяток разменял. А тут еще на него бренд навалился, голос сел, стал говорить тихо-тихо...

Х-ха!.. Как Грозный, бывало, да? Отец народов? Чтобы слушали лучше... Ну да, чтобы слышно было, как муха пролетит... Да-да-да, ты что! А я о другом. Дежа вю, что я с утра, что ль, набрался? Дело-то, старичок, к отчетам и выборам... Ну да, есть предложение: пора ему, пока живой – на покой. А что ж, на покой, только покойников, когда ты уж в конверте?! В конвертируемой валюте... Да-да-а, а кого вместе? Объелися теста... Кто-кто, говоришь?.. Да ветераны – старообрядцы говорят, ропщут уже и они, а за ними – новобранцы... Да ни в одном глазу... мне тут звонили, не беспокоить предлагают... Да и многие из молодежного сектора... Клара у Карла украла кораллы, а Карл у Клары украл кларнет... Да ты быстро, быстро реагируешь, как спецназ быстрого реагирования... Это, так сказать, побыстрей...

Вишь, как я быстро чешу тут в Европе, это я в Азии наблатыкался... Как Джамбул Джабаев, Мартин Лютер! Хватит тебе тужить... Так вот. А мне говорят, что я птица Гамаюн. Будешь, дескать, ты вечно сидеть в райском саду и петь начальству про нас всякие сладкие песенки. Там у себя наблатыкался, тут будешь мозги людям пудрить... Откуда звоню, говоришь? Да из Азии – столицы Адис-Абебы...

А ты все компостеры ставишь, главный про заек на железной дороге. Так когда меня будут спрашивать, что фирмамачам про

тебя-то сказать? Ты «за» или «против»?.. На рыбалку съездим когда? Да хоть завтра... Рыбка плавает по дну, не поймаешь ни одну. Олимпийский принцип? Главное - участие? Ах, подумал уже? «За»? Вот молодчага!.. Ну, позвони еще кому-нибудь, выскажи свою мысль... А что? Ничего. Вариантик беспроектный...

Кому позвонить из старообрядцев? Графу Калиостро, что ли, или Герману Грефу... Совершенно секретно... Да у нас половина таких. Если нет, то заставят... Все, отключаюсь, тут звонят, надрываются по второму мобильнику...

АЗИС (прозаик из Азии). Сидит какое-то время в приятной полудреме (в сторону). Согласился! Тараторкин! Теперь заведется, всех обскочет, Пегас. Особенно баб... Этих он любит обольщать... Та-ак. А мы позвоним еще кой-кому. Интересный ход. Шахматная корона, ферзевый гамбит. «Что наша жизнь – игра! Добро и зло – одни мечты»...

Пауза. Снова набирает номер.

АЗИС. Это сам мастер? Так, так. Это я, но теперь я в Европе уже. Да, Восток – дело тонкое. А где тонко, так и рвется... Что опять кашляешь? Астма, говоришь, постоянное или респираторное заболевание? Инфлуэнция?.. Так вот, докашляешься, еще и помрешь. Иду на выручку, к отчетам и выборам. Так вот, тут циркулируют слухи, что тебе хотят помочь... отдохнуть... пора... Кто говорит? Да из Адис-Абебы. Ну да, говорят, что ты, что ль, Брежнев больше него. В кресле уже 20 лет. Да, именно так говорят. Вон Президент в стране какой молодой. А ты кто такой? Седьмой десяток давно разменял. В клуб ветеранов вступил... Ну да, в секту трясунув – семидесятников. Ну да, есть такая... Кто говорит? Да совдеп, старообрядцы и говорят, и новообрядцы тоже... Так говорят, сидишь ты, как у Христа за пазухой, как у Бога за дверьми. Кто говорит? Да один тут на железной дороге, что пишет про заек...

Пауза. И тишина. Азис как врос в мобильник, слушает с той стороны мужской, теперь уж взволнованный голос.

АЗИС. Да ну что ты, товарищ Маклер! Завелся! Да какая же это черная метка... От меня лично? Да ты что... Кипарис – дре-

во смерти, это же миф... у Пушкина – это анчар. Стихи такие у него есть, «Анчар».

... Анчар, как грозный часовой,
Стоит один во всей Вселенной.
К нему и птица не летит,
И зверь нейдет...

Какая птица? Да, Гамаюн, Гамаюн... Так зовут ее на небесах. Я уже не обижаюсь, что меня выдвигают. Мифы это все, легенды. Вот меня, например, да-да, выдвигают... Тебя задвигают, меня выдвигают... Наоборот? Тебя выдвигают, меня задвигают?.. Тьфу-ты, Господи! Совсем запутался... Ну, в общем, подумай об этом получше... чтобы было все в ажуре, и, наоборот, к пользе дела...

В общем, учти! Я первый тебе об этом сказал. Чтобы ты знал... Да, не как снег на голову, не снег...

ГОЛОС АВТОРА. Все так примерно и было. Или наподобие этого. Представляете, что происходило на той стороне электрического сигнала?

* * *

Через неделю состоялось заседание Президиума творческих работников. И Греф, государь старообразцев, а внутренне в нем обычно сидит сатирик-скептик, а в полномыслии и льстец, внес предложение выдвинуть на премию Германа, а не, как всегда, самого Маклера, изгнав его из Президиума, а Азиса, поскольку теперь он независимый, ввести на сей раз в члены бюро, чтобы ему еще куда-либо повыше, а куда еще выше-то?

Явление второе

Там же, тот же человек, у того же компьютера за письменным столом, при мобильнике.

АЗИС. Это Герман Греф? Из ветеранов-старообразцев? Да кто, кто это? Да я это. Азис... Джамбул Джамбаев... Да нет, я не из Азии... Аз и я. Я и Аз... Летчик-асс, бывает такой... Да, летаю туда-сюда, Азия – Европа, а что делать? Русскому языку, говоришь, мне еще надо учиться? Да учимся, совершенно се-

кретно... И у Германа, конечно, - классика цыганской литературы, родоначальника цыганской письменности...

Как казаки там? Да какие казаки, ах, казахи! Тоже кочевой народ. Но ведь какой даровитый, древний! И как степняки обходились без письменности? По памяти, да? Как еще кочевники учились по «Ясам» у Чингиз-хана?.. И цыгане тоже по памяти...

Да, я вот что хотел спросить у тебя. Мне тут позвонили. Говорят, кто-то внес предложение. Да-да, выдвинуть меня на премию Германа... Спасибо тебе, дорогой... И как вы удосужились пойти на это? Конечно, я этого не заслуживаю. Мы люди скромные. Мне надо еще учиться русским обрядам, обычаям... Но Восток – дело тонкое...

Товарищ Гриф, как вас, или Граф, или Греф! Товарищ Герман Греф... да как вы смеете! Да плевал я из своего компьютера на зеленый ваш телефон!.. Да, я натаскал из своего компьютера в свою новую книгу порядочные куски... Вся книга на этом стоит, на порядочности... Да-да, как вы сами-то? Вы, говорят, выдвинули меня? Об этом и речь. Но я об этом не просил... не просил... Но все же, все же... Ну будьте здоровы. А что же – посмертно, да? Вот именно. Все деньги на вас просадить тут... на телефоне... Ну, приветик из Адис-Абебы. Да, я зануда, зануда, а кто же еще?

И вот Праздник русской поэзии. На могиле цыганского поэта-романтика Германо. На лугу люди, народ. Эстрада и микрофон.

МАКЛЕР (*открывая форум*). Это я в шутку. Есть кворум! Выступаем хором. Под зеленым бором...

АВТОР (*в сторону*). Бор – это сосны. А тут березы. А береза – дерево поэзии. По гороскопу - мое дерево, я родился в День русской березы. А у зануды – премия...

МАКЛЕР (*повернув к нему голову*). Ну и что ты там шепчешь себе под нос?

АВТОР (*в микрофон*). Да вот говорю. День русской березы тут на многие километры, а отмечаем у могилы цыганского поэта Германо.

МАКЛЕР. И еще будет поинтереснее. (*В микрофон*). Премия цыганского поэта Германо вручается творческому работнику по

Азии, другу Джамбула Джабаева из Адис-Абебы, да-да, тоже пишущему про заек...

ГОЛОС ОТ ЗРИТЕЛЕЙ (*в недоумении*). А вы хоть читали его? Дальше третьей страницы не переплывешь. Натаскал из компьютера... от Настасьи Филипповны.

МАКЛЕР (*невозмутимо, напористо, в сторону*). У нас еще есть главный на железной дороге, так тот пишет про зайцев по электричкам... Ну, это потом, мы ему еще что-нибудь пришпандорим...

(*Вслух, на всех*). Это Азису копия вручается, а сам диплом будет храниться у меня в сейфе.

Тот же голос, из зрителей. Это имитаторы, люди такие есть. Эти все могут – композиторы, ликвидаторы, арии и пролетарии... от цензуры...

ДРУГОЙ ГОЛОС, ТОЖЕ ОТ ЗРИТЕЛЕЙ. Какая цензура? Нет ее, отменена. Поэтам надо помогать, бездарности пробьются сами.

МАКЛЕР. Все лирические отступления, выступления, все преступления и...

ВСЕ ТОТ ЖЕ ГОЛОС... и все без наказания.

МАКЛЕР (*далее, вслух опять-таки невозмутимо*). Вот у нас гость. Как говорится, из-за границы... нашей области. Ему тоже премия полагается.. как тоже пишущему про заек... По второй категории... И тоже Хант, но современный, из Ханта-Мансийска...

Выходит Хант в национальном костюме, на рыбьем меху.

ХАНТ МАКЛЕРУ. А почему премия под номером два! Мы тебе давали денег под первый. Под вторым мы не договаривались. Мы – ханты, якуты-писатели... это чукчи-читатели...

МАКЛЕР (*подмигнув Азису, заметно повеселев*). И какие же мне кони попались – пррривередливые-е-е!.. Я тебе категорию повышу, сделаю высшую, выше у нас не бывает, только Нобелевская... Сам понимаешь, мы музыку любим, а оркестру надо платить. Бесплатно у нас одни гегемоны... из рабочего класса на железной дороге...

ГОЛОС АВТОРА. В Орле – я курский соловей, а в Курске я – орел.

Картина вторая

Явление первое

ГОЛОС АВТОРА. Это картина уже другая. Как говорится, в другом стане русских воинов, настроенных пока что на мирное сосуществование. Мир без анненсий и контрибуций. Это Флор Флорыч – самобытный творческий работник – многостаночник, не падающий под якутские алмазы, магаданские прииски. Но тоже под Богом ходит. И к сыну в этом смысле он отношения не имеет, поскольку тот сам себе сделал выбор в пользу профессии. Даже диплом имеет ВЛК (Высших Литературных курсов по отделению критики). На что ему Азис как-то сказал: это у вас в Европе так можно, а у нас в Азии двое – это уже много. Да еще по отделению критики. Заметьте, яблоки, золотые яички... неси, неси – от кого и от чего в небеси? А я ничего, согласно документу... мы не против... Но по поэзии и прозе, а критика нам не нужна... Так совсем дураками станете, и так сырое от серого не можете отличить... – А нам это без нажобности, у нас же междусобойчик.

Теперь Флор Флорыч сидит и думает, как все это понимать? И входит во внутренний смысл его слов. Вступить его сыну в фирму как в торговый кооператив или не вступать?

ФЛОР ФЛОРЫЧ (*сидя у русской березы*). Так вступать ему или не в вступать? Надо бы посоветоваться. Обзвонить всю эту алгебру и арифметику. От Навуходоносора до рядового члена правления «Биг-Бена»... Спросить, что и какого они хрена?

СЫН ЕГО. Отец, сиди!

ФЛОР ФЛОРЫЧ. Грубо.

СЫН. Для рифмы. От слова «хрен».

ФЛОР ФЛОРЫЧ. Стихи у тебя не получились. За критику взялся. Получается вроде бы.

СЫН. Ба-бу-бы. Бабы в конторе. Как сказал философ Николай Федоров, жены прислонились к мужьям своим, которые, потеряв мужество, творят им в угоду.

ФЛОР ФЛОРЫЧ. Как, опять эта женственность? Думаю, жены только и делают, что разбазаривают заработанное мужьями.

СЫН. Я говорю, жены, наоборот, поощряют мужей... работать качественно...

ФЛОР ФЛОРИЧ. Как белым днем ясно. А вот при Луне попробуй что-либо разглядеть. Вот что-то сверкнуло в темных аллеях у Бунина, а Чехову показалось: это стекло от бутылочки. Деталь, черта, а целая картина в воображении...

ФЛОР ФЛОРИЧ. Сын, говорят, подал заявление в контору.

СЫН. В какую?

ФЛОР ФЛОРИЧ. В «Маклер и К^о».

СЫН. И собрал уже документы.

ФЛОР ФЛОРИЧ. И кому это надо?

СЫН. А сам?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Я другое время прожил. Спрашивают Калинина: «Ты сам-то из тверских крестьян, из питерских рабочих. А кто ближе тебе?» Калинин ему: «Видишь, руки? Какую ни дай отсечь, обе жалко».

Спрашивает Грозный Максима Горького: «Главную контору создаем из творцов. В Москве. Делаем из них себе правую руку. Как ты думаешь – хорошо это?» Засмеялся Горький: «В одну банку всех? Да они же в банке-то все перегрызутся!». А так и надо было, кому нужна их продукция?..

Засмеялся Сын и говорит Отцу (в сторону):

– А ты-то что думаешь? Видишь, без документа теперь никуда, а контора дает документ.

СЫН (*напрямую*). А еще? В творческом смысле?

ОТЕЦ. В творческом? «Зеленую лампу» Пушкина помнишь?

СЫН. Помню.

ОТЕЦ. А художников-передвижников? А музыкантов «Могучую кучку»?

СЫН. Помню, конечно, помню!

ФЛОР ФЛОРИЧ. В «Зеленой лампе» были друзья-лицейсты Пушкина. Что ж они от дуэли-то на Черной речке его не оградили?.. А передвижники в «Могучей кучке» распались...

СЫН. Ну, а ты! Ты – отец?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Что ж за меня «Маклер и Компания», что ль, пишет? Был до него тут отец Моисей – христианский оркул. Так он спросил меня: «Ну и как тебе тут при мне?» – «Да, – говорю, – как в Японии. Чем больше трясет, тем лучше полу-

чается». Он аж затрясся от смеха. А через три недели взял да и помер... Как в воду глядел! С Японией-то...

СЫН. Ну, а Маклер?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Да приглашал к себе... вызывал на откровение. Дергал всякие ниточки. Как Панелопа, из нитей сплетала власть судьбы себе и сыну, когда Одиссей, царь Итаки, ходил на войну...

СЫН (*заинтересованно*). Ну, и как?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Да поддержку тебе обещал.

СЫН. А завлит?

ФЛОР ФЛОРИЧ. И завлит... Завалит, говоришь? Только Алевтина Ивановна Вифлеемко... ну что документы собирает... поощряла, поощряла, а потом тоже голову в сторону.

Явление второе

Отчеты и выборы пролетели.

ГОЛОС СВЫШЕ. Ну, и как?

ГОЛОС АВТОРА. Да на ниточке Маклер остался. На тонюсенькой. Флор Флорыч пораскинул мозгами: «Он на двух же стульях сидит». И завлит в ответ: «Как раз настал критический момент, и заедает темный элемент. Не то на финансы секвестр наложит...» Флор Флорыч взял и приложил свой голосок, плюс еще один – подголосок, и это решило судьбу... финансирование сохранилось...

Но бдит Флор Флорыч! Что-то не то. Знает он их, этих монархов, монахов и монахинь, скоморохов, братьев и сестер Чудова монастыря...

И собирается заседание. Флор Флорыч сидит за полукруглым столом (без углов), где положено. Возле двери. Сын сидит рядом. Все заходят и за руку с Флорой и Фауной. Улыбаются, чуть ли не поздравляют.

ГОЛОС СВЫШЕ. Прямо как у Жан-Жака Руссо. Человек в естественной природной среде. Не насилует себя. такие артисты! Особенно трое прямо-таки искрени. вдохновенны даже.

ГОЛОС АВТОРА. Но Флор Флорыч все равно настороже. А когда началось, успокоился. Зачитали документацию, публикации, книги. Все не только в ажуре, но и вообще ничего себе. И дипломы, и выпускник ВЛК, и ученое звание. И рекомендации. Сколько надо, как надо. И слова, слова, слова... Насторожился Флор Флорыч, когда Азис, уже как лауреат цыганской премии имени Германо, зашевелился и проскрипел в нужный момент.

РЕКОМЕНДУЮЩИЙ, ИЗ ВЕТЕРАНОВ. Да у меня жена была школьной учительницей. Говорит, еще с седьмого класса он читал тома академика Виноградова по русскому языку... Рос в культурной, даже в нашей среде...

АЗИС (*как-то узенько, как выстрел из пистолета*). Да что мы в рай, что ль, его принимаем?

И тут же, как по сигналу.

КЛАРА (*что в поэзии*). Хорошо, все под контролем. «Карл у Клары украл кораллы».

ЛЕТКИН-ЕНКИН (*главный на железной дороге про заек и в глаза не выдавший принимаемого, а не то что читавший что-либо из его произведений*). А я хоть и заочно, а против.

ЗАВЛИТ, ОН ЖЕ ЗАВ. ИЗБОЙ-ЧИТАЛЬНЕЙ. А Карл у Клары украл, как говорится, кларнет.

ГОЛОС АВТОРА. И все захлопали, заплодировали даже. И счетная комиссия удалилась. И тут все стали обходить Флора Флорыча с сыном, как пограничный столб в зоне Осетино-грузинского конфликта. И Флор Флорыч, как Прометей на скале Эльбруса, снова почувствовал себе несвободным.

ГОЛОС СВЫШЕ. «Не прошел, – кто-то скользя мимо, сказал Флору Флорычу вроде бы невзначай. – «А чего б ты хотел в этом морганатическом браке? Насиделись бы, думаю, мы тут с вами без средств существования. Зато с Адис-Абебой на телефоне...»

Вот такой диалог огненным вихрем, как в мифе, пронесся в мозгах Флора Флорыча и создал сказочную атмосферу. И где-то загорелись торфяники, стали взрываться артиллерийские склады, падать самолеты, тонуть корабли.

ГОЛОС СВЫШЕ. «Не обобщай, не обобщай» – шепчет Флору Флорычу голос из детства – его школьного друга Александра Кузьмича Денисова – отца Дионисия, бога вина и сурьи.

ФЛОР ФЛОРИЧ. А я не обобщаю. Но уж очень хочется вспомнить про права человека. Про законные «корочки», из которых явствует, что он давным-давно профессионал. В отличие от нынешнего молодежного сектора, из которого Маклер принял кое-кого в один миг без всякого собрания и голосования, вне приема и отбора, путем набора и забора.

ГОЛОС СВЫШЕ. А что? Написать куда-нибудь?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Куда?

ГОЛОС. Да хотя бы в Адис-Абебу. В общество прав для создания среды обитания...

ФЛОР ФЛОРИЧ. Погоди. Боги все видят. А мифы пишутся на небесах.

ГОЛОС СВЫШЕ. Для чего ты все это сказал?

ГОЛОС АВТОРА. Для истории.

Картина третья

ГОЛОС АВТОРА. И сидит теперь Флор Флорыч в своем гефсиманском саду, в позе мыслителя Родена, а точнее, как Прометей на Скале. Вспоминает словотворцев всех от Пушкина до наших дней. Да хотя бы взять самого Флора Флорыча, родившегося в Воронеже, а живущего тут, в малой среде обитания. Проще говоря, тоже свободнорожденного, но потом зашифрованного, вроде под освобожденного. Но так кого-то и подмывает взяться за старенькое. Сращение граций не достояние наций – от культуры до халтуры, от образования до университета цивилизаций; такого добра у нас - сплошная стена. Боги только и помогают. Таланты и поклонники... покойники во взвешенном состоянии...

ФЛОР ФЛОРИЧ (*голосу Автора*). Не обобщай, не обобщай. Не превращай в пустыню Берлинскую стену.

СЫН. Так что? (*Спокойно и рассудительно*). Дадим им процветать в мифах о самих себе? Или пусть скорректируют себя в естественной среде обитания?

ФЛОР ФЛОРИЧ (*стараясь быть убедительным*). Да, все дело в мифах, как ни странно. Мифы – это легенды, сказания, запись естественных природных законов, самого человека. Природа и общество, природа и человечество. Если идешь против естества, не беспокойся, в конце концов, боги тебе это напомним.

СЫН. Так что они, в конце концов, – проиграют?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Поедем на дачу в свой гефсиманский сад. Я там уже это все видел в природе. Растения, словно люди, имеют четкую цель. Вон тыквенные плети. В этом году они буйны, заплели полгорода, выбрались за пределы. Слежу за одной плетью. Уже говорил тебе, кажется, про нее. Приподняв голову, усами вперед вверх и вниз, корнями в землю, плеть эта, как змея, стремится прямо перед собой в пространство. Я просунул ее голову под скамейку, и она пошла дальше. И тут куст смородины перед ней. И плеть через день закричала, завопила зеленым криком и воплем своим растительным. Ее всю прямо-таки скорчило перед кустом смородины. Таежная, сильная ягода (смородина – с корнем «мор»), она ее отторгает, не подпускает к себе. И плеть сверху как бы переломилась, изогнулась, даже перестала расти, и что теперь делать?

СЫН. И кто виноват?

ФРОЛ ФРОЛЫЧ. А повыше огорода другая плеть, но тоже тыквенная. Та пошла вверх, прошла по густой куртине серебристого ковыля. Ее цель на яблоню – яровую антоновку. А яблоня – доброе дерево. Недаром в мифе говорится: кто отведает такого яблочка, обретет вечную молодость. Значит, так, свой внутренний добротой она и протягивает к себе эту тыкву. В то же время тыква, сама выбирая, идет четко на цель...

Все у нас, сын, образуется. Золотые яблоки, золото, а это солнце, энергия, красота и высота. «Россия, вперед! И мы победим», - любил говаривать прежний Губернатор. Который как и Хрущев, мечтал построить рай в отдельно взятом регионе, как на корабле «Баунти».

А теперь попробуем расшифровать, что сказано в мифе о белом горюч-камне Алатырь – в отрывке из «Золотой цепи» Асова.

СЫН. Попробуем.

ФЛОР ФЛОРИЧ. Сперва символы. Проникаем в суть, в эхо веков. В интригу жизни из «Золотой цепи». Кипарис – дерево смерти.

СЫН. Пушкин назвал дерево смерти «Анчар».

ФЛОР ФЛОРИЧ. А Береза на горе Березань – дерево поэзии. Я уже говорил тебе, что я родился в День русской березы. Значит, запрограммирован на поэта... Интересен Солнечный Дуб – вверх корнями, вниз ветвями... что бы это значило? Как ты думаешь? И тянется он к Солнцу всеми своими двенадцатью корнями, а про ветки вниз - толком не сказано ничего. Двенадцать корней у Дуба – двенадцать апостолов у Христа, двенадцать членов Политбюро... Дуб у Тургенева в Спасском-Лутовиново захирел. Видал, какой могучий Дуб в Орле у нас, в горсаду?

СЫН. А Яблоня с молодильными яблоками на Алатыр-горе? Что она означает, по-твоему?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Силу молодости, молодость силы в золотой цепи... Я тебе что про ладан скажу? Это – сто рож, их ладонь? Ля – дон (ь)? Дон – воды, река - это Днепр, Днестр, Дунай... Это вода, это добро для яблони. Напоминание, что яблоня любит воду, ей испить надо водицы хотя бы с ладони...

Появляется Маклер, проходит в свой кабинет.

СЫН (*раздумчиво*). Ну, и каковы итоги мифа про гору Алатырь?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Про Алатырь-то? Белый он камень-то, хоть и горюч. Молодой, еще опыту надо поднабраться... И это называется метод индукции и дедукции... Победят, конечно, молодильные яблоки, потому что они золотые. А золото – это Солнце, солнечный луч, металл, полный силы, энергии. Даже «царская водка» его не берет...

СЫН. А что «царская водка» тоже арабский напиток?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Адская смесь: две трети соляной кислоты, одна треть – серной... Жарче коктейля Молотова... Маклер знает это лучше меня.

СЫН. Почему?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Когда-нибудь скажу. Дай-ка я лучше на что-нибудь посветлее разговор переведу.

СЫН. На Андрея Белого?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Не обязательно. Но на хорошие стихи.

МАКЛЕР (*возвращаясь из кабинета и слыша их разговор*). И чьих же? Из кого-нибудь наших?

ФЛОР ФЛОРИЧ. Из Бунина. Тоже орловец, но, как и я, единственно кто родился в Воронеже. А потом годы провел...

СЫН. В Грассе, отец, в глубоком Провансе. И репрессиям не подвергался.

ФЛОР ФЛОРИЧ. А если бы из Франции в Россию по зову...

МАКЛЕР Твардовского.

СЫН. Нет, по зову другого главного редактора «Нового мира»... Константина Симонова...

ФЛОР ФЛОРИЧ. А если бы вернулся сюда в Россию... Вот, как мы, с тобой терпим весь этот клубок...

СЫН. Читай из Бунина. Мы слушаем.

ГОЛОС АВТОРА.

Бунин, Иван Алесеевич – прозаик, поэт, драм не писал. И это его стихи в моей книге «Орловская лира» («Звезды Орла»).

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и донныне
Снега хранят мой одинокий след.
На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.
И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радуется привет!
На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полуденный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.
СЫН (*вдохновенно*).

Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она?
Все благо. Бдения и сна
Приходит час определенный
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ГОЛОС АВТОРА. Вот Пушкин! Все в нем есть. И даже редкая «денница» мелькнула в образе его. А именно, в романе «Евгений Онегин». Мы слышим, как в одноименной опере Чайковского поет Владимир Ленский в своей последней арии.

СЫН (*продолжая*).

Блеснет ли утра луч денницы,
И заиграет ясный день,
А я, быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень.
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета.
Забудет мир меня...

АВТОР. Хотел я поставить точку. Но современность стучится в дверь. НТВ, как примочку, наложило на ухо звук. Покидая пост Губернатора Санкт-Петербурга после восьми лет сидения Валентина Матвиенко сказала, предчувствуя, что скажет она - свое золотое слово, смешанное с моими словами.

ЭТО МОЕ. Весь мир на постулате старом,

Который стоит пережить.

А ЭТО В.МАТВИЕНКО. «Сочувствие дается даром,

А зависть надо заслужить».

23 августа 2011 г.,
Малоархангельск.

ВЕЛЕС В БЕРЕНДЕЕВОМ ЦАРСТВЕ (Иносказание про войну и мир)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мифические образы.

БОГ ВЕЛЕС – один из самых почитаемых на Руси, приобщил людей к вере, научил людей земледелию, выращивать хлеба.

ЯРИЛА – его сын.

СВИТА ВЕЛЕСА - из царских родов амуров, альвов, друидов, берендеев, венедов, а также сваны, вейнахи, половцы, литовцы.

БОГУМИР И ЕГО ПОТОМКИ - от дочерей и духов Большой Медведицы, детей Велеса – Анта Велесича и Прии Богумириновы.

СВИТА ЯРИЛЫ, ЛЕСОВИКА.

СВЯТООБРАЗ, состоящий из лесных жителей (леших), болотных кикимор, шишиг, духов растений, ветерков.

Боги на переходе к людям.

НАШИ СОВРЕМЕННОКИ.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ – шести-девяти лет, племянник Главного Лесничего.

ГОРОХОВ – главный лесничий.

МУРАШ – благородный разбойник, лесной хозяин урочища Мурашиха.

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ – на кордоне в этом урочище.

БЕРЕГИНЯ – женщина, живущая на Мурашихинском кордоне.

ГЕНЕРАЛ РОКОССОВСКИЙ – Командующий Центрального фронта.

ТЕНИ МАЙОРА ЛИСУНОВА, КАПИТАНА ЕВДОКИМОВ – героев войны.

ТЕНИ ВАЛИ ЧУХАРКИНА – скульптора, СЕРЕЖИ ПИСКУНОВА – литератора, новеллиста.

ДЕДУШКА ГЕРАСИМ – отец трех сынов, погибших на войне.

Жители Малого города.

Лесные, речные и домашние духи, потомки тех племен, что жили еще когда на тех же пространствах.

* * *

«В свите Бога Велеса и его сына Ярилы находится великое множество мифических лесных, речных, болотных, даже домашних жителей. Это наши люди еще с ведических времен, населявшие землю. Рождены они были когда-то вместе с животным миром, жили в природе. С веками племена, случаи с ними, их были в лесу, на реке, при какой-либо болотине превратились в былины, сказания, мифы. Так, многие древние русалки и берегини, – это внуки и дети Алины Святогоровны и Ильмара (Ильма Морского), это древние роды муров, ольвов, ныне их зовут гномами, эльфами, друидами.

К свите Велеса и Ярила, согласно ведической традиции, принадлежали берендеи, венеды, а также сваны, вайнахи, половцы, литовцы, которые с древности почитали своими предками полуволков, полумедведей. Богу Велесу и его сыну Яриле, хозяину леса Святобору подчинялся целый набор таинственных существ: лешие, кикиморы, шишиги, духи растений, шелест лесных ветерков.

Лесовик живет в лесной чаще. Он умеет стать оборотнем, является то в виде дряхлого старика, то либо дерева, медведя. Иногда он кричит на весь лес, пугает людей. Леший-волчий и медвежий пастух, он охраняет лесных зверей. Прознав, в какой чаще живет леший, люди обходят его стороной, считают ту рощу заповедной, посвященной богу Стрибогу.

Дети лешего и кикиморы часто шалят, сбивают путника с дороги, обвивают его паутиной, шумят палой листвой. Кричат, ауют, передразнивают людей, громко кричащих в лесу. В лесной чаще, в заповедных местах у каждого дерева и куста свой дух, свои легенды. Водяной дедушка окутан тиной, у него большая зеленая борода и усы. Женские духи вод - русалки, берегини. Берегини оберегают людей, служат им оберегом, предсказывая будущее, спасая малых детей, упавших в воду.

Большой праздник в календаре – Иван Купала. В ночь на Ивана Купалу люди веселятся, водят хороводы в лесу, вместе с русалками, Купавой и Костромой, утонувшими прежде в реке. Хмыри и злыдни пристают к человеку, даже вселяются в него,

если он, особенно на старости лет, не несет людям добра». (Из книги «Златая цепь»).

«И тогда впервые поставили славяне мольбище во граде Киве. И около него поселились в лесах дубовых. И там лесовики на ветвях дубовых качаться начали, и бороды у них хмелем поросли, и волосы были в травах». (Из «Велесовой книги»).

Картина первая

ГОЛОС АВТОРА.

Действие происходит под Малым городом, перед самой войной, в лесном урочище Мурашиха. Сюда, на кордон, приезжает к леснику Тетереву мальчик Леня лет шести, племянник Горохова – Главного Лесничего. На все лето поселяется Мальчик в Берендеевом царстве – на большом лесном острове во широкой степи.

На лесной поляне – деревянная изба. У кордона двое: городской мальчик Леня и лесник Тетерев. Лесник косит траву на поляне, Мальчик ходит следом за ним по пятам.

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Ближко не подходи, особо сзади. Ведь коса в руках у меня, а она вострая, вострая.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Научи косить меня, дедушка. Я буду тебе помогать.

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Скажи отцу, пусть купит тебе малую косу. Я буду ее точить, молотком отбивать, чтоб и твоя коса была вострая. Чтобы она так и сверкала, ныряла в траве, а травка бы так и ложилась рядочком. За рядочком рядочек...

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ (*строго*). У меня нет отца.

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ (*приостанавливаясь*). А где же он?

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Мамка плачет часто, не говорит. Но дядя – мамкин брат – сказал мне на ушко, что он где-то на Севере. А что это такое – Соловки?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Помалкивай, а то леший язык откусит. Или русалка в бурчаге утопит.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. А почему лес называется Мурашихой?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Разбойник был тут такой – благородный, он тут когда-то жил и скрывался.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. И куда же он делся?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Куда? Да отправили на Соловки.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Нет, мой дядя Горохов говорит, что мой папа – хороший.

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ (*продолжая косить, из любопытства*). А что он – сказал что-то не то?

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Не то слово сказал. Пословицу такую: «Дурак красненькому рад».

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ (*приостановясь и начиная точить косу*). Ты вот что – белены, что ль, объелся? Как твой папа. Повторяешь. Один тут у нас тоже объелся... грибов – поганок... Видишь, красные шляпки в белых пятнах? Мухоморы. Так вот, наелся тот мужик мухоморов и на этот столб полез... Зачем, говоришь, этот столб? Да корову к нему привязывать, когда доишь... Ну вот, полез мужик на столб-то, едва сняли... Гляди, ты не наешься грибов тут... поганок...

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. А сам-то ты кем был раньше, когда не был лесником?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ (*доставая из кармана кусок хлеба и протягивая ему – товарищу своему по лесному житью*). Это я корове Мане приберег, чтобы легче молоко отдавала... Повесили тебя мне на шею, чем я тебя тут буду кормить?

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Хлебом с молоком. Грибы тут и ягоды есть, лесные яблоки... Мамка говорит, картошки у Горохова тут полный погреб, осталась еще прошлогодняя...

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Дошлый какой.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Кто?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Да Горохов твой – Главный Лесничий. Не ты же, ты еще маленький, как пупок. Гляди, пузо голое... Больно охоч до сурьезных разговоров. Не дорос до них еще.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. А вот и дорос. Вот ты, Тетерев, был солдатом. А кашу из топора умеешь варить?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Зачем нам из топора варить? У нас и крупа имеется.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Какая, Тетерев?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Гречневая и пшенная.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Пшенная каша не бывает, бывает каша из проса.

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Много знаешь – скоро состаришься... Слышишь, кто-то в лесу кричит? Это леший. Нас с тобой в дом прогоняет, чтобы мы пошли и кашу стали варить на обед. Или хлебать щи будем утрешние? Я и яиц туда накрошил... петушиных...

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Петушиными яйца не бывают. Мамка говорит, от петухов, как от козла молока... Ну, и где ты служил солдатом, дядя лесник?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Еще до революции, до первой мировой войны... В Виннице, вот где!

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. В самой, самой Виннице? А меня привезли сюда из Воронежа.

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Так вот, слушай, коли спросил. Служил я в Виннице! Но где, у кого под началом? В полку, каким командировал Великий Князь – родной брат самого царя, понял?

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Понял, понял. Как интересно.

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. У меня на крышке рундучка изнутри бумажный портрет царя был наклеен.. Ну, а этот – что Великий Князь? Хулиган был, протчаянный рубака. Рубаха-парень. Бывало, выведет полк в субботу – на главный «прешпект». Дамочки, дворяночки все в белом идут, под белыми зонтиками. Под ручку с кавалерами. А наш командир полка идет сбоку нас и рукой наотмашку вниз-вверх: «Ать – два, ать – два! Запевай!.. Во всю глотку»... И наклоняется к нам, чуть потише: «И с картинками!.. Да покруче, покруче! С ветерком! С матерком! Чтобы всех прошибало».

Ну, и мы как рванем:

– Иех, ходила дивчина!

Бережком, бережком.

Бэ такая, бэ сякая!

Иэх, красотка, молодая, милая.

Какая справная, кобыла рыжая,

Эх да, игривая!

Эх, да ножками, веселыми ножками!

Бери хоть ложками...

А командир сбоку нас:
– Круче, еще круче, ребята!
Левая!.. Левая!.. Левая!..

А дворяночки под зонтиками кто куда. Давай уши затыкать, глазенки закатывать, падать в обморок, на руки своим кавалерам. Да деру с «прешпекту»...

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ (*смеясь*). Вот молодцы! Вот какие солдаты!.. Ну, а дальше?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Дальше-то? Царь узнал да и говорит своему брательнику – Великому Князю: «Ты у меня тут империю всю развалишь». Взял и перевел его в Орел.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Кем, солдатом?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Тоже командиром полка, но только пешотного, а то был гвардейский. Гвардию, стало быть, царь маленько почистил.. Ну, малец, пошли кашу варить.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ (*весело*). Из топора?

ЛЕСНИК ТЕТЕРЕВ. Гречки бросим в кастрюлю и подольем молочка.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ (*аж запрыгав от радости*). И грибов положим, и грибочков!

Лесник Тетерев приостановился, повернулся к ореховой глухомани.

Слышишь? Филин ухает, леший орет: не разрешает. Грибы в другой раз, с картошкой вместе.

Ать, два ... Левая!

Ать, два ... Левая!

Круче, еще круче!

Красотка милая...

* * *

ГОЛОС АВТОРА. Вот так и жил мальчик Лене на лесном кордоне, торчащем, как бельмо в глазу, во зеленом дубовом урочище. Половину лета провел мальчика с лесником Тетеревым в Мурашихе.

ГОЛОС АВТОРА. И тут грянула, будь она неладна, война! И началась она, как известно всем, в воскресенье. Дядя Гаврюша – материн брат, Главный Лесничий, недавно вернулся с

белофинской, едва рука поджила после ранения, как, нате вам, снова идти на войну.

Утром проснулся мальчик Леня, за ночь весь какой-то измученный. Глянула мамка, а там у него в постели авария! Сроду чего не бывало. «Ну вот, – отвернулась она к стене. – Вот и выспал... что-то нехоршее ...»

А ровно в двенадцать выступил по радио Молотов, все так и ахнули: война! Дядя Гаврюша тут же начал опять собираться – запас первой категории. А нас с моей двоюродной Лидой, с его дочкой, послали за пивом на Косом углу. А в пивной там, с мокрым бетонным полом и с пенящимися большими пивными кружками в руках, уже гужевались мужики.

Защитники отечества.

Завтра идти.

Опять туда.

«Уходили комсомольцы на германскую войну».

* * *

МАМКА МАЛЬЧИКА. Позвать на проводы лесника Тетерева с кордона? Лида пусть сбегает. Ноги молодые, туда – сюда мигмом...

Вернулась Лида и, запыхавшись, сказала:

– Нет уже Тетерева, забрали.

Брат мамкин, дядя Гаврюша, Главный Лесничий так и сел на табурет.

– Да когда ж успели?

ЛИДА – СЕСТРИЦА МОЯ. На Север, говорят, и его отправили. Лес пилить.

ДЯДЯ ГАВРЮША (*насторожась*). За что?

ЛИДА. Про царя, говорят, где-то что-то сказал. А главное, за пословицу... «Дурак красненькому рад»...

ДЯДЯ ГАВРЮША (*вздыхнув*). За язык, стало быть.

ГОЛОС АВТОРА. И пошел собираться он на войну. А что на войну нам собираться – только подпоясаться.

Мамка мальчика Лени обняла брата: дорогой наш, хороший! Побудь еще, не пора...

«Пора!» С тем и ушел навсегда.

Картина вторая

ГОЛОС АВТОРА. Так человек и ушел в легенду. И еще два брата у моего дедушки Герасима Макарыча тоже ушли навсегда уже в сорок первом году – на главном, московском направлении. Вышли за порог дома, чтобы никогда не вернуться.

Явление первое

Там же, в Малом городе, те же. Но без Гавриила Герасимовича - брата мамкиного, старшего сына моего дедушки. Дедушка так и стоит в глазах замерев, перекрестив сыну след.

ГОЛОС СВЫШЕ. Боги! За что вы покинули нас? Страшно на божьем свете, ушли на фронт мужики, в семьях остались одни только женщины, дети да старики, а в город вот-вот войдет враг. Описать такой страх невозможно, до сих пор невозможно вообразить, как тогда это было. Едва начало октября, а они уже тут, в Малом городе, в сердце России.

Почему-то «соломенные» машины – уже на зиму укрыты соломенными матрацами. В дом входят чужие солдаты – почему-то по-двое, с пулеметом на правом плече. Как какие лешие, шишиги какие-то – в чужой, какой-то болотной форме, с чужими, какими-то остекленевшими глазами.

И почему-то их некому остановить. «Матка». «Панинка». «Млеко». «Яйки». «Рус золдатен». И я у коленки матери. и все мы белые, как полотно. Вий смотрит из черной печки. Русская печь смотрит в черную ночь.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ (*вздыхнув тяжело, рассказывает как бы самому себе*). Самым трудным было лето 42-го. А началось все с Первого Мая! Праздник у нас и у них. Почему? Мы со своим другом Вовкой Ефремовым лежим на травке в саду у Христоповых, а откуда-то с неба, от базарной площади, несутся громовые звуки маршей, чужой металлический голос тщательно выговаривает слова. Это они – немцы. Говорят о своих победах на фронте и о поражениях Красной Армии.

Вовка старше меня на два года. И родился он (совпадает так) в день начала войны. Его отец тоже где-то на фронте, старший брат тоже где-то воюет.

Вовка говорит мне:

– А все-таки наши придут.

Я говорю ему тут же:

– Конечно, наши придут.

Вера такая могучая у нас, мальчиков. Сила такая великая в наших душах. Голоса с базара уже не слышать, земля под нами, наша земля. Слышатся чьи-то шаги, наши шаги, отдаленные шаги нашей армии, наших отцов. Оттуда, из-за Колпны, сюда к нам, в сад Христоповский, где лежим мы с Вовкой на свежей, зеленой, майской траве!

* * *

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Мы с моим дедушкой заходим в аптеку. К нам подходит пожилой немецкий солдат. Отводит нас в сторону.

НЕМЕЦКИЙ СОЛДАТ (*озираясь*). Гросс фатер! Сталинград... (*И шепотом*). Гитлер капут... Гитлер капут...

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. А завтра мы с Вовкой видим грузовые машины с арестованными немецкими солдатами, их везут на Беленькое, в Мурашиху, в лесное Приволье... Оттуда они уже не вернуться... Машина, укрытая соломой, работает четко...

* * *

ГОЛОС АВТОРА. Наши пришли в феврале. Уходя, гестаповцы сказали нам с дедушкой: «Мы сделаем вам свой Сталинград».

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Нас освобождали сибиряки. Они пришли из-под Сталинграда. И откуда у наших взялось что? Наши в новеньких полушубках и шапках-ушанках, с автоматами «ППШ». С круглыми дисками, а не, как у немцев, с рожковыми. Это было 23 февраля – в День Красной Армии.

А летом уже 43-го они готовили нам свой «Сталинград». Прямо какое-то столпотворенье, кино. Малый фронтовой городок. То немцы тут были, то наши пришли. То власовцы, то штраф-

ники. Самолеты, танки. Сотни, тысячи людей перед глазами... И постоянный гул где-то за горизонтом в сторону станции, Поньрей, Глазуновки, Сабуровского поля... Мы знали, это идет война. И было страшно.

МАЙОР ЛИСУНОВ – НАШ ЗНАКОМЫЙ. НАШ ДРУГ. Ребята, не бойтесь! Город мы не сдадим!

КАПИТАН ЕВДОКИМОВ – ДРУГ МАЙОРА И НАШ ДРУГ. Не бойтесь, русские люди! Пока мы живы, будем стоять насмерть.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Мамка моя поднимала иголкой им ворот. Сестра моя подшивала белые воротнички.

МАМКА. Чего это вы выряжаетесь, как на танцы?

МАЙОР ЛИСУНОВ. Хозяин будет.

КАПИТАН ЕВДОКИМОВ. Хозяин – герой Сталинграда.

МАЛЬЧИК ЛЕНЯ. Вскоре мы с Вовкой узнали, что майор Лисунов погиб в атаке на Сабуровском поле. А тело капитана Евдокимова вместе с другими привезли из-под станции Малоархангельск. Погибших хоронили в центре Малого города, которого они не сдали врагу. И мы стояли там, видели стихийный этот, самый первый салют из всех видов оружия. А я, увидев во дворе старого школы самого Рокоссовского, напишу об этом такие стихи.

Китель Рокоссовского

После Сабурово – фронта Хозяин
В Малоархангельск нагрянул.
Был я мальчишкой, рот свой раззявил,
Не оторвался, как глянул!
Был он высок и красив, в сапогах,
В кителе, сшитом Филиппом.
Был тут такой у нас – Лаушкин, маг,
Специалист по клипам.
В кино хоть полководца снимай –
Вылитого артиста.
Дань Рокоссовский фигуре отдай.

Видел, стоял очень близко.
Мы, пацаны, сквозь оцепление
Как-то пробрались. В кругу
Трость проявляла особое рвенье.
По сапогу, по сапогу!
Алый околыш, белые лица, –
Мог бы любого в окоп!
Я же на китель не мог надивиться,
Ажник он треснул под мышкой.
Сроду не видел, это уже слишком
У генералов трескалось чтоб.
В кителе, сшитом Филиппом,
Встал Рокоссовский у школы старой.
Бил Рокоссовский по липам,
Сразу по всем кошмарам.
Я бы напротив – музею
Отдал те клипы следом,
А тут бы у школы поставил Расею
В кителе, сшитом соседом.
Я бы поставил памятник тут,
Сделанный фронтовиком.
Тоже сосед мой!
Годы идут,
Не успокоюсь на том!

* * *

Все говорят, мир из идей.
Крутится шарик, неистов.
«Филипп» с латыни – любящий лошадей,
А Рокоссовский когда-то был кавалеристом.

Явление второе

Размышления, как всегда бывает, после войны.

ГОЛОС СВЫШЕ. Что-то с войной и миром не то. «Большое
видится на расстоянии». Лев Николаевич Толстой в своей эпо-

пее «Война и мир» глядел на 1812 год от последней трети своего века...

Поехал я в Курск и что вижу? Триумфальная арка на Север – к Орлу (битва на Орловско-Курской дуге), но памятник Жукову, а не Рокоссовскому. Почему?

Ведь Центральный фронт был ближе к Москве. А Малый род был «кровавым месивом», плацдармом, где проявился военный гений Рокоссовского в третьей по значению битве в той войне. Именно тут началась, заметим, даже не Отечественная, а народная война. Хотя уже на другой день на Белорусском вокзале запели, проявляя себя:

Пусть ярость благородная

Вскипает, как волна.

Идет война народная,

Священная война.

АВТОР. Есть у меня на этот счет свои мысли. Но об этом, как говорится, в четвертом томе.

ГОЛОС СВЫШЕ. Приехал из Белгорода ко мне сюда мой друг закадычный, еще школьный товарищ – полковник в отставке Мозжухин.

– Ну и как, – говорю, – там у вас? Стоит в центре города Памятник солдатам, работы тоже моего друга еще с молодости, скульптора Валентина Чухаркина?

– Клыкова стоит, – говорит он, – на Прохоровском поле. Ме-мо-риал!

По телевизору слышу: Прохоровка – величайшее танковое сражение. Отвечаю:

– Да, величайшее. Но почему «И это все о нем?» А «кровавое месиво», а Центральный фронт, а Рокоссовский? Разберемся, время покажет. И тоже, как говорится, в четвертом томе.

ГОЛОС СВЫШЕ. Стратегия военачальника – одно, стратегия вождя – другое. В Александре Македонском, в Наполеоне они слиты в одно, а тут?

ГОЛОС АВТОРА. Не обобщай, не обобщай.

ГОЛОС МАЛЬЧИКА ЛЕНИ, ИЗ ДЕТСТВА. Но уж очень что-то хочется обобщить! Сказать правду, выразить истину, как я ее

понимаю. Для детей хотя бы, которые ныне и которые будут.

ГОЛОС АВТОРА (*с улыбкой*). Хорошая мысль приходит опосля.

* * *

И музыка, музыка. Слова какие, каков голос Леонида Утесова!

С берез, не слышен, невесом,

Слетает желтый лист.

Далекий вальс «Осенний сон»

Играет гармонист...

В лесу прифронтном...

И вижу, и слышу, и чувствую. И до войны еще, и потом. Моя Мурашиха, моя дубовая роща, Приволье, товарищи мои... Саратовцы, Вавилов Николай Иванович, Рокоссовский, майор Лисунов, капитан Евдокимов...

Слышите, ребята, други мои? Как шумит лес?

Фронтной городок

Малый Архангельск, Малоархангельск –

Мал золотник, да дорог.

Дорого стоил нам Малоархангельск,

Наш героический город!

Как и Козельск, один к одному,

Чтит Мурашихинский лес

Малоархангельск, слава ему!

Высшая почесть с небес!

Картина третья

Сидим с сыном в своем гефсиманском саду и пишем. Он – свое, я – свое, сливаясь в одно то на огороде, то в самом саду, под яблонями с золотыми молодильными яблоками. Каждое утро, едва забрезжит рассвет, бегу я туда, на огород. К своим «людям». Как Дерсу Узала. И Кот Васька следом за мной. Огородник.

Я в деревне живу.
Я – Дерсу Узала.
Для меня все растения – люди...
Как какой Президент я.
У меня их права.
Ни за что никогда не нарушу.

Тыква тянется плетью своей к скамейке под яблонью. Умная тыква. Другая тыква тянется к другой яблоне – мудрая тыква. Воробьи пьют воду из бочки – шустрые воробьи. Почему же где-то люди уж и не люди, что ли? «Что наша жизнь – игра! Добро и зло – одни мечты».

А царицей всему
Куртагу моему
Дорогая, родная картошка.
Без нее, я к тому,
Нет улыбки в дому,
Сирота на столешнице ложка.

Завтра нам делать свое дело святое, извечное: копать на огороде картошку. Соседи вчера уже скосили ботву.

ЭПИЛОГ

ОТ АВТОРА.

И снова переходим к мифам. К глубине и высоте духа, к божественной энергии, которая, как говорится, пронзает века.

Бог Луны и Огня, огненных жертвоприношений и домашнего очага Сварожич ночью стоит в небесах, на страже покоя. Со своим огненным мечом, не пуская в мир зло.

Он так отвечает богине ночи Купальнице, когда та зовет его к Ра-реке, на любовные игры:

Мне всю ночь до рассвета
Нужно не спать,
В небесах мне на страже
Нужно стоять.

АВТОР (*перемежая запись из «Золотой цепи» словами известной песни*).

Не видать им красавицы Волги
И не пить им из Волги воды.
Красавица народная,
Как море, полноводная.

* * *

И далее из той же «Златой цепи».

«Лишь раз в году в День Осеннего Равноденствия Сварожич покидает свой пост, откликаясь на зов Купальницы. И тогда, ночь становится длиннее дня, и черным облаком в мир проникает зло».

«По преданию, когда-то в день Купалы к Ра-реке прилетела птица смерти Сирин. Она пела свои обольстительные песни, говорила слова обольщения и каждый, кто слушал ее, забывал обо всем на свете, уходя за птицей Сирином в царство смерти».

В ночь на Ивана Купалу в лесу распускается алый цветок. Женихи ищут его, а невесты пускают венки по реке. К кому приплывут они, те и суженые. И плывут венки по Ра-реке, по течению, навстречу Деннице, блеснувшей в чистом поле, навстречу дню под главным Богом Земли и Неба, Воды и Огня – Солнцем. Оно всегда круглолико, оно дает людям слова на три «с»: свет, совесть, счастье». Ими каждый проникается с детства. (Из книги «Златая цепь» - книги Времен и Пространств).

ТЯГА ЗЕМНАЯ (былина – мелодрама)

Всевышний наделил Святогора такой силой, что тот не мог сходить со Святых гор, не держала его мать сыра Земля. Узнал про такую силушку Святогора бог Перун, решил ее испытать. Вызывает Перун на бой Святогора. А тот ему и говорит:

– Не осилишь ты мою силу – силушку. Мне сама мать Земля ту силу дает.

И поехали они вместе уже побратимами. А тут путник навстречу. Через плечо у него сумка-сумочка переметная. Оклик-

нули они его, спросили: «Что у тебя сумочке-то наложено, что несешь?»

Положил прохожий наземь ту самую сумочку да и говорит:

– А ну, подымите-ка ее, тогда и узнаете.

Попробовал Перун, но даже приподнять не смог, из сил тут же выбился. Попробовал богатырь Святогор. Оторвал он сумочку ту от земли, а сам в землю угрыз.

И сказал Святогор путнику:

– Что же в сумке твоей такое имеется, что даже я ее приподнять не могу?

И ответил Святогору прохожий:

– В сумочке этой тяга земная.

И тогда Перун со Святогором спросили прохожего:

– Кто же ты будешь сам-то?

– Велес я, – ответил прохожий. – Бог, почитаемый Русью. Вот оно мое все это – поле широкое, Русское поле! Я помог людям вспахать его, теперь оно мне Разум божеский, совесть, силу дает. А придет время, и станет ратным поле, кровь прольем мы за Русскую землю.

* * *

И XX-й век. Более двух тысяч верст отступали мы от границы. А тут встали, уперлись и ни шагу назад, почему?

И Велес, научивший Русь землю пахать, землешеству, хлеборобству, ответил:

– Видишь? Все тут наше. Вот оно – поле широкое, Русское поле.

С этих мест, под Малым городом, где по всей округе везде бог Велес, и пошло, покатило войну назад.

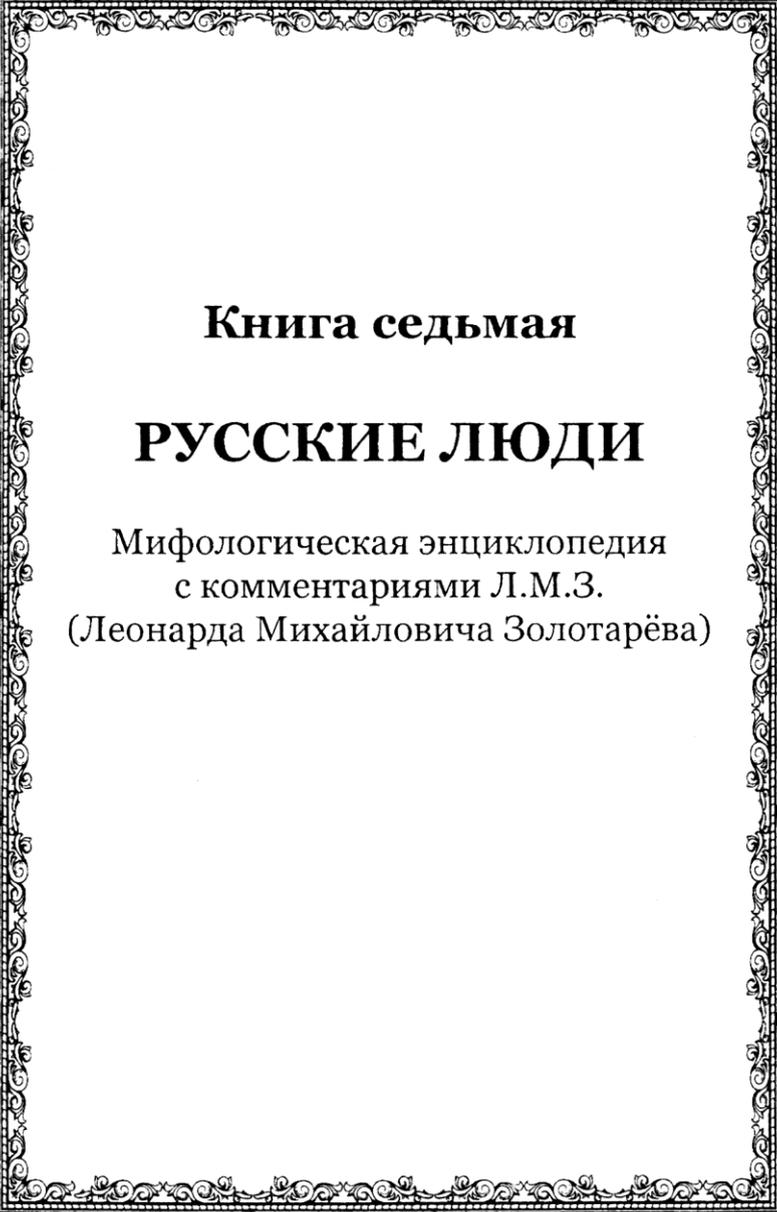
Жарким летом 43-го, на Центральном фронте битвы на Орловско-Курской дуге, за дубину народ взялся, простой русский мужик. За ту самую сумочку, что не могли поднять до того ни главный бог Перун, ни богатырь Святогор. А Велес-то поднял ее, ту самую сумочку, с ее тягой земной. Потому что он как бог в мужике, мужик в боге. Он – Велес, Русь его почитает. С того Отечественная война и стала народной. А народ победить невозможно.

Смекаете, дети и взрослые. о чем это я говорю?

Вот такое Слово! Золотое Слово! Звено такое в «Златой цепи» из «Страны Велесовых чудес». Без такого золота никаких чудес не бывает.

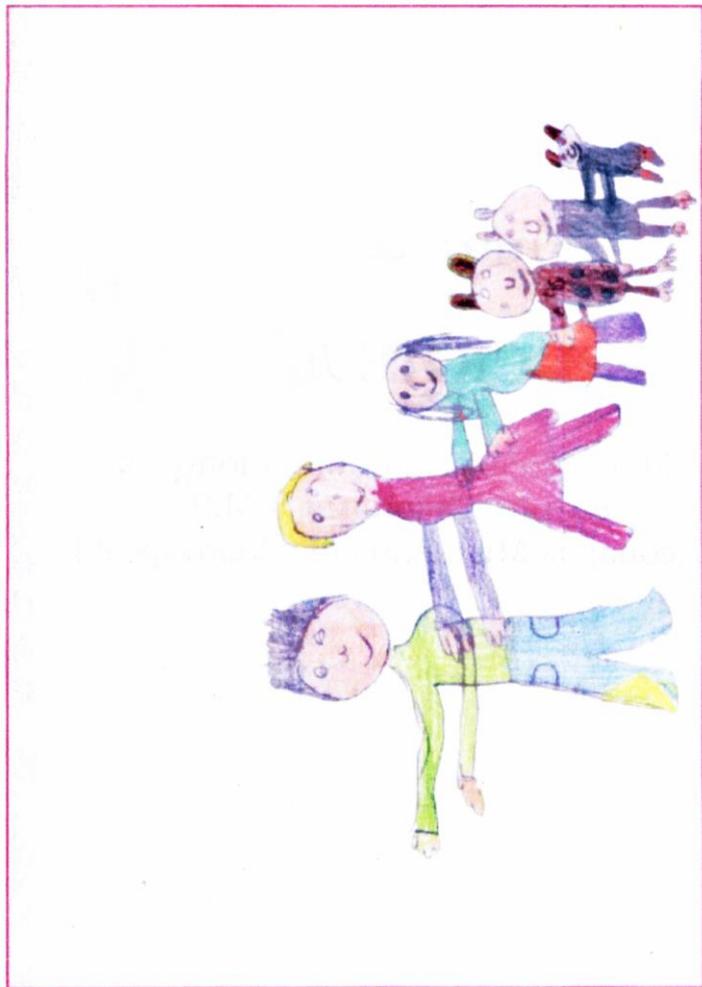
Август 2011 г.,
г. Малоархангельск

Книга седьмая

РУССКИЕ ЛЮДИ

Мифологическая энциклопедия
с комментариями Л.М.З.
(Леонарда Михайловича Золотарёва)

А это я. И это все мои друзья

И. О.Н. ЛОССКИЙ. «Симфоническая личность»

Пытаясь дать характеристику русских людей, приходится говорить, конечно, об общих свойствах, которые встречаются у русских людей. Не следует думать, что общие свойства принадлежат только русскому человеку. В жизни каждого народа воплощены пары противоположностей, но их особенно много среди русских людей. Задача состоит в том, чтобы найти такое основное свойство, из которого вытекают два противоположных свойства. В таком случае отрицательное свойство есть как бы обратная сторона медали, у которой лицевая сторона положительная.

От автора (Л.М.З.). Такие пары: Пушкин – Лермонтов, Толстой – Достоевский, Ахматова – Цветаева и др.

В своих заметках я имею в виду душу отдельных русских людей как первоосновы, а не душу русской нации как целого, или душу России как государства. Каждое общественное целое, нация, государство есть личность высшего порядка. Философ и историк Л.П.Карсавин называет такое существо «симфонической личностью». Характер такой души общественного целого может глубоко отличаться от характера людей, входящих в него. Древние римляне хорошо знали это и говорили: «Сенаторы – добрые люди, да сенат – злая bestия».

Вера. Религиозность русского народа

Глубокая черта русского народа есть религиозность, то есть Вера (см. Л.М.З.), и связанное с этим искажение абсолютного добра. Люди свободны от эгоизма и потому творят абсолютные ценности: нравственное добро., красоту, познание истины, блага, служащие всему миру.

В душе человека есть сила, влекущая к добру и осуждающая зло, эта сила – голос совести. (См. Л.М.З.). Совесть – от слова

весть, ведать, веды – знать, быть связанным со знанием Абсолюта, то есть божественного начала.

Религия и философия всех народов задолго до христианства установила, что человек и все мировое бытие сознательно или бессознательно влечется ввысь, к абсолютному совершенству, к Богу. Различие между людьми и народами состоит в том, в какой форме и в какой степени осуществляется у них это стремление вверх, при этом под какие соблазны они поддаются.

У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать формальной религиозностью, а именно, страстное, фанатическое стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле, но без Бога (см. Л.М.З.). Моральный кодекс строителя коммунизма из христианских заповедей, сам коммунизм – от идеи рая, культ личности, вождей – от Христа и его апостолов и др.

Профессор Сорбонны Жюль Легра написал книгу «Русская любовь» (1934). В ней он говорит о свободе русских ходить в церковь, о том, что русские наименее дисциплинированный народ в Европе, но народ этот отличается смутным влечением к высшему и, по-своему, более мистичен, чем народ Франции. (См. Л.М.З.). Для меня лично примером истинной религиозности русского человека является св. Серафим Саровский.

Надежда. Способность к высшим формам опыта.

В русском народе высоко развит нравственный опыт. Русская литература, начиная с Пушкина и Лермонтова, Толстого и Достоевского, чутко подмечает примеси зла к добру. К числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит чуткое восприятие душевных состояний, возникающих в живом общении даже мало знакомых друг с другом людей. Русский человек переживает мир, исходя не из «я» и не из «ты», а из «мы». Среди русских легко завязываются знакомства. Через час, кажется, что они были знакомы чуть ли не целую жизнь. (См. Л.М.З.). Например, в поезде. Привычка изливать душу совершенно незнакомому человеку.

Мережковский и Зинаида Гиппиус в журнале «Новый путь» рассказали о том, что летом под Москвой у озера «Светлый Яр», связанного с легендой о граде Китеже, собирались православные паломники, обсуждая серьезные религиозные и философские вопросы. Интеллектуальная интуиция имеет ввиду идеальные основы мира, разумея под этим античного философа Платона. В русской культуре искание абсолютного добра, смысла жизни выразилось в религиозных взглядах, основу которых в славянофильстве положили Киреевский и Хомяков. Их дело продолжил философ Вл. Соловьев, за ним князя Сергей и Евгений Трубецкие, о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков, Бердяев, Эрн, О.Н. Лосский, С.А. Алексеев (Аскольдов), С.Л. Франк, Вячеслав Зеньковский, о. Георгия Флоровской, И.А. Ильин и др.

Имея ввиду высокую способность к философии, проявленную мыслителями, приходится удивляться, отчего развитие философии началось в России так поздно, только в XIX веке. Об этом скажут историки. Я же скажу, что, вероятно, в течение многих веков искания абсолютного добра и смысла жизни русских народ удовлетворял в православном богослужении, в обстановке православного храма с его иконами и песнопеньями. Характер истины выражается в конкретной форме, то есть в форме полнокровной жизни, выражаемой в искусстве, литературе больше, в чем в отвлеченной форме, то есть в философии. Отсюда рождается мысль о том, что русские люди в литературе и искусстве, в познании мира продвинулись в XIX веке глубже, чем в философии.

Споры западников со славянофилами продолжаются и поныне.

Все перечисленные выше формы высшего опыта русского народа, связанные с исканием абсолютного добра, смысла жизни, в конечном счете, посвящены развитию духовной жизни. (См. Л.М.З.). Как источнику Надежды русского человека на лучшее будущее. Примером этому, на мой взгляд, может служить имя такого русского ученого, как академик Вернадский.

Любовь. Чувство и воля

К числу первичных основных свойств русского народа принадлежат могучая сила воли. Отсюда страсть, при этом страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше ценность, тем сильнее чувства, отсюда страстность русских людей, особенно в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм, фанатическая нетерпимость – проявления этой страстности. Пример. В религиозной – старообрядчество (Мусорский, опера «Хованщина»); Розанов, книга «Темный лик»), в политической – Смутное время (угроза Польши и Швеции). Факты. С.М. Соловьев. «История России» (т. 8, гл. 7) рассказывает об осаде Сигизмундом Смоленска. Оставшиеся из восьми тысяч «заперлись в соборной церкви Богородицы, зажгли порох в погребах и взлетели на воздух». Во время похода Суворова через Альпы солдаты готовы были лечь в ущелье, чтобы по ним перевезли пушки.

Еще пример страстности в русском народе – это стремление к обогащению; богатство дает власть над людьми, дает возможность удовлетворять свои желания. («Скупой рыцарь» Пушкина). Самодурство (Островский, «Гроза»). Своеобразие проявления воли – лихость и молодечество (Вас. Суриков. «Боборыкин и его роман «Василий Теркин», Гоголь в «Мертвых душах» о птице-тройке и т.д.); максимализм и экстремизм, бунтарство. Деятель в области культуры Стасов отмечал, что либеральные редакторы журналов и газет ведут себя так же, как и правительственные цензоры.

Чрезмерный морализм Л.Н.Толстого тоже пример максимализма. По словам З. Гиппиус, «Толстой не сгонял мух, облеплявших его лицо во время работы». И.А. Ильин говорит о страстности и крайностях в характере русского народа. Многие писатели ставят характер русского народа, особенно великороссов, в связь с бескрайним простором восточноевропейской равнины и с ее климатом. Непостоянство природы рождает наклонность дразнить счастье, играть в удачу, это и есть велико-

русский авось. В одном уверен великоросс: надо дорожить коротким летом, трудиться, зная, что лето укорачивается. Велико-росс привыкает работать напряженно, скоро и споро, отдыхая осенью и зимой. (См. Л.М.З. – спать и пить в свободное время: в дождь и зимой).

По Ключевскому - ни один народ в Европе не способен к такому напряженному труду за короткое время. У нас нет привычки к ровному, умеренному, размеренному, постоянному труду, отсюда как черта в характере колебаться и лавировать. Власть территории и климата не надо понимать чисто географически, грубо материально.

Страстность и могучая сила воли русского человека общеизвестна. Однако в характере русского человека встречается и «обломовщина», то есть пассивность, непомерная лень. Это, конечно, не без влияния крепостного труда, но такое случается и в других слоях. Значит, есть этому более глубокие причины. Чем выше цель, тем более сложная система средств ведет к ней. Если ученый и писатель увлечены, они преодолеют любые трудности. Пример Обломова – лень при отсутствии систематического труда. «Обломовщина» существует во всех классах общества.

В «Анне Карениной» Левин, встретив недостатки в земстве, покидает земскую службу. Как и сам Толстой. Писатель Кознышев говорит: «Дай эти права, как наше земское управление, другому европейскому народу, - немцы и англичане выработали бы из них свободу».

Русское земское и городское самоуправление стало выше западноевропейского. Земцы стали выступать за отмену самодержавия, за политические свободы. Организовали за рубежом журнал «Освобождение» (гл. редактор Струве).

Реформы суда Александра II сделали свое дело: взяточничества стало меньше, чем в Западной Европе. Достоевский в романе «Подросток» (Версиков) говорит, что русский увлекается положительным принципом, он становится более европейцем, чем сами европейцы (французы, англичане, немцы), потому что он свободен от их национальной ограниченности. Французы

говорят, «поскреби русского, и вы найдете татарина». Леруа – Белье, наоборот, высказывает положение: «Снимите налет татарского ига, и выйдете в русском европейца». Например, окладистая густая борода великороссов служит доказательством в них преобладания славянской крови над монгольской.

У русского народа существует немало недостатков, но у него есть сила духа, воля, преодолевающие эти недостатки (См. Л.М.З.). Добавим, и большое чувство любви к своей Родине. Например, русский народ, вопреки официозу, в XX веке поднял на высоту имя очень русского, талантливейшего поэта Сергея Есенина.

Свобода. Свободолюбие

К числу первичных свойств русского народа принадлежит любовь к свободе и высшее ее выражение – свобода духа. Это свойство связано с исканием абсолютного добра. В обществе же существует добро с каким-либо аспектом зла. Определяя путь поведения, человек выбирает наилучший способ действий. Обладая свободой духа, человек подвергает испытанию всякую ценность не только мысленно, но и в реальной жизни, на своем опыте. По Достоевскому – ярко выраженная личность часто вступает в конфликт с внешними условиями, может даже совершать преступления в своем искании более высоких правил поведения. Например, Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов (у Достоевского).

Достоевский говорит, что в Западной Европе есть прочно установленные правила и формы жизни, поддерживающие порядок, а у нас, русских, «нет святынь». Мы любим наши святыни, потому что они в самом деле святы. Вследствие свободного искания правды и смелой критики, русским людям трудно столковаться друг с другом для общего дела. В организациях легко возникают расколы, в политических партиях – фракции. Экардт в книге «Русское христианство», замечает, что в Православной церкви культ неизменен, но религиозные представления верующих не всегда подчиняются обязательным формулам. Русские, отколовшиеся от Церкви (старообрядцы и сектанты), дробятся без конца.

В общественной жизни свободолобие русских выражается в склонности к анархии, в отталкивании от государства. К. Аксаков выработал характерное для славянофилов учение о государстве. Русский народ резко отличает «землю» и «государство» «Земля» живет согласно внутренней, нравственной правде, это община, путь мира и согласия. Наличие внешних воинственных соседей заставляет их, отдав часть свобод, образовать государство. (См. Л.М.З.) Андрей Боголюбский, Иван Грозный.

Государство живет внешней правдой, создает внешние правила и прибегает к принудительной силе. (См. Л.М.З.). На Западе государства возникали путем завоевания, у русских – путем договора, согласия. Средства «внешней правды» самоотверженно берет на себя государь, государственная власть, а «земля» живет внутренней правдой.

Казачья жизнь как результат бегства от государства на свободные земли. Заселение Севера, Сибири совершалось ими, но потом государство настигло их. Однако даже крепостное право не превратило русского крестьянина в раба. Пушкин и его беседа с англичанином.

«– Что может быть несчастнее русского крестьянина?

– Английский крестьянин.

У русского нет и тени рабского унижения ни в его поступи, ни в речи».

Сам Пушкин повторяет то же уже от себя. Б.Н.Чичерин в письме Герцену: «Нам нужно независимое общественное мнение, стойкое, с серьезным взглядом на вещи». Государственная власть. Крестьянин на Неве стал тонуть, полицейский вытащил его:

«– Я же тебе кричал.

– Надо было в морду дать».

Российская империя с ее абсолютной властью создавалась в борьбе с анархией. Извечно существовала внешняя опасность. Войны, нашествия. От 1368 г. до 1890 г., то есть в течение 525 лет. было 329 лет войны, то есть два года войны и один год мира. Солдаты в русской армии подразделялись на три типа: покорные, начальствующие, отчаянные.

В бытовой демократии культивировалось презрение к мещанству. Термин идет от Герцена, при этом разумеется коллективная посредственность, умеренность и аккуратность, ненависть к яркой индивидуальности. Хотя образование было доступно для всех.

Не будь войны 1914 года и революции, Россия, благодаря сочетанию бытовой демократии с политической, выработала бы режим правового государства с большей свободой, чем в Западной Европе.

(См. Л.М.З.). Мой личный пример русского человека к этой главе: Столыпин П.Н. с его «столыпинскими вагонами», с идеей освоения восточных свободных земель.

Равенство. Народничество.

В XIX веке среди интеллигентов возникло движение, называемое народничеством. Целью его было служить народу, учиться у народа, усваивая его «правду». Сам дух самоотвержения, отказ от богатства, идеализация крестьянства, свойственная славянофилам, - вот некоторые черты народничества, неспорченного цивилизацией. К. Аксаков говорит о высокой нравственности народников, Хомяков ценит русскую сельскую общину с ее сходимой, судом по обычаю, по совести, по внутренней правде.

П.Л. Лавров выдвигает идею «долга народу». Михайловский высоко ценит крестьянский труд, жизнь крестьян. Крестьянин живет близко к природе, получает от нее впечатления, знания, мало доступные горожанину. Тип развития крестьянина выше, он содержит в себе много способностей. Идеализацию крестьянской жизни усвоил Глеб Успенский, писатель-народник. Известен Николай Златовратский, говоривший, что крестьяне более художники легковверные, чем строгие мыслители. Они люди настроения, склонны решать дело «по душе», а не по хитросплетаемым измышлениям. Про Златовратского говорила, что он «обсахаривает» мужика. В общине люди все равно что родные («Дети полей»): «Мужичок мир любит, спокой, ему мало, что на огороде у него тихо, ему надо, чтобы все кругом

было светло и радостно, если у соседа плохо, и у тебя хорошему не быть». Мир чинно блюдет общее дело. Крестьянин живет по заветам предков, надеясь на Бога и на царя. Однако писатель понимал возможность разложения общины.

Михайловский считает, что благодаря общинному духу русское крестьянство прямо перейдет к социализму. Т. Успенский говорит о поэзии крестьянского труда, о «власти земли», «русский народ – могучий и крепкий, откуда над ним царит власть земли», «оторвите крестьянина от земли и настанет душевная пустота». Федотов причислял поэта Некрасова к народникам.

В 70-е годы XIX века выявилось «хождение в народ». Тысячи молодых людей селились в деревне с целью поднятия культурного уровня русского крестьянства и пропаганды социализма. Среди них были «бакунинцы – бунтари» и «лавристы». Бунты и «лавристы». Общество «Земля и воля»; Терроризм. «Народная воля»; «Черный передел». Эсэры. У крестьян была своя культура, своя интеллигенция, свои обычаи (например, еда из общей миски по старшинству).

Недоверие к «господам». Л.Н.Толстой сам был представителем высшей ступени народолюбия. А.И. Чехов в повести «Устои» изобразил отчуждение крестьян от интеллигенции. Беда в том, что крестьяне и интеллигенция не знали друг друга. В революцию погибла почти вся народническая интеллигенция. Частично выжив и бежав в Чехии и Словакию, они увидели, что там в каждой деревне есть семьи, из которых вышли юристы, учителя, профессора, священники, и эти образованные люди поддерживают связь со своими деревенскими корнями. В России же, наоборот, власти искусственно обособляли крестьян как особого сословия от других кругов общества. (См. Л.М.З.). Такое «особое» отношение к крестьянам выявилось в Отечественной войне, в битве на Орловско-Курской дуге, под Малоархангельском, в «Штрафной армии Рокоссовского»). Лично я героями этой главы считаю своих друзей Демьяныча, Ньюру и Ивана Тихоновых из мценского поселка Синяевский; в войну – самого Рокоссовского и солдат. Пример взаимоотношений интеллигенции и народа.

Братство. Доброта русского народа

Доброта принадлежит к числу первичных, основных свойств русского народа. Она поддерживается исканием абсолютного добра и религиозностью. В «Дневнике писателя» Достоевский дает конкретный образ доброты. Мальчику примерещился волк в лесу, мужик Марей сумел по-доброму, по-человечески успокоить его. В этой картинке изображена душевная мягкость русского человека, одинаковая и у простолюдинов, и во всех слоях общества. Говорят, что у русского народа женственная природа. Это неверно: русский народ, особенно великорусская ветвь его, народ, создавший в суровых исторических условиях великое государство, в высшей степени мужественен. Но в нем примечательно сочетание мужественной природы с женственной мягкостью.

С.-Щедрин много ездил по Вятскому краю. Встречал многих добрых русских людей. Во время Севастопольской кампании по деревням происходил набор рекрутов. В избу вошел молодой человек. «Вся его любящая, кроткая душа светилась в этом задумчивом и рассеянно блуждающем взоре, как бы свидетельствуя о его верной и беспрекословной готовности идти всюду, куда укажет судьба».

Доброта русского народа во всех его слоях проявляется, прежде всего, в отсутствии злопамятности. «Русские люди, – говорит Достоевский, – долго и серьезно ненавидеть не умеют». Писатель высоко ценит жалостливость русского народа, выражающуюся в том, что простой народ относится к преступникам, как к «несчастливым», стремится облегчить их участь, хотя и считает заслуживающими наказания. Златовратский говорит, что народ сердцем чувствует, что преступление есть следствие прежней порчи и что порча эта уже сама по себе «кара» за внутреннее отступление от добра.

Достоевский рассказывает, как во время Севастопольской кампании французских раненых уносили на перевязки раненых русских, говоря «русского-то всякий подымет, а француз-то чужой, его наперед пожалеть надо». Корреспондент английской газеты выразился: «Это армия джентльменов».

Пушкарев пишет (из «Дневника писателя»): «Эти качества подлинного русского народа займут свое место среди лучших факторов будущей европейской цивилизации». Отмечается добродушие, миролюбие русского крестьянина, наименее империалистическое в мире.

В Советской армии случались факты, когда даже молодые офицеры отнимали часы. Профессор психологии Братиславского университета говорит, что в деревне, где жили его родители, русские вели себя, как дети. Наберут часов и раздают их направо и налево, кому угодно. Австриец Отто Бергер (бывший в плену в 1944-49 г.г.), написал книгу «Народ, разучившийся улыбаться», сообщает: русские – это особый народ, женщины забирали у пленных белье, возвращали чистым, глаженным. Удивительно, а ведь сами жили в чудовищной нужде.

Л. Толстой в «Анне Карениной» отмечает открытость души русского человека, легкость и простоту общения, без привитой вежливости, с теми ее достоинствами, которые вытекают из естественной деликатности, а не из «жизни по закону». Отсюда в русской философии интерес к конкретной этике, в противовес законнической. Примеры: «Оправления добра» Вл. Соловьева, «Этика Фихте» у Вышеславского, у Бердяева «Назначение человека», у Н. Лосского «Условия абсолютного добра».

У русских, как и у всех славян, развито ценностное отношение не только к людям, но и к предметам. В славянских языках это выражается в обилии уменьшительных, увеличительных, уничижительных имен. Личные имена: Иван – Ваня, Ванюша, Ванечка, Мария – Маша, Манечка, Машенька. Дом – домишко, домишко, голова – головушка и т.д. Рад – радешенек, рядышком, прямёхенько и т.д.

У доброты бывает и отрицательная сторона. Иногда доброта русского человека побуждает его врать из-за нежелания обидеть собеседника, во имя мира во что бы то ни стало. Есть беспардонная ложь, без всякой пользы для себя. Француз Легра отмечает, источником лжи русского человека может большая живость воображения. О русском вранье Достоевский написал статью: «у нас в огромном большинстве врут из гостеприим-

ства», «хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже жертвуя собой».

Есть и другая обратная сторона доброты: жестокость. Есть и ее проявления. Например, за конекрадство крестьяне забивали воров до смерти. Это является средством устрашения преступника. Существует оно и как средство воспитания (секли учеников дома, в школе, в гимназиях и особенно в духовных семинариях). Дед засек Горького до потери сознания. Потом принес гостинца со словами: и меня били, внук, когда я был бурлаком на Волге...

До последней четверти XIX века строй у крестьян был патриархальный. Чехов писал: «В детстве у меня не было детства» (отец сек и его). В купеческой среде проявления самодурства были особенно показательны (Островский. «Гроза»).

В обществе поднималась борьба против избиений, дикого произвола, телесных наказаний («например, с солдатами – рассказ «После бала» Л. Толстого), за проявление чуткости к личности.

(См. Л.М.З.) – личный пример доброты: бабушка Антоновна, у которой я стоял на квартире в малоархангельском селе Губкино, будучи учителем. А примеров жестокости за жизнь было множество, и особенно издевательств над душой, особенно в те времена в журналистике, в литературе.

Русская женщина

Высокие достоинства русской женщины общепризнаны не только русскими, но и иностранцами. Множество примеров образуют русскую женщину. Замечательная личность – боярыня Морозова (17 век). Присоединилась к старообрядческому расколу под влиянием протопопы Аввакума. Ухаживала за бедными, наводнила дом странниками. Вместе с сестрой княгиней Урусовой провела много лет в подземной тюрьме. Изображена в романе Мордовцева «Великий раскол», у С.М. Соловьева в «Истории России» (т. 13, гл. 1).

Большую силу духа проявила жена протопопа Аввакума, разделившая его тяжкую участь, длинную дорогу пешком в Сибирь.

В 18 веке княгиня Наталья Борисовна Шереметьева вышла замуж за князя Ивана Долгорукого. При Анне Иоанновне князь впал в немилость, и она последовала за ним в ссылку. Совесть – вот о чем она пишет в своих записках. Протопопица, княгиня Долгорукая – вот образы русских женщин, за которыми последовали в Сибирь жены декабристов. Известно стихотворение Некрасова «Русские женщины».

Пушкин. Татьяна в «Евгении Онегине» – образ женской верности, семейного долга.

Ольга Ильинская в «Обломове» Гончарова – женщина, желавшая спасти Илью Ильича, любимого человека.

Замечательны характеры тургеневских женщин. Это Лукерья («Живые мощи»), Наталья в романе «Рудин», Лиза в «Дворянском гнезде», Елена в «Накануне». У Л. Толстого в «Войне и мире» – это княгиня Мария Болконская, у Достоевского – страдалница Соня Мармеладова, пошедшая за Раскольниковым в Сибирь.

Это и няня Пушкина Арина Родионовна. Няни князя Евгения Трубецкого, князя Сергея Болконского. Тепло вспоминает о своей бабушке Горький, о ее молитвах, рассказах о Боге, о том, что мучит ее в жизни, за что она страдает.

С 60-х г.г. XIX века русские женщины стали настойчиво стремиться к высшему образованию наравне с мужчинами. Правительство не допускало их в университеты, тогда многие из них отправились в заграничные университеты, в Швейцарию и Германию. В конце XIX века в России были открыты частные Высшие Женские Курсы, затем Медицинский институт, Политехнические курсы. В них учились женщины.

Шуберт пишет о русской женщине: «С англичанкой делит она склонности к свободе и самостоятельности, без того, чтобы превратиться в синий чулок. С француженкой ее роднит духовная подвижность без претензий на глубокомыслие: она обладает хорошим вкусом француженки, тем же пониманием красоты

и изящества, однако без того, чтобы становиться жертвой тщеславного пристрастия к нарядам. Она обладает добродетелями немецкой домашней хозяйки без того, чтобы вечно коптеть над кухонной посудой; она имеет материнские качества итальянки, не огрубляя их до обезьяньего любвеобилия».

Грахам в книге «Неизвестная Россия» говорит, что русские женщины всегда «стоят перед Богом, благодаря им Россия сильна и непобедима».

(См. Л.М.З.). Мой личный пример: семья Жозетты и ее дочери Натали из Швейцарии, примеров русских женщин множество. Этот Шуберт как будто списывал текст с моей жены Людмилы, правда, с некоторой идеализацией.

Таланты. Даровитость русского народа

Русский народ поражает разнообразием своих способностей. Мы уже говорили о высокой религиозной одаренности, способности к высшим формам опыта, это наблюдательность, теоретический и практический ум; это еще и творческая переменчивость, изобретательность, тонкое восприятие красоты и связанная с ней аристократичность, выражающаяся в повседневной жизни, источник для создания великих произведений искусства.

Искание абсолютного добра служит накоплению разнообразного опыта, развитию разносторонности различных способностей. Отсюда естественно возникает богатое развитие духа, обилие дарований.

К западной культуре Россия приобщилась при Петре I. И уже в 18 веке миру явился такой многосторонний гений, как Ломоносов. 19-й век богат писателями, художниками, музыкантами, учеными в области разнообразных знаний. Это математики Лобачевский, М.В. Остроградский, П.Л. Чебышев, физик П.Н. Лебедев, П.Л. Капица, химик Менделеев, В.И. Вернадский (биосфера и ее законы), почвовед Докучаев, физиолог И.П. Павлов, государствовед В.Н. Чичерин, историки Карамзин, С.М. Соловьев, Платонов, философ Владимир Соловьев и др., составители словарей В. Даль, Брокгауз и Эфрон и др.

Практический ум русского человека проявился в быстром развитии науки, промышленности, инженерного искусства во II-й пол. XX века. В XIX веке появились Яблочков (электр. лампа, электротехника), в радио А.С. Попов и др. Практический ум русского народа выразился в его пословицах и поговорках (В. Даль «Пословицы русского народа»). С.-Щедрин рассказывает о беседе с отставным солдатом, идущим на Афон. Идет человек по полю, и в глазах у него все ширина, и долины, и выси. И пташки песни поют, ветры мягкие, листья в ушах шелестят, и так становится радостно, что даже плакать хочется...

В книге «Откровенные рассказы странника», в повести «Богомолье» Шмелева описывается восприятие природы, духовный опыт крестьянина. В «Подростке» так говорит о природе странник Макар, в «Братьях Карамазовых» Достоевского старец Зосима. Придет время, когда человечество, освободившись от псевдонаучных представлений, станет изучать целеустремленность всех процессов в природе, научится воспринимать то, что слышали мы в литургии.

Г.П.Федотов в книге «Стихи духовные» говорит о софийской духовности русского народа. Прославляется красота земли - не ангельская, а материнская. Земля понимается как живое существо: Мать – Земля. Православие в Византии носит софийский, космологический характер. На греческих иконах пятидесятницы изображается «Царь-Космос». Русское православие придало космологии большую теплоту, силу и человечность. В русских летописях изображаются князья нравственными, при этом не упускается из виду телесная красота. Любовь к красоте в иконах замечена многими иностранцами (Легра. Книга «Русская любовь»).

О русском языке. Главным средством для выражения мысли и чувств, их творческого отображения является русский язык, родная речь. Литературный язык выработан художниками слова, в основе его лежит творчество всего народа. Достоинства русского языка можно расценивать как свидетельство одаренности русского народа. Общеизвестно то, что

сказал И.С. Тургенев о русском языке. «Во дни сомнений... О могучий и свободный...» Язык басен прост, народен и самобытен – Крылов. А.С. Пушкин сказал: «Не худо иногда прислушиваться к московским просвирям, они говорят удивительно чистым, правильным языком (См. Л.М.З.). Шукшин провел на московских вокзалах немало времени, прислушиваясь к народной речи.

Красота. В проявлении духовной жизни русский народ выработал высокую степень красоты. В Александро-Невской лавре в годовщину смерти Чайковского исполнялась его литургия. Облачения духовенства, голоса дьяконов, пение хора – все это гармония и красота, которую мог видеть человек, приходя в церковь.

Художественная литература

Возвышенный, всемирный характер русской литературы общеизвестен. Назову лишь несколько имен, чтобы это подтвердить. Это любимец русского народа Пушкин. Он находится в одном ряду с такими писателями, как Эсхил, Софокл, Данте, Шекспир, Гете, Шиллер, Достоевский, Лев Толстой.

О Лермонтове. Стихи.

Тургенев. «Записки охотника».

Гаршин был близок идеалу всеобъемлющей любви.

Вспомним имена Бунина, Шмелева, Зайцева.

Поэты Тютчев, Фет, Блок (См. Л.М.). Добавим: Сергей Есенин.

Ценные характеристики русских писателей, выраженных превосходным языком, содержатся в трех томах Ю. Айхенвальда «Силуэты русских писателей». Автор ее еврей, но принадлежит к тем представителям своего народа, которые проникли в дух русской культуры, полюбили ее и своим творчеством внесли в нее ценный вклад.

У нас три несомненных гения: Пушкин, Достоевский, Лев Толстой.

Музыка

Русский народ отличается исключительной музыкальностью. Поэзия и музыка слиты в русских народных песнях, Глинка сказал о том, что музыку создает народ, а мы ее только оранжируем.

В основе русского народного многоголосия лежит система подголосков, образующих так называемую подголосочную полифонию.

Крестьянский хор и двух раз не споет одну и ту же песню одинаково. Народный хор есть свободное единение многих личностей в одно целое. Русская песня исходит из глубоких недр души всякого русского. Пример тому – «Певцы» Тургенева.

Вот имена русских композиторов: Глинка, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Чайковский, Глазунов, Скрябин, Прокофьев, Шостакович и др. А каков русский романс? Всемирное достояние, как и русская песня.

Из романса Чайковского на стихи Хомякова:

«Подвиг есть и в сравненьи,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе...
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них...»

Театр

Благодаря умению русских людей входить в чужую жизнь театральное искусство в России находится на высшей ступени развития. Вспомним имена артистов: Мочалов, Щепкин, Качалов, Савина, Ермолова, Комиссарпивская, Орлова и др. Системы Станиславского и Немировича-Данченко, особо стоит великий певец Федор Иванович Шаляпин. И с театром вместе А. Островский, Чехов, Гоголь, Горький и др.

Русский балет. Павлова, Карсавина, Нижинский, Дягилев и др.

Живопись. Архитектура

До Петра I живопись была исключительно религиозной. Это иконопись, иконы, иконописцы (Андрей Рублев). После Петра – Левицкий, Рокотов, Боровиковский, Кипренский, Тропинин и др.

Александр Бенуа. «Русская школа живописи».

Способность к архитектуре русский народ получил с самого начала своей культурной жизни. Первые церкви были построены византийскими мастерами. (См. Л.М.З. Десятинная церковь, Софийская – в Киеве, Успенская - на Владимиро-Суздальской земле). Светская архитектура была в основном деревянная (царский дворец в Коломенском).

Петр Великий пригласил итальянца Растрелли (Смольный монастырь, Царскосельский дворец, Собор Сергиевской пустыни близ Стрельны и др.). Его ученики: князь Ухтомский, Баженов, Казаков, Старов. (См. Л. М. З.) Итальянцы строили Московский Кремль. Затем архитектор Захаров (здание Адмиралтейства), Воронихин (Казанский собор) и др.

Русский мессианизм и миссианизм

В начале XVI века национальное миссионерство получило яркое выражение в идеологии инока Филофея, согласно которой «два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Третий Рим – Москва. Писано было об этом великому князю Василию III в 1514-1521 г.г. Политическое падение православных царств связано с религиозной изменой, политическое устройство Москвы есть следствие ее религиозной неколебимости.

О руководящем влиянии России в XIX веке на Европу писали основатель славянофильства Киреевский, Чаадаев, Н.Я.Данилевский. Достоевский сказал: «Стать вполне русским может быть и значит стать братом всех людей, всечеловеком». «Наш удел есть всемирность, не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей».

В речи Вл. Соловьева сказано: «Три силы» (1877) управляют человеческим развитием: центростремительная (подчинить все человечество одному верховному началу), центробежная – отвергает значение общих, единых начал, третья сила – божественная, примиряет все начала, откровение высшего мира. В идее святой Руси заложена мысль о признании Папы Римского верховным первосвященником Вселенской Церкви. Вслед за Тютчевым Соловьев мечтал, что Россия станет всемирной христианской монархией. Для этого необходимо воссоединение Восточной Церкви, обладающей богатствами мистического созерцания с Западной Церковью, создавшей независимую от государства духовную власть.

В работе «Оправдание народов» Соловьев пишет: «Истинное единство народов есть не однородность всех народов, всенародность, т.е. взаимодействие и солидарность всех для самостоятельной и полной жизни каждого», не подавление, а развитие национальных особенностей (Фаддей Зелинский, из газеты «Речь»).

«Соборность, соборное единение различных народов предполагает возможность взаимопроникновения национальных культур. Как аромат ландыша, голубой свет и гармоничные звуки могут наполнять одно и то же пространство, так и творение различных национальных культур могут проникать друг в друга и образовывать высшее единство».

Фактически мы часто встречаем взаимную непроницаемость различных культур, даже отталкивание, поскольку нации не выполняют своего изначального предназначения, происходит искажение добра, воплощение отрицательных возможностей. «Люби ближнего, как самого себя» – христианская заповедь. (См. Л.М.З.). У ранних христиан (на Гималаях было: люби дру-гого, как самого себя») (то есть всякого). Нравится тебе или не нравится.

Важность национального воспитания и образования – величина постоянная. Сущность национальной культуры и национального характера, как и все индивидуальное, не выразима в отвлеченных понятиях. Нация есть конкретное, живое бытие,

выражаемое в религии, истории, языке, литературе, в культуре народа. Требуется уважение к культуре и других народов.

Мы, русские, можем сказать, что русская культура, подобно культуре других народов, осуществляла и будет осуществлять свою миссию, благотворно влияя на развитие всего человечества.

(См. Л.М.З.) Мой личный пример всемирной пользы, понятия и служения человечеству – это академик Николай Иванович Вавилов с его неукротимым желанием накормить хлебом все человечество.

Среднее в области культуры

(См. Л.М.) Нет ничего печальнее, чем быть средним в поэзии, на сцене, в кино, как и конечно, в музыке, на сцене. Вообще в области творчества, в литературе и искусстве, в культуре. Это люди – мученики, «Сальери», съедаемые завистью и нездоровым, отрицательным духом.

Итак, недостатки средней области культуры.

(О.Н. Лосский). Но это уже о другом.

Бердяев говорит: русские – максималисты, им нужно все или ничего. Поэтому материальная культура стоит на низком уровне развития. Русский народ до сих пор не овладел грандиозностью своего государства, как например, американцы в штатах. Правда, велики территории, суров климат (особенно в Сибири, вечная мерзлота). Но даже в Европейской России очень мало хороших дорог, пользуемся плохими проселочными дорогами. Беспорядочны деревенские улицы (добавим, Л.М.З. – кладбища, особенно сельские). Рассказ Глеба Успенского «Общий взгляд на крестьянскую жизнь» (разговор с крестьянином о дороге). (См. Л.М.З. – мценское село Подбелевец). Гравий рядом, а дорогу по селу только что провели, и то недостаточно.

Бедность, крепостничество, общинный строй, большие затраты государства на военные нужды для защиты границ и т.д. Однако и слишком мало интереса у русских людей к матери-

альной культуре. Для нас характерна беспечность, выражаемая в словах «авось», «небось» да «как-нибудь». Философ И.А. Ильин в своей книге «Сущность и своеобразие русской культуры» говорит, что русский человек обыкновенно преодолевает затруднения не путем дальновидного расчета и по заранее выработанному плану, а посредством импровизации, в последнюю минуту.

Белинский и Достоевский признавали, что коренной чертой русского национального характера является способность усваивать всевозможные черты любого другого национального типа. За границей не могут заметить в русских ничего определенного, национальных особенностей, как например, в обличье француза, англичанина, немца.

До крайности отрицания могут доходить русские. Об этом говорит Белинский. Например, о Льве Толстом.

К.Г. Пушкирев сообщает: с одной стороны – у нас вершины святости, с другой стороны – сатанинское зло. О. Георгий Федоровский пишет: «История русской литературы, все она в перебоях, в приступах, в отречении или увлечениях, в разочарованиях, изменах, разрывах. Всего меньше в ней непосредственной цельности». Известны также слова: «Нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». «Этот дар всемирной отзывчивости, во всяком случае, роковой, двусмысленный дар. Повышенная чуткость и отзывчивость очень затрудняют творческое соби́рание души». Достоевский в романе «Подросток» пишет: «Русские слишком богато и многосторонне одарены, чтобы скоро приискать себе приличную форму. (См. Л.М.З. – таково и образование: всего много дают и никакой специализации).

Достоевский прав: четкая форма появляется там, где начинается специализация, когда из многих возможностей избрана одна определенная, на ней сосредоточены силы, получается высокая степень развития, при этом все остальные способности отмирают, многосторонность молодости исчезает, наступает возмужалость и старость. Таковы западноевропейцы, одни – старики. Наоборот, мы, русские, хотя и прожили уже тысячу

лет, но большому кораблю большое плавание (Достоевский. «Дневник писателя», 1878 г., февр.).

(См. Л.М.З.) Мой личный пример – я сам. Сколько раз за жизнь оставлял работу в литературе. И все боюсь, накатит вдруг хандра, какое-то оцепенение, вот и работаю, как оглашенный, день и ночь, пока не напишу то, что мне нужно.

Старообрядчество

Раскол во второй половине XVII века представляет мучительную драму в Русской православной церкви. Византия приняла Флорентийскую унию с Римско-Католической церковью (1439 г.). Московское государство отвергло ее, считая изменой. В 1453 году Константинополь был завоеван турками, и это несчастье рассматривалось русскими как наказание за измену Православию.

В XV веке с Афона в Москву был прислан ученый монах Максим Грек для переводов церковных книг с греческого языка. Он заметил ошибки, сделанные необразованными переписчиками. Его обвинили в том, что он порочит русских святых, спасавшихся по старым книгам. И заключили в тюрьму.

Ключевский пишет: в Московском государстве явилось вселенское сознание, что для спасения «нечему больше учиться». Молиться и веровать надо так, как молились отцы и деды. Русское духовенство заметило, что «греческая вера под игом турок испортилась». Патриарх Никон сам нашел ошибки в переводах и призвал из Киева монахов для их исправления. Нашлись противники: «до нас положено, лежи оно так вовеки веков». Исправлялись и обряды в соответствии с греческими: например, вводилось трехперстное крестное (щепотью) знамение вместо двухперстного, писалось в старых книгах «господь Иисус Христос», стали писать «Господь Иисус Христос». Стали противники толковать как разделение Господа и Христа: «Господь и Иисус Христос».

В 1658 году патриарх Никон поссорился с царем Алексеем Михайловичем и отошел от дел. Церковный собор в 1666 году

с участием восточных патриархов низложил его, предал анафеме. Нашлись его сторонники. так возник раскол. Старообрядцы стали устраивать скиты в лесах, за Волгой. Власти притесняли их, те устраивали самосожжения. «Все-то грехи очистит огонь».

Старообрядчество заслуживает внимания как проявление характера русского народа, выражая глубокую религиозность в сочетании с сильной волей и чувством, ведущими к фанатизму и экстремизму. Известно сожжение протопопа Аввакума. Правило старообрядцев такое: «С бритоусом, с табачником, щепотником, со всяким скобленным рылом не молись, не водись, не дружись, не бранись». Старообрядцы едят и пьют из своей посуды. В доме порядок у них образцовый. Дома строят крепкие, особо прочные. Сами отличаются крепостью, силой, здоровьем. Занимались торговлей, были зажиточными купцами в Москве.

Отказ от великого целого привел к обеднению религиозной жизни. Старообрядцы прижимали «беглых попов», не имея своих епископов. Состоялось разделение старообрядцев на поповцев и беспоповцев, не идущих ни на какие компромиссы. В поповцах сохранилось учение об иерархии и семи таинствах, у беспоповцев утратилась литургия и таинства, культ остался только в молитве, возможной и без участия священников.

Мельников-Печерский («В лесах»), Мамин-Сибиряк («Три конца»). Поездки Салтыкова-Щедрина по Вятской губернии. «В скитах грех со спасеньем по-соседски живут».

Нигилизм. Хулиганство

Нигилизм. Слово впервые употребил в русской литературе Николай Иванович Надеждин (1804-1856) в статье «Сонмище нигилистов» (журнал «Вестник Европы» (редактор Каченовский). Имелось в виду новое течение в литературе и философии. Слово было подхвачено обществом, особенно после «Отцов и детей» Тургенева, где Базаров был назван «нигилистом».

Самым ярким представителем нигилизма в литературе был Дмитрий Иванович Писарев (1840-1868). В 16 лет он поступил на истфил С.-Петербургского университета. Плоткин в книге

«Д.И.Писарев» определяет его творчество как колебания между двумя программами: то в пользу революции, то в пользу мирного прогресса, осуществляемого «мыслящими реалистами».

Нигилизм Писарева выражался в отрицании предписаний религии, нравственного закона, принципов традиционных форм общественной жизни. Все это проявлялось в личном поведении, в отрицательных поступках критика. Нигилизм бы опасным явлением в русской жизни. Сам внешний вид нигилистов был непривлекательным: небрежная одежда, нестриженные волосы, грубые манеры и т.д. Это Марк Волохов в романе «Обрыв» Гончарова, Антип Бурдовский в «Идиоте» Достоевского, Петр Верховенский в «Бесах».

М. Бакунин написал «Катехизис революционера», где дает представление о нигилизме Нечаева. В нем следующие правила:

1. В революционере исключительная страсть – революция.
2. Разорвал всякую связь с гражданским порядком, образованным миром, его нравственностью.
3. Знает одну науку – науку революции.
4. Нравственно для него все, что способствует революции, безнравственно – что мешает этому.
5. У товарищества нет другой цели, кроме освобождения и счастья народа. Будущее выработает народ, а пока разрушение – страшное, полное, беспощадное».

Нигилисты стали появляться в России перед реформами Александра II. В своем отрыве от традиционных устоев нигилисты использовали свойственный русским людям максимализм и экстремизм.

(См. Л.М.З.) Лично для меня впечатление о Громе В.Л. Однажды, специально беседуя со мной в музее Тургенева по поводу моей рукописи в издательство, так, вероятно, останавливая ее, он сравнил меня с «Бесами» Достоевского, с нигилистами у Тургенева и Писарева. И такие были моменты в моей творческой жизни. Нигилистические моменты у Б.Н. Ельцина.

Хулиганство. (См. Л.М.З.) Чего не было в моей личной жизни, так это хулиганства. В бытовой жизни я не любил хулиганство в себе и в других. Сам же всегда любил острое словцо – в

школе на уроке или будучи в юности капитаном команды в футболе или волейболе.

Итак, О.Н.Лосский. О хулиганстве.

В образованной среде русских людей отрыв от строя «отцов», утрата религии нередко ведет в нигилизм, а в рабочей, крестьянской среде, среди малообразованных, выражается в озорстве, хулиганстве. Утратив устои и начав бунтовать, русский человек, по словам Достоевского, испытывает потребность «хватить через край, появляется потребность в замирающем ощущении, дойдя до крепости, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – броситься в нее, как ошалелому, вниз головой». В подтверждение Достоевский рассказывает о деревенском парне, который из гордыни расстрелял Распятие. В момент выстрела парень увидел Распятого и упал без чувств. Муки заставили его через несколько лет добраться до «старца» и покаяться в грехе («Дневник писателя»).

В книге И.А. Родионова «Наше преступление» рассказывает о том, как деревенские парни убили своего же товарища. И не раскаялись, говоря, дескать, он отмучился, а нас затаскают по тюрьмам. Жена погибшего стала их совестить, призывать Бога. А те в ответ хохотали. Это может происходить в различных слоях общества, а не только в крестьянстве. Молодые люди усомнились в существовании добра; не обладая устойчивым характером они стали способны на хулиганские поступки. В романе «Пруд» Ремизова рассказано о том, что дети остались сиротами. Испытав всякие трудности, они стали совершать дурные поступки. Обзывать людей нехорошими прозвищами: Сосок, Блоха, Гнида и т.д. И к ним постучалась нужда – верная спутница неудачи, она таких никогда не забудет.

(См. Л.М.З.) Личный пример для меня Сергей Есенин. «Я московский озорной гуляка...» Себя называя хулиганом, он выработал в себе смелое, раскованное, свободное слово поэта, любимого народом. И мной еще с детства тоже. И хулиганство его уже тут не при чем: одна любовь к нему, искренняя, из недр души идущая, – как русского к русскому, как к просто хорошему, прекрасному человеку.

Заключение

В книге «Русская любовь» Легра дает следующий перечень основных свойств русского народа: природное изящество, обаятельность, гостеприимство, мягкость, любовь к детям, женственность, ловкость, ум, способный к публичной речи, любовь к пассивным удовольствиям, широкая натура, щедрость, неорганизованность. Народ русский вызывает к себе любовь, особенно, когда поживешь среди него.

Увлечение каким-нибудь делом, а потом внезапный переход к другому увлечению, импульсивность, отсутствие сдерживающих начал, смелость мысли, но и зато обилие заблуждений, отсутствие пропорции и равновесия в нравственном поведении, отсутствие чувства меры, небрежность в работе, грязь, пьянство – отрицательные черты.

Бэринг в книге «Русский народ» дает следующий перечень всяких качеств русского народа.

1. Пластичность и в связи с ней гуманность, способность к аксимляции, гибкость ума, искренность, свобода мысли и нравов. Но в связи с пластичностью существуют и следующие отрицательные свойства: потворство и распущенность, недостаток оригинальности, поверхность, неустойчивость, отсутствие индивидуальной дисциплины и потому отсутствие политической свободы.

2. В связи с пластичностью – отсутствие сдерживающих начал, откуда Бэринг выводит как положительные качества спазматическую энергию и смелость мысли, но также и следующие отрицательные качества: экстравагантность, отсутствие чувства меры, робость поведения, скачки от энергии к бездеятельности, от оптимизма к пессимизму, от бунта к подчинению, боязнь ответственности.

3. У великороссов Бэринг находит противоположные пластичности позитивизм, реализм и здравый смысл, откуда выводится как положительные качества – терпение и единство цели, а как отрицательное качество, – недостаток индивидуальности, независимости и гражданского мужества. Очень интересна и

оригинальна попытка Бэринга конкретно изобразить сумму основных свойств англичанина и русского. Он говорит, что в каждом англичанине есть сочетание характера Генриха VIII, Джона Мильтона и мистера Пиквика, а в русском человеке сочетаются Петр Великий, князь Мышкин и Хлестаков.

О русском народе в книге «Главные истоки России», в заключительной главе ее «Очарование России» находим следующее. В католической церкви есть лицо - «адвокат дьявола», которому поручено перечислить недостатки канонизируемого святого, так и он, Бэринг, укажет многие недостатки России.

«Россия – страна с неприятным климатом, - сухое лето, дающее ненадежный урожай, иногда ведущий к голоду, невыносимо долгая зима, нездоровая весна и еще более нездоровая осень. (См. Л.М.З. – климат континентальный); страна, в которой столица построена на болоте, где почти нет хороших дорог, провинциальные города – разросшиеся деревни, грязные, приземистые, скучные, лишенные естественной красоты и не украшенные искусством, страна, в которой внутренние пути сообщения вне больших железнодорожных линий сложны и плохи, где на лучших линиях происходят крушения из-за гнилых шпал, где издержки на жизнь велики и не пропорциональны качеству доставляемых продуктов, где работа - дорогая, плохая и медленная, где гигиенические условия жизни населения очень плохи; где много всяких болезней, включая чуму, где медицинская помощь и приспособления для нее недостаточны; где бедные люди – невежественные, а средний класс – беспечный и неряшливый, где прогресс намеренно задерживается и подвергается всевозможным препятствиям; страна, управляемая случаем, где все формы администрации произвольны, ненадежны; где все формы деловой жизни громоздки и обременены канцелярской волокитой; где взятки – необходимый прием в деловой и административной жизни страны, отягощенная множеством чиновников, которые в общем ленивы, подкупны и некомпетентны; страна, где нет политической свободы и элементарных прав гражданина; где даже программы концертов и все иностранные газеты и кни-

ги подвергаются цензуре; где свобода прессы стесняется мелкими придирками, а издатели постоянно штрафуются, иногда арестуются; где свобода совести стеснена, страна, где динамит есть единственный политический аргумент, доступный частному лицу, и политическое убийство – единственная форма гражданского мужества, и нет закона, где всякий действует, не принимая во внимание соседа; где вы можете делать все, что угодно; страна, плохо управляемая; страна, где есть всякое попустительство; страна, где не можете критиковать ничего, и где единственный способ показать, что у вас есть мужество, иметь свои убеждения, состоит в том, чтобы провести ряд лет в тюрьме; страна крайностей, нравственной распущенности и экстравагантного потворства самому себе; народ без держания себя в руках и самодисциплины; народ все прощающий, все критикующий и никогда не действующий; народ ревнивый по всему и ко всем, кто выходит из общего строя и поднимается выше среднего уровня, смотрящий с подозрением на всякую индивидуальную оригинальность и отличие; народ, находящийся в рабстве застывшего уровня посредственности и стереотипных бюрократических форм; народ, имеющий все недостатки Востока и не имеющий ни одной из его суровых добродетелей, его достоинства и внутренней дисциплины; нация ни к чему негодных бунтовщиков под руководством подлиз – чиновников; страна, где стоящие у власти живут в постоянном страхе и где влияние может исходить отовсюду, – где ничто столь абсурдно, что все может случиться; страна неограниченных возможностей, как было сказано в Государственной Думе.

Бесчисленны недостатки России, как указывает «адвокат дьявола», и тем не менее я люблю эту страну (Бэринг), с удивлением и уважением отношусь к этому народу. «Недостатки России – оборотная сторона медали, где положительных качеств столь много, что они перевешивают недостатки». Это вечное, общезначимое и великое. О различии характеров малороссов и великороссов Бэринг говорит, что это более северные и более южные русские; вроде того, как итальянцы в Пьемонте и южные итальянцы или как северные и южные французы. Малороссы

более беспечны, менее предприимчивы, у них более живой ум и воображение, они менее положительны, более индивидуальны, а великороссы склонны к кооперации. К славянскому племени великороссов присоединились примеси финнов (угро-финнов), но не татар, татары имели политическое влияние на Россию, но не расовое.

(См. Л.М.З.) И татары в нас. А глаза, а скулья? А у татар казанских бывают светлые волосы и голубые глаза.

Леруа-Болье в книге о России указывает, что великороссы и малороссы дополняют друг друга, такое единство создает «величие всех великих наций». Украинцам – сепаратистам следовало бы понять, что разделение двух русских племен на два государства привело бы к снижению значительной ценности всего русского народа. (См. Л.М.З.). Как своевременно.

О взяточничестве. Перед революцией оно было значительно. Будучи в эмиграции, мы наблюдаем и в Западной Европе, и в Америке это явление.

О поэтах. Экстравагантное потворство себе. Наблюдается у русских поэтов-символистов (1-я половина XIX века). Книга профессора Калифорнийского университета в Беркли Олега Масоленкова. (Сумасбродные поэты: Андрей Белый и русские символисты). В книге рассказано о фантастической жизни, как ее вели, Андрей Белый, Блок, Мережковский, Зинаида Гиппиус, Брюсов, Вяч. Иванов.

Ходасевич в книге «Некрополь» говорит, что они не жили, а «играли в жизнь». Вслед за «перекультуренными» символистами явились представители не избытка культуры, а ее упадка (Маяковский, Игорь Северянин). То же происходило в живописи. Книга С. Маковского «Силуэты русских художников». («Буйно расплодился он, как грибы после дождя»).

Японцы относятся к России отрицательно, по всей Европе также. Однако во время первой мировой войны появилась статья «Культурность русских земледельцев». В ней сказано: «Благочестивое стремление к осуществлению своего идеала есть признак великой будущности русских крестьян. Искренность отношения к своей вере и искренность чувств у русского есть

выдающаяся черта среди других наций Европы. Подобная искренность является принадлежностью не только крестьян, но и всех русских». «Весь мир должен обратить внимание на русскую крестьянскую культуру как один из важнейших факторов будущего». «Крестьянами может быть осуществлена истинная демократия». (См. Л.М.З. – это было время Столыпина. Во II Мировой войне Сталин как вождь обратил внимание на крестьян в битве на Орловско-Курской дуге, особенно Центрального фронта – «Штрафной армии Рокоссовского», у Малого города – Малоархангельска.

Русские люди глубоко любят Родину, Россию, русский народ. Сами могут критиковать, но ревниво относятся к тем, кто критикует ее извне, откуда бы это не исходило.

П. А. Н. АФАНАСЬЕВ. «Поэтические воззрения славян на природу»

Предисловие

Сравнительный метод дает средства восстановить первоначальную форму преданий, сообщает выводам ученого особую прочность, служит для них необходимой проверкой. При таком изучении мифа весьма важная роль выпадает на долю санскрита и Вед. Макс Мюллер говорит, что «К сожалению, в семье арийских (индоевропейских) языков ни один не имеет такого значения, какое для романских языков имеет язык латинский, с помощью которого мы можем определить, в какой степени первообразна форма слова в языках: французском, итальянском и испанском. Грамматические формы санскрита дошли до нас с древнейших времен, что дает возможность объяснить его построение, первоначальное значение. Это имеет особенную силу применительно к именам мифологическим. Для того, чтобы какое-нибудь слово получило мифологический смысл, необходимо, чтобы в языке утратилось или затемнилось сознание первоначального, собственного значения этого слова. Таким образом, слово, которое в одном языке является с мифологиче-

ским значением, очень часто в другом язве имеет совершенно общепонятный смысл.

Так называемая индусская мифология имеет мало или вовсе не имеет значения для сравнительных исследований. Все сказания о Шиве, Вишну, Магадеве и других позднего происхождения, они возникли уже на индийской почве. В Ведах же сохранился целый мир первобытной, естественной и удобопонятной мифологии. Мифология Вед для сравнительной мифологии имеет то же самое значение, какое санскрит – для становления грамматики. К счастью, в Ведах мифология не успела еще сложиться в определенную систему. Одни и те же речения употребляются в одном гимне как нарицательные, в других – как имена богов; одно и то же божество занимает разные места, становится то ниже, то выше остальных богов, то уравнивается с ними. Все существо ведийских богов еще прозрачно; первоначальное представление, из которых происходят эти божественные типы, еще совершенно ясны. Родословные и брачные связи богов еще не установились: отец иногда оказывается сыном, брат – мужем; богиня, которая в одном мифов является матерью, в другом – играет роль жены. Менялись представления поэтов, менялись свойства и роли богов. Нигде так резко не чувствуется огромное расстояние, отделяющее древние поэтические сказания Индии от самых ранних начатков греческой литературы, как при сравнении еще не успевших установиться, находящихся еще в процессе развития ведийских мифов с достигшими полного, окончательного развития и уже разлагающимися мифами, на которых основана поэзия Гомера. Настоящая феогония арийских племен – Веда, между тем как феогония Геснода не более как искаженная карикатура первоначального образа.

Если хотите объяснить индусу, что боги, которым он поклоняется – не более как название явлений природы, названия, которые постепенно утратили собственный, первоначальный смысл, олицетворились, наконец, были обоготворены, заставьте его читать Веда. Свидетельства, сохраненные гимнами Вед, осветили запутанный лабиринт мифических представлений и дали путеводные нити, с помощью которых удалось проникнуть в его таинственные переходы.

Постепенность, с которой разделялись индоевропейские племена, не должна оставаться без внимания, указывая на близость родства между различными народами и их языками, помогая решать вопрос об относительной давности народных сказаний. Сформировались они на почве арийской или какой-нибудь главной племенной ветви до разделения ее на новые отрасли. В первом случае повсюду удерживаются тождественные черты не только в основе, но и в самой обстановке. Во втором - тождественность отмечается у народов, идущих от главной ветви, в последней - у народов, составляющих побеги от вторичных отростков родословного древа. Чем позднее реакция сказания, тем теснее границы распространения, тем яростнее отражаются на ней национальные краски. Например, прежде славяне жили с литовцами едино, нераздельно. Они составляли славяно-литовское племя, выделившееся, в свою очередь, из ариев. Хотя славяне и состоят в родстве со всеми индоевропейскими народами, но ближайшие узы соединяют их с германскими племенами, а еще более - с литовскими.

Очевидно, что позднейшие источники для объединения мифических представлений заключаются в языке. К исследованию привлекаются литературные памятники прошлых веков, обращение к древней письменной речи. Старина открывается и долгие звучит в потоке свободной устной речи. Местные речи сохраняют множество стародавних, диалектных форм и выражений в своих сказаниях и сказках, в легендах и мифах других народов и стран.

Особенной силой дышит язык эпических сказаний в памятниках устной словесности, в них запечатлены результаты развития умственных, нравственных интересов народа, его духовного развития и заблуждений. Вместе с живущими в народе преданиями, поверьями и обрядами они составляют обильный материал для мифологических исследований.

Сказки. Среди фольклора - устного и письменного народного творчества - особое место занимает сказка. Русские народные сказки охотно собирали, пользовались свидетельствами в них верований, ценили живой и меткий язык, искренность, за-

душевность русского слова. В то же время в основе сказочных представлений, в чудесной обстановке видели праздную игру ума, произвол фантазии, увлекающей за пределы вероятности и действительности. «Сказка – складка, песня – бль», – так порой говорили об этом жанре фольклора, стараясь провести границу между эпосом сказочным и эпосом историческим.

Принимая сказку за чистую ложь, за поэтический обман, имели целью занять свободный досуг человека, занять его вымыслом, небывальщинами. несостоятельность такого воззрения была очевидна. Каким это образом народ, вымышляя фантастические лица, ставя их в известные положения, мог постоянно оставаться верен самому себе, на всем протяжении страны повторять одни и те же представления? Целые массы родственных народов сохранили тождественные сказания, несмотря на устную передачу их в течение веков, от поколения к поколению. Творчество не остановилось бы на скучном повторении одних и тех же чудес, стало бы выдумывать новые.

Доказательством служат все искусственные подделки под народные рассказы, под сказки, особенно в наше время, под влиянием всеобщей компьютеризации, они полны нелепицы и бессмысленности с точки зрения исторической и художественной правды. К чему народ стал бы беречь драгоценное наследие старины?

Сравнительное изучение сказок, живущих в устах индоевропейских народов, приводят к заключению.

Во-первых, сказки создавались на основе древнейших воззрений арийских народов на природу.

Во-вторых, уже в ту арийскую эпоху были выработаны главные типы сказочного эпоса, разнесенные затем по народам и сохраненные народной памятью в поверьях, обрядах, мифических представлениях. Итак, сказка не пустая складка, она чужда пустых измышлений, в новой рамке это прожитая былина. Предметом ее был не столько человек, его общественные тревоги и подвиги, сколько разнообразные явления всей обоготворенной природы. Такая сказка не знает ни определенного места, ни хронологии. Чудесное в сказках есть чудесное могучих сил приро-

ды. И если это поражает наше воображение, то это от того, что мы утратили непосредственную связь с другими преданиями и их живым пониманием. Исчерпан материал былых представлений. Духовная песня обратилась в стих, сказка – в легенду. Прежние легендарные сказания представляли по преимуществу сочинения апокрифические. Новые черты, налагаемые на старое, давно созданное содержание, должно подчиняться требованиям народной фантазии, согласоваться с преданьями и поверьями, уцелевшими от прежних времен.

(См. Л.М.З.). Известны сказки таких авторов, как А.С. Пушкин, Гоголь, Салтыков-Щедрин, М. Горький, Л.Н. Толстой, Бажов, Андерсен, Гофман, бр. Гримм, Шарль Перро, Бальзак, Диккенс и др.

* * *

Свет и тьма

Олицетворение и обожествление природы
(Небо и Солнце, месяц и звезды)

В ту отдаленную эпоху всякое слово отличалось материальным живописующим характером: солнце восходит, буря воеет, ветер свистит, гром ударяет, пустыня молчит.

1. В русском простонародье есть любопытное сказание о том, что божество некогда наказало за непочтение к Солнцу. Это было давно, когда у Бога еще не было Солнца на небе, и люди жили в потемках. Но вот Бог выпустил из-за пазухи Солнце, дались все диву; смотрят на солнышко и ума не приложат... А пуще бабы! Повынесли они решета и давай набирать света, чтобы внести в хату да там посветить. Поднимут решето к Солнцу, оно будто и наберется света полным-полно, через край льется, а только в хату – и нет ничего! А божье Солнце все выше и выше, уже и прилекать стало. Вздурели бабы, сильно притомились за работой весь день, а тут еще Солнце жжет – и вышло такое окаянство. Начали они на Солнце плевать. Бог прогневался и превратил нечестивых в камень... (Л.М.З.) и наслал тьму (ночь).

2. Слова «свет» (светить) и «свет» (святость) филологически тождественны.

Веды – ведать, известие, вести, знать.

Deus (лат.) – бог, *dīvus* – божественный, святой, *dives* – богатый, *dies* – день, денница; дивный – чудный, славный, красивый, талант «с божьей искрой».

«Красный» - первоначально означало светлый, яркий, блестящий, красивый, огненный, состоит в родстве со словами «кресс» – огонь, «кресины» – время летнего поворота Солнца, «кресник» - июнь-месяц.

Красный день, Красная площадь, Краснодар, красная девица, красное (червонное) золото. Красноярск.

(См. Л.М.З.) Я лично родился 24 июня, то есть в красный день Летнего Солнцестояния. И во Флоренции праздник – день рождения Леонардо и в Литве – день Лиго, и на Руси – День Русской Березы, день Ивана. Но поскольку у отца моего был где-то старший сын Иван, меня он назвал Леонардом.

3. Между богами света и тьмы, тепла и холода происходит вечная, нескончаемая борьба за владычество над миром. День – первоначально верховное божество света – Солнца, Ночь – божество мрака. (См. Л.М.З.). А родился я ночью. На «метрике» рукою отца записано красным: «2 ½ часа».

У словаков существует такое знаменательное предание. Когда Солнце готовится выйти из своих чертогов, чтобы совершить свою дневную прогулку по небу, нечистая сила собирается и выжидает его появления, надеясь захватить и уничтожить божество дня. Но при одном приближении Солнца тьма разбегается, чувствуя свое бессилие. В поэтической форме рассказано, как первые солнечные лучи, прорезавшие темный горизонт, прогоняют мрак ночи. Будто испуганный, бежит он в расщелины скал, подземные пещеры и глубокие бездны. Каждый день повторяется эта борьба, и каждый раз побеждает царь – солнце. Вот почему скандинавские народы дали ему эпитеты: «радость народов и страх тьмы». По общему славянскому и германскому поверью, на восходе ясного Солнца, на ранней утренней зорьке, с первыми лучами происходит уничтожение влияния злых

духов и рушится всякое колдовство. Вот почему крик петуха, предвещающий утро, страшен нечистой силе. Она тотчас исчезнет, как только его слышит.

(См. Л.М.З.) Повесть Шукшина «До третьих петухов». У меня в кабинете (в Малоархангельске) висит плакат на стене: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Из первых букв составляется луч света (красный, желтый, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый). При сочетании получится то теплые, то холодные тона. А когда все цвета вместе соединишь, то ничего не получают: просто свет, просто световой день. Просто Солнце, и хорошо как-то, сказочно на душе.

Небо и Земля

Небо перед глазами представляется огромным куполом, круглой прозрачной чашей, опрокинутой над головой. Называется оно небесным сводом. Существует античный миф об Атласе, который держит на своих плечах небесных свод. Распущенные волосы, как дождевые тучи с неба. Духоборы донные исповедуют, что мысли человеческие создались от ветра, а благодать – от облака. Знаменательный миф ариев связывает живую воду дождя с даром поэтического одушевления, красноречия и премудрости.

Сравнивая небо с горой, народная фантазия породила эти разнородные понятия и в языке, и в мифе. Слово «в гору» означает движение к небу. Чем добродетельнее жизнь человека, тем легче душа его возносится на эту гору. В одном заговоре читаем: «Закрой ты, девица, меня своей фатой от силы вражьей, от стрел, от борца, от кулачного бойца». Греки соединили с Олимпом небесный свод, где бессмертные боги основали свою обитель (Гомер). В небесах у них находились райские кущи.

Плодотворная сила солнечных лучей и дождя с неба дает человеку пищу. Это естественное явление послужило источником древнейшего мифа о брачном союзе Неба и Земли. Небу придано мужское начало, Земле – женское, Земля является матерью. Земля – мать. Летнее Небо обнимает Землю в своих горячих

объятых, как невесту или как супругу, рассыпая на нее свои сокровища из лучей и вод. Зимой Земля застывает и каменеет. Весной же все возрождается вновь. «Не земля родит, а небо», - есть такая пословица. Без влияния неба Земля бессильна давать урожай.

Небо у славян олицетворяется в мужском образе Сварога (бог блистающий, светлый). Главные боги с Небес, порождающие громом воображение древних славян, римлян, античных греков, – это Перун, Юпитер, Зевс.

Признание Неба и Земли супружеской четой означало падение мужского начала сверху (фаллос) вниз, на пашни, поля. Германцы обращались к Тору, славяне к Перуну, вознося молитвы об урожае, несущем чадородие и богатство. На древнем поэтическом языке травы, цветы, кустарники и деревья назывались волосами Зевса и Геры – богини Земли.

Старообрядцы перед обедом и ужином, за неимением воды, умывают себе руки землей, предписывая ей очистительную силу.

Весной, когда Земля вступает в брачный союз с Небом, селяне празднуют Духов день. Не работают, считая что земле нужен отдых. В отшельническом уставе 1562 года сказано: присягу крестьяне должны принимать по древнему обычаю: раздеться догола, ни иметь при себе ножа, держать на голове дерн – ком земли и произносить присягу о купле-продаже земли на вечные времена.

(См. Л.М.З.). 1. Уходя на чужбину, русские люди брали собой щепоть Земли (клали в ладанку – оберег от всяких напастей).

2. У скандинавов самая торжественная клятва связана с целованием земли.

3. В Отечественную войну немцы увозили отсюда землю в вагонах – плодородный чернозем. Один куб чернозема брался за эталон земельной меры, один куб воронежского чернозема.

4. Из «Слова о полку Игореве»: «О, русская земля! Ты уже за холмом».

5. У меня в авторской песне:

«В небе, в небе – широкие крылья!»

-
- В синем, в синем – глаза – угли!
Я – орел, птица – царь, орлы мы
Над серединой Русской земли.
О Русская земля! Ты уже до холма».
6. Л.М.З. – алмаз, Леонард Михайлович Золотарев.
 7. Ж.З.Л. – Жизнь Золотарева Леонарда.
 8. Ж.З.И. – Жизнь Золотарева Игоря.

Стихия света в поэтических представлениях

Современные поэты обладают гораздо меньшей смелостью в создании поэтических образов с точки зрения метафор и даже глосс. Древнейшая поэзия обладала гораздо большей раскованностью, проникновением в тайны природы, потому что сама была неотъемлемой частью этой природы.. Рассмотрим это с позиции самого, пожалуй, главного органа человека – зрения.

Солнечный свет дает возможность видеть и распознавать окружающий мир, формы и краски предметов, а тьма убивает эту возможность. Зрение позволяет человеку распознавать внешнюю природу, а слепота погружает во мрак. Стихия света и глаза в древнейшем языке обозначались тождественно: зреть, взор, зоркий, зырок – зрачок, зарница – отдаленная молния, зарево, дозор.

Бельма – глаза от слова белый, ока – зрачок и т.д.

Древнейшая связь понятия света и зрения, глаза общеизвестна. Представление очами светил принадлежит народам Старого и Нового света, верованиям в чудесное происхождение и таинственную силу глаз. Скандинавские поэты солнце, луну и звезды называют глазами неба, солнце – око дня. В Ведах Солнце называют глазом Варуны (неба), в некоторых гимнах Солнце и Луна представляются двумя очами неба. Солнце – громадное, всемирное око, озирающее Землю. У персов – это глаз Ормузда, у египтян – Демиурга, у греков – Зевса, у славян – Перуна, Велеса, у германцев – Тора. Подчеркнем, поэтическая фантазия первобытных народов относилась к явлением природы с несравненной большей свободой, чем это позволено современно-

му поэту. С одной стороны, древние отождествляли совершенно отдельные явления, с другой – дробили на разные образы, по различным признакам.

Погибель старого месяца и нарожение нового, смена одного солнца другим (зимнего весенним), майское – июньским и т.д. Дневное озаренное солнцем Небо олицетворялось в образе божества с единственным глазом, горящим во лбу (у Гомера – циклоп).

В голубиной книге поведается, что зори утренние и вечерние, светел месяц и частые звезды зачались от очей божьих. По индийскому преданию, Солнце создано из глаз Бармы. Месяц и звезды – небесные окно, из которых смотрятся ангелы («Вий» Гоголя). В зеркало по ночам смотрится нечистая сила (Раскольников Достоевского). По свидетельству славянских и германских преданий (XII в.), лучи человеческие создались от Солнца, это известно было и древним индусам (Веды). Глаз человеческий не только висит, но светит и жжет. Кривого человека (с одним глазом) называют полусвет. Солнце спускается к Западу (косится, под дождем – хмурится и т.д.). Хмурое солнце – смотрит из-под мохнатых бровей. Поверье: слезы прочищают недобрые очи. Надо догадаться умыться росой, и все пройдет. Косые глаза придают лицу неприятное выражение (Л.М.З.). Под влиянием метафорического языка глаза человеческие получают таинственное, сверхъестественное выражение (глянь на колени женщине издалека, тут же она поправит себе платье: недобрый глаз несет «сглаз»). Недобрые очи: а) косою, б) из-под больших, нахмуренных бровей, в) карие очи и т.д. Немецкие саги человеку с большими, сросшимися бровями придают могущество (у Брежнева).

Зависть. Сон и смерть.

Финны принимают Солнце за золотое кольцо, в котором заключена огненная сила. У эстонцев – вечерняя заря кладет солнце спать, утренняя (Денница) – отправляет снова в путь. По Солнцу люди определяют себя в лесу, в незнакомой местности. На Востоке находится «красное солнышко». На Восток строятся храмы, покойников кладут лицом на Восток – в ожидании великого утра, в ожидании всеобщего воскресения. Если встать

лицом на Восток, то налево – Север (полуночь), направо – Юг (полдень). Полуночные (нордические) и полуденные страны (календарь на Украине). В левом ухе – слышится брань, недруги, в правом – воспоминанья, друзья и т.д.

Народные сказки, изображая блаженную страну весны – райские кущи, говорят о садах с золотыми яблоками, об источниках, текущих золотом и серебром. Этим металлам придавали особые свойства, принадлежащие свету и огню: «Не все золото, что светит». По славянским, германским преданиям, золотых дел мастер нагрел мальчику из печи жару – горящих углей. Пришел мальчик домой, а это - золото. Но, когда золотых дел мастер обнаружил при этом жадность, золото снова превратилось в горящие уголья и спалили дом.

С народными поверьями связаны и заговоры от болезней. Например, от золотухи.

(См. Л.М.З.) Лично мой пример. Перед войной в Малоархангельске у меня пошла по лицу золотуха. Дядя Гриша вывел меня во двор и, глядя на первый огонь на Репьевке, стал читать: «Золотуха-присуха! Поди из раба в чистое поле, в синие море; как чистые звезды с неба сыплются, так бы золотуха, ты из раба твоего выкатилась...» Богиня утренней зари гасит ночные светила, она же призывается погасить в человеке недуги. У таких заклинаний поэтические чувства и представления гораздо сильнее, чем у многих современных поэтов, которые верят, надеются и любят только себя.

Солнце и богиня весенних грез

Усматривая в светилах и молниях блеск металлов, из которых готовились воинские снаряды, фантазия древних народов признавала в них небесное оружие, каким светлые боги сражались с демонами тьмы. В сияющем диске солнца видели золотой щит, в хвостатых кометах – пламенные мечи и копья, в молодом месяце – меч или серп. Фантазия руководствовалась внешним сходством.

Воинские представления связывались с лучами восходящего солнца, прогоняющими ночной мрак, с молниями, разящими

темные тучи. Стремительность, быстрота сравнивалась со стрелой из лука или копьем. Грохот грома, вой бури, свист стрелы, шум копья, звон оружия в битве. Небесный воитель закрепился за богом-громовержцем. По свидетельству Вед, бог Индра обладал медным и золотым оружием, сверкающие молнии называются в гимнах золотыми копьями. Перун у славян, по преданию, носит в левой руке колчан, в правой – лук. В различных славянских местах России живо поверье о громовой стрелке. Ниспадая с туч, эти стрелки – молнии входят в глубь земли, через несколько лет возвращаются на поверхность земли в виде черного или черно-седого камешка. Это сосульки, образующиеся от удара молнии в песок и сварки песка, известные в народе как «громовые стрелки». В книге попа Сильвестра «Домострой»: «Учитель рече: сие бывает от сражения облаков».

Слово Перун восходит к древнейшей эпохе ариев. Между прочими произведениями Индры был и Перун. У славяно-литовского племени имя это взяло верх, стало верховным богом славян. Как творец, с течением времени даруя урожай нивам, приплод животным, эти функции Перун передал Велесу. В некоторых местах уже Велес становится верховным богом славян.

Именем Перуна обозначалась также небо как царство громовержцев, громоносных, дождевых облаков, громы и молнии. Бог-громовержец, разбивая молотом облачные скалы, высекает из камня искры молний. Таящиеся в камне молнии в простонародье рождали сказание, что первосозданные и враждебные стихии огня и воды спорят между собой. Когда вода начинает одолевать и заливать пламя, огонь от нее укрывается в кремь, откуда люди затем ударом железа о кремь стали высекать искры. Огонь «в камне спал, по железу встал, по дереву побежал, соколом полетел».

Народный русский эпос дает богатырям палицу. Просто дубинка, окованная железом, эта палица - оружие брани, битвы. Сухое дерево, трением о которое добывается огонь, у сербов получило название сухой палицей. Аланы, подобно римлянам, чтят своего Марса под тем же символом. Финны дают своему

громовнику меч с огненным мечом, Илью-пророка, на которого в христианскую эпоху перенесено поклонение Перуну.

В народе говорят, убитый молнией очищается от грехов. Литовские преданья говорят о том, что камни кладутся у порога, предохраняя от молний, хозяйки опускают камни в хлебную квашню для очищения от всего злого.

Народные предания извещают о победоносном оружии – отцах побед. В греческой Илиаде, в скандинавский Эдде герои с божественным мечом, в сияющих латах, в золотом шлеме, на осьминогом коне несутся в сражения и побеждают. В Эдде это Один, подвластный Тору, в германском эпосе (в «Кольце Нибелунгов») – это Беовульф (бура битвы). В «Слове о полку» приближение вражеских ратей сравнивается с несущимися тучами: «черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (князей русских), а в них трепещут синие молнии, быти грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого».

Живая вода и вещее слово

Живая вода. Дождевые облака издревле представлялись небесными колодцами и реками. Зима, налагая оковы, запирала на них свои оковы, земля одевалась в снежный саван. Могучий Перун разбивал эти оковы молотом и открывал путь дождевым потокам. По древнему поверью, Перун как бог, проливающий дожди, пьет из небесных ключей живительную влагу. В этой метафоре дождя славянские сказки различают два отдельных представления: о мертвой воде и живой воде. Мертвая, или целящая вода заживляет раны, сращивает порубленные мертвые тела, но оживляет человека живая вода. Как в природе, первые дожди сгоняют льды и снега, следующие дожди дают растениям зелень, цветы. По свидетельству сказок, летние грозы приносят фантастические птицы ворон, сокол, орел и голубь, олицетворяющие вихрь, гром, град.

Падение дождей из туч, озаряемых пламенем грозы, заставило уподобить небесные водоемы огненным рекам и кипучим источникам. Сверх того, живая вода исцеляет слепоту, возвра-

шает зрение, то есть проливной дождь проясняет небо и выводит из темных облаков и туманов всемирный глаз – Солнце.

Народный эпос любит уподоблять битвы не только грозе, но и пирам. В «Слове о полку» битву сравнивают со свадебным пиршеством: «Тут кровавого вина не достало. тут пир закончили храбрые русичи, сватов напоили и сами полегли за землю русскую». Опьяняющий напиток «сому» древние индусы готовили из смеси молока, ячменной жидкости и меда. Эта сома считалась бессмертным названием бессмертного напитка богов (амрата), одаривающая, как божество, силой, бессмертием и плодородием. Обе ветви ариев (славянская и германская) в Зендавесте, возле всемирного дерева («тучи»), творение «сомы» приписывали богам и искали ее происхождение на небе, в чудесном растении сома. (См Л.М.З.).

1. Мое личное. Пушкин. «Анчар».

2. В «Велесовой книге» у славян это сурья (медовуха), приготовленная Солнцем как результат брожения меда на солнце-пеке.

3. У греков это миф о Вакхе, который был сыном Зевса (Дионисием) и Перселоны. Сами греки пили вино, вдвое разбавленное водой.

4. Водка – арабская вода, доставленная через о. Майорку генуэзцами в Крым, а оттуда в средние века и в Россию.

В хождении св. Зосимы к рахманам говорится о дереве, от корня которого истекает вода сладчайшего меду (в противовес «анчару»). Этот апокриф имеет связь с банословными сказаниями об Александре Македонском, посетившем страну блаженных рахманов (браминов Индии), где течет райская река, исходя из Эдема, разделяясь на четыре рукава (Тигр, Евфрат, Геон, или Нил, и Фисон).

Вещее слово. По воззрению всех арийских народов, бессмертный напиток наделял не только вечной юностью, но и высоким разумом, красноречием и поэтическим вдохновением. Кроме случаев, когда, согласно древнему представлению о борьбе с демонами, возникали сказания о том, что вино, изобретенное дьяволом, заводило пьяных в глубокие омуты и увлека-

ло на дно. Поэтическое же свойство сомы (амриты), медовухи (сурьи) скандинавский эпос – младшая Эдда в разговоре Браги с Эгидом передает в любопытном предании о происхождении славного искусства скальдов. Сыну Одина Браги (боги поэзии его называли лучшим из скальдов) приписывали диалог красноречия и стихотворства.

Старинный апокриф рассказывает, что Бог, по сотворении Адама и Евы, позволил им вкушать ото всех плодов, особенно от виноградной лозы. Бог Один дает вино не только асам, но и людям, если пожелает наделить их мудростью и поэтическим вдохновением. Потому поэзия есть дар небесный, и на языке скальдов она называлась кровью Квасура, питьем карликов и асов, сладким вином Суттунга, добычей и изобретением Одина. Раздавателями этого дара были: у греков – Зевс и Аполлон, у германцев – Вуотан и Брага, у славян – Велес. В «Слове о полку» Боян был назван «Велесовым внуком». Германские племена признают творцом поэзии Одина – бога мудрости и поэтического слова, бога ведающего его таинственной природой. Он первым научил унам, сагам, сказаниям, поэзия почитается вещью дочерью Одина, точно так же, как музы – дочери Зевса живут с ним на высоком Олимпе.

Под влиянием таких воззрений слову человеческому была присвоена такая же всемогущая сила, которой обладают сближенные с ним божественные стихии. И это засвидетельствовано и преданиями, и языком (ведать, петь, чародействовать, заклинать и лечить), обозначая лингвистически тождественными речениями в различных языках мира.

Ведун и ведьма, имеют другую форму: вещун и вещунья, а это пророк, прорицатель, предвещать, знать чары. У Велеса, рожденного волхованием и превращавшего других, вещая душа была в теле. Летописец рассказывает, что князь Олег был вещим Олегом (Пушкин). В «Слове о полку» Боян так возлагал свои вещие персты на струны, что они рокотали.

С течением времени гимны теряют первоначальные черты и не столько прославляют и молят богов, сколько требуют от них, заклинают исполнить желание человека. В наших «закля-

тнях» и до сих пор можно различить черты, свидетельствующие, что это когда-то были молитвы, обращенные к стихийным божествам. Поморы до сих пор обращаются со своей молитвой к Востоку. Сила «заговора», приворотного слова основывается иногда на выражении, что заявленное от человека желание исходит не от него лично, а от признания им богов, от имени этих богов.

Когда древние волшебные воззвания перешли в заклятья, чародейская сила их была признана за тем поэтическим словом, за теми пластическими выражениями, которые исстари почитались за внушение самих богов, за их священное откровение вещим избранникам: прорицателям и поэтам. «Заговоры» обычно заканчиваются такими словами: «слово мое крепко», «что задумано, то исполнится».

И поныне, по глубокому убеждению первобытных индоевропейских народов, слово человеческое обладает чудодейственной, магической силой и произнесенное воздействует на реальную жизнь, способствуя успеху или же неудаче задуманного предприятия.

(См. Л.М.З.). Вещее слово подняло Сергея Есенина на высоту признания. Хотя власть этого не хотела. Есенин стихийно воспринял вещее слово древних поэтов. Крестьянский поэт, он был близок к народной культуре. Недаром признавалось наличие двух культур в тогдашней России.

Ярило

В искусстве возделывать землю плугом арийские племена видели божественное провиденье. Сама летняя гроза изображалась в поэтической картине вспахиванья облачного неба громоносным Перуном. По другому воззрению, та же гроза уподоблялась битве; сблизив эти оба представления, народная фантазия допускает сравнение битвы с возделыванием пашни. В «Слове о полку» есть строка: «Под копытами (земля) костьми была посеяна». Орать – резать землю плугом – пахарь и рать, ратник.

Бог – оплодотворитель в благодатной весне назывался у германцев Фро, у славян – Ярило. Его признавали покровителем любви и браков, от него зависели дожди и ясная погода, урожаи нив, счастье и благосостояние смертных. У славян Яриле соответствовала Лада. Значение Ярила объясняется из самого его имени и сохранившихся о нем преданий. Корень «яр» совмещает в себе понятия весеннего света и теплоты, юной возбужденной силы, любовной страсти, похотливости и плодородия. Внутреннее движение души древний человек мог выразить не иначе, как через посредство уподоблений, какие предлагала ему внешняя, видимая природа, отвлеченные понятия, первоначально носившие на себе материальный отпечаток (пылкая, горячая, пламенная любовь, теплое чувство, вскипеть, разгорячиться, вспылить и т.д.). Кстати, яровое – это поле, обрабатываемое весной.

Там, где ступал старинный бог своими босыми ногами, выростали густая рожь, а куда обращались его взоры – цвели колосья. Зевс заключал Геру в объятия, и зеленели травы, зацветали цветы, выпадала обильно роса. В деревнях Великой и Малой Руси весенний праздник Ярилы переходил в чествование Юрьева дня. Под именем Ярилы долгое время удерживались те игрища, которые совпадали с периодом удаления летнего Солнца на зиму. Такие языческие празднества, совершавшиеся в честь оплодотворения сил природы, отличались полным разумом. Например, день Рождества Предтечева (24 июня – летнего поворота Солнца), когда сходились мужи и жены, девицы на ночное бдение, на бесовские песни. С праздниками Ярилы и Перуна – оплодотворителя в языческую старину соединялись языческие браки с похищением жен. Поклонение Яриле и буйные, нецеломудренные игрища, возникшие под влиянием этих языческих песнопений, наглядно сказывалось торжество жизни над смертью.

Чувство взаимного влечения юноши и девицы, чувство любви, ведущей к брачному союзу, издревле выражалось метафорическим образом грозы, связывающим отца – неба с матерью-землей. Как говорится в пословице, любовь не пожар, а загорится – не потушишь.

Заговоры на любовь называются «присушками» (сухмень, сушь, засуха, производимая жарким Солнцем). «Присушки» наговариваются обычно на хлеб, на вино или воду, они даются тому, кого хотят приворожить. Чары направлены на то, чтобы заставить добра молодца ухаживать, волочиться за красной девицей. Вороново перо кладут у порога, через который должна переступить любимая девица и произносят такие слова: «Как иссыхает птичье перо, так да иссохнет красная девица по доброму молодцу».

В древнегерманских сагах совместное питье из одного кубка вина девой и юношей означало символический знак любви и согласия на брачный союз.

Илья – громовик и огненная Мария

С принятием христианства многие из старинных языческих представлений были перенесены на некоторые лица ветхо- и новозаветных святых. Старина проникала во весь строй речи, все воззрения на жизнь и природу, напоминали о себе. Наряд долго не очищался от заветов предков, от убеждений, подсказываемых родным языком. Так на Илью-пророка были перенесены все значения и атрибуты Перуна. По языческим представлениям, Перун владел громом и молнией, разъезжал по небу на колеснице, на крылатых огнедышащих конях, разил огненными стрелами, проливал дожди и питал ими ниву. Те же черты народная фантазия передала и Илье-пророку. Его представляли разъезжающим по небу в огненной колеснице, грохотом ее колес объясняется слышимый гром.

В заговорах существуют подобные представления об Илье-пророке, подставленные в эти молитвенные заклинания вместо Перуна. С молитвой исцелить болезни, посылаемые нечистой силой, обращались к богу-громовику, то есть к Илье-пророку.

От св. Ильи по народному поверью, зависят дожди и росы, град и засуха. 20-го июля в день, посвященный Илье, ожидают грозу и дождь, который непременно должен пролиться в это число. С 20-го июля вода начинает холодеть. Вёдро же на Ильин

день обещает пожары. 20-го июля начинают зажинать рожь, то есть вяжут первый сноп, обмолачивают и пекут первый хлеб, вкушают новину. Вся волость собирается на Ильин день, и всем миром совершают пиршество в честь этого дня.

Сербы говорят, когда гремит гром, это св. Илья, преследует дьявола; не надо креститься, потому что дьявол спешит стать под крест, в который, как известно, не бьет молния. Сверкающая без грома зарница (сухая молния) принимается за огонь, выдыхаемый из ноздрей конями пророка. Нельзя работать в поле на Ильин день, ибо Илья пустит молнию и сожжет хлеба.

При кончине мира Илья-пророк исполняет роль бога-громовника. В некоторых местностях его представляют в мантии огненного цвета, с мечом, на острие которого горит пламя, и в красной шапке на голове.

Как Илья сменил Перуна, так прежнее поклонение языческой богине весенних гроз и земного плодородия Фрее или Ладе было перенесено на пречистую деву Марию. Сербы называют Богородицу Огненной Марией и в песнях о ней говорят как о сестре Ильи Громовитого.

Мысль о благословенном плоде пресв. Богородицы сливается с народным воззрением, с мыслью о весенних родах матери Земли. Обычай пить чашу в честь Фреи или Лады был заменен застольной чашей во славу Пречистой Девы. 22-го июля, в день Марии Магдалины, крестьяне не работают в поле по той же причине, что и на Ильин день. Народ видит и в ней небесную властительницу громов и молний.

В сборнике Соловецкой библиотеки рассказывается, как в 1644 году явилась Богородица к некоей жене с именем Фекла. И был от нее глас, чтобы христиане трав не косили, хлеба не жали, покаялись за грехи свои, и тогда явится икона Пречистой Богоматери и явит людям свои чудеса.

Баснословные сказания о птицах

У всех индоевропейских народов находятся мифические олицетворения явлений природы в образе птиц и зверей, воз-

никших из понятия о быстроте. Птица принималась некогда за поэтический образ, под которым представлялись ветры, облака, молнии с их главным свойством быстротой полета и силой удара. Баснословные птицы – эти голубки, ястребы, орлы, соколы, вороны. Главнейшим воплощением бога – громовержца были орел и сокол. В санскрите орел (ara) – быстрый, сокол (chakrah) – сила, резвость.

По скандинавским преданиям, на священном дубе сидел орел, это бог Один превратился в эту быстролетную птицу, когда похитил из облачной Горы вдохновляющий напиток мед. В Германии, как и у славян, аиста почитают священным. Дом, у которого он свил гнездо, считается в безопасности от огня-молнии, он сберегает детей. Орлы были посланниками бога Одина, он посылал их с утра, собирая сведения о том, что произошло на земле за прошедшую ночь.

Постоянный эпитет ворона вещей. В гнезде ворона хранится золото, серебро, самоцветные камни. Вороны приносят живую и мертвую воду, золотые яблоки. Слово «ворон» употребляется как метафора молнии, летящей без крыл, без ног, куда ей надо.

О связи птиц с различными предметами, явлениями природы говорит Иродот, свидетельствуя, что скифы считали северные страны покрытыми белыми перьями, то есть снегом. В Англии простой народ думал, что снег происходит от того, что на небе в это время щиплют гусей. У орла, сокола, ворона близкое отношение к дубу – священному дереву Перуна. На средневековых миниатюрах ветры изображались с птичьими головами. Когда гусь хлопает по снегу крыльями или стоит на одной ноге, поднимая вторую, птица предвещает в небе ожесточенную борьбу природных стихий.

И у славян, и у германцев Орел, парящий над походным войском, предвещают победу. В индийской мифологии баснословная птица Гаруда имеет прекрасные золотые крылья. У славян она слывет жар-птицей. Имя Лебедя, означающее белый, вполне соответствует понятию о божестве дневного света. Старинные апокрифы говорят о громадном мифическом петухе, связанном с восходом Солнца. У петуха много значений: дать петуха (со-

рвать голос), подпустить красного петуха (пожар), предвещать расчет и т.д.

В народных преданиях немало поэтических образов, связанных с птицами, с их быстротой полета, перелетом в дальние страны (ковер-самолет, летучий плащ, облака, несущиеся по ветру). Античный герой Гермес, обладавший крылатой обувью, сверх того носил на голове окрыленную шапку. Древние языческие боги могли являться всюду, куда хотели, стоило им только надеть шапку-невидимку, то есть облечься в туманы. Одеться тучей, скрыться от взоров в битвах, словно валькирии, помогающие разить врага легендарным мечом.

Облако

Эпический язык удержал за облаками эпитеты легкие, ходячие за их стремительный полет. Летучий корабль, чудесный крылатый конь, ковер-самолет – такие метафоры возникали одновременно с преставлением неба воздушным океаном, по которому плывут ладьи, парусные суда, корабли, русские песни сравнивали лодки с чайками (См. Л.М.З.). («Чайки» ходили морем на Византию, Чайковский происходит от запорожских казаков), белопарусные суда – с лебедями, корабль Соловья Будимировича назывался «Соколом», на корабле Ильи Муромца и новгородского Садко «веял парус, как орлиное крыло».

Индусы называли облака кораблями небесного океана. В русских сказках мифический герой со сросшимися бровями ударяет в дуб (это дерево издревле представляет метафору «тучи», посвященной Перуну). И это напоминает рассказ об одном из семи Симеонов. Взял Симеон топор и срубил дуб громадный, тяп да ляп – сделал корабль, который мог плавать и по воде, и под водой. Древние германцы по занятым ими землям возили корабль в честь богини, которую Тацит отождествляет с Изидой. Греки и римляне, чествуя Изиду, совершали в начале весны шествие и приносили ей в дар корабль, это бывало 5 марта. Замечательный обряд поезда с кораблем или плугом совершали в честь богини – громовницы Ператы,

которая считалась установительницей земледелия и щедрой подательницей урожаев.

С плугом соединялось то же метеорическое значение, что и с кораблем. Плуг тоже режет воды и прокладывает себе путь по влажной стихии. Кстати, о животных. Свинья в народных поверьях является символом земледелия. (См. Л.М.З.). Немцы в войну ругали нас, обзывая: «русские свиньи»). В санскрите волк означает «разрывающий, режущий», в Ведах волк употребляется в смысле плуга. (См. Л.М.З.) Ставка Гитлера под Винницей называлась этим именем. Греческое предание говорит о Язоне, который вспахал поле (небо) медными, огнедышащими быками, то есть грозowymi тучами, и засеял драконовыми зубами, то есть молниями. На таких же сказочных быках пахал и Премысл (См. Л.М.З.) Карамзин ввел в оборот речи слово «промышленность».

И еще. Старинная русская былина рассказывает про русского богатыря Микулу Селяниновича. Тот пахал поле, и у него была позолоченная сошка. Князь Вольга Святославович поехал к нему со своей дружиной, ехал день, ехал другой – до самого вечера, все не мог нагнать пахарь. (См. Л.М.З.) Вспоминается притча Л. Толстого о жадности мужика, который бежал и бежал до вечерней зари, чтобы замкнуть круг (сколько очертит землю, столько земли будет твоей). Да и упал наземь, так и не замкнув кольцо, да все руками, пальцами тянулся, чтобы замкнуть...

Да. А тут настиг Микулу Вольга, взял соху тряхнул ее оземь – она так взлетела высоко под самые облака, что они летели, как змеи. Известно, Никита Кожемяка одолел змея в бою. Запряг его в плуг весом в триста пудов да и провел гигантскую борозду от моря до моря – «Змиев вал» – по обе стороны Днепра. Змей все просился испить водицы из Днепра, а Кузьма – Демьян погонял его до самого Черного моря. (См. Л.М.З.) В Подбелевце известна пара друзей Кузьминов и Демьяныч. Что тайно привело их друг к другу?

Кузьма и Демьян, Борис и Глеб (в торговле «барыш» и «хлеб»). По рассказу Геродота скифы – земледельцы (сколоты) вели свое происхождение от младшего сына Солнца – Колакса

ра (князь колесницы). Колаксар стал у скифов царем, а плуг – символ царской власти. (Поднялся на нем в облака).

По народному календарю День Козьмы и Демьяна – 1 ноября, Бориса и Глеба – 24 июля, Ильи-пророка – 20 июля и т.д. В народных заговорах ратник, отправляясь на войну, произносит заклинание. Ворон заковывает злодея и приносит богатырю ключ. Богатырь говорит: «Отпираю я тем ключом княжой терем, достаю сбрую богатырскую. Во той сбруе не убьют меня ни пицаль, ни стрелы, ни борцы, ни бойцы, ни казанская рать...» И родная матушка отвечала ему вся во горячих слезах: «Не скакать добру молодцу по чисту полю, не пускать каменную стрелу, не подымать над собой меч-кладенец...» Повеют ветры теплые, южные, добрый молодец упьется медовым дождем и снова вступит в брачный союз с Землей.

Баснословные сказания о зверях **(о животных)**

В «Превращениях» Овидия сказано, что Солнце разъезжает по небосводу, как на крыльях, на пламеннодышащих конях. На этих конях надо ездить умеючи: не слишком высоко, чтобы не поджечь небо, и не слишком низко, чтобы не загорелись леса и земля.

В русской мифологии на Иванов день, при повороте на зиму, Солнце выезжает из своего чертога на трех конях: золотом, серебром и алмазном, символизирующих осень, зиму, природу всю в морозном, алмазном уборе. Золотогривый, золотохвостый или просто золотой конь служит поэтическим образом то святозарного Солнца (сравнивается с конем за его стремительность, быстроту), то с блистающей молниями тучей, сама сбруя на таком коне бывает золотой. Все это живой отголосок древнепоэтических воззрений на природу, богатырскому коню придают все свойства грозовой тучи, согласно пословице «конь бежит – земля дрожит».

На Руси существовало предание о сивке-бурке. Конь этот несеся в вечноцветущих степях, имея на себе живую и мертвую

воду, топотом копыт выбивая подземные ключи, то есть дождевые источники. У поэтов поныне популярен поэтический образ крылатого Пегаса. Как известно, его родословная начинается с Посейдона – бога морей, который осилил, как жеребец, Деметру. Та произвела на свет коня Ариона, тот от Медузы-Горгоны и родил на свет крылатого Пегаса, вдохновляющего поэтов. Всем известно так же заклинание, связанное с этим конем: «Сивка-бурка! Вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой».

С конем, который согласился добровольно возить на себе человека, двигать тяжкие грузы, участвовать в многочисленных битвах, продвигать вперед человека в познании мира и совершенствовании самого себя, конь – часть живой, одухотворенной природы. Он предстает в народных сказаниях, сказках, легендах и мифах как чудесное, любимое, нераздельное с человеком существо, без которого наша жизнь была бы значительно беднее, не интереснее, менее сказочной и любвеобильной.

Одним из любимых домашних животных представляется кошка. Однако русские предания часто олицетворяют кошку с нечистой силой. Ямщики неохотно соглашались везти ездовых с кошкой, дескать, лошади при этом утомляются и худеют. Народная фантазия приписывает кошке то же волшебное свойство, которым обладает шапка-невидимка. По поверью, шапку-невидимку (туман, облако) и неразменный червонец (солнце, выходящее из-за туч) можно получить от нечистой силы не иначе, как в обмен на черную кошку. Однако именно кошка обживает новый дом, да и в старом чувствует себя полноправной хозяйкой. Таково далеко не последнее место в русских преданиях занимает этот добрый, ласковый, теплый зверек из мира животных.

Теперь о собаке. В числе чудовищ, которых Александр Македонский встретил в своем многотрудном походе на Восток, были люди якобы с песьими головами. Он загнал их в горы (горы – по преданию – это тучи) и заключил в подземные пещеры. Это баснословное сказание занесено в русские старинные рукописи из иностранных источников, однако оно важно для

истории славянских преданий, в основе их лежат представления, общие для всех индоевропейских народов.

Простой народ связывает с собакой различные приметы и поверья об атмосферных явлениях. Так, собака валяется – летом к дождю и ветру, зимой – к метели. Черная собака и черная кошка, по мнению одних, предохраняют дом от удара молнии. По мнению других, наоборот, эти животные служат убежищем для нечистой силы, которая, входя в них, привлекает к дому громовые удары. Индоевропейские народы приписывают собакам то, что они тонко чувствуют приближение демонов, нечестных людей. Такими чудесными свойствами, согласно русским преданиям, особенно обладают собаки-двоеглазки (над глазами по черной шерсти два белых пятна; собака, у которой во рту якобы волчий зуб и т.д.). Это все метафоры, поэтические образы зоркого зрения, страшных зубов верного пса, стоящего на страже человека. Существует немало и других примет: собачий вой – не к добру, к возможной войне и пожару. Собака сродни волку, которому, согласно многочисленным легендам индоевропейских народов, принадлежит немалая роль в судьбе человека. Например, волчица вскормила своим молоком двух мальчиков – Ромула и Рема; один из них (Рем) и основал «вечный город» с его историей, значительной для всего человечества.

Не менее важная роль в преданиях выпала на долю свиньи. Как животное, которое роет землю, она является символом плуга, бороздящего нивы. Как животное, необычайно плодovitое, название свиньи происходит от слова «рождать, производить». Тем самым она поставлена в близкую связь с творческой силой весенней природы. Мифы приписали ее силу бурь и ветров, как бы тоже роющих землю. Древнейшие уподобления буйно несущегося облака, черной грозовой тучи, дикому вепрю запечатлено в Ведах словом «боров» и «облака».

Народные приметы ставят свинью в таинственное отношение с человеком (Гомер «Одиссея», спутники царя Итаки, превращенные в свиней), с атмосферными явлениями. Стадо свиной с хрюканьем, визгом бежит с поля – свинья чешется об угол избы – к ненастью, дождю; свинья бежит с соломой во рту – знак приближающейся бури; свиньи жмутся друг к другу – к холодам, ожидать мороза (Орлов. губ.).

У восточных народов свинья была символом ночного мрака и разрушения. Солнце, удаляющееся на зиму, принималось как побежденное свиноголовым Тифоном. В русской народной сказке о свином чехле красавица, преодолев чары, вновь облачается в чудесные уборы, возвращается к крестному солнцу, которое принимает ее в свои объятия.

Таким образом, в русских народных преданиях показывается коренная, нерасторжимая связь нашего народа еще с языческих времен, а затем и в период христианской цивилизации с животным миром, с самой природой. Воззрения русских людей демонстрируют единство и некоторые отличия славянских и германских племен, как ветвей единого арийского древа, глубину и широту ведического сознания индоевропейских народов в сплочении природы и человека, человека как частицы целого – этой природы с изначала его становления.

Небесные стада

Для племен пастушеских, а именно такими были все племена в отдаленную эпоху доисторического существования, богатство людей заключалось в стадах и ими измерялось. Славяне назывались еще и кравенцами (от слова «корова»). По Млечному пути, то есть по небесному пути, согласно легенде, и шествовала по звездам наша проматерь - небесная корова, то есть в ее образе все «кравенские» племена и народы. С неба - сознание, а быт – от земли. По сходным признакам пастухи, а затем и пахари – дети бога Велеса обозначали творческие силы природы, стада коров, табуны коней тождественными названиями. В санскрите это «го», отсюда сохранившиеся в русской речи «го-вяди-на» («го» имело значение быка, коровы, неба, солнечных лучей, глаз человека, самой земли). Земля была общая кормилица земледельческого населения, как стада животных – источник питания и богатства для пастушеского населения. Древние люди верили, что обрабатывать поля, приручать животных помогали человеку боги, которые сами пахали на быках, а стельная корова принималась ими за символ земного плодородия. Таким богом, у германских племен

была богиня под имена Перата, у славянских племен это был бог под именем Велес. Дождевые облака представлялись молоком, ниспадающим с неба, несущим благо людям, всему человечеству.

Недаром существует такая пословица «молочные реки, кисельные берега».

Ш. Л.М. ЗОЛОТАРЕВ. РУСЬ ВЕДИЧЕСКАЯ. ДЕТСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

* * *

А теперь это звучит, как сказка. Как легенда и миф, как сказания, которые окружают в нашем сознании с детства нашего народа – пахаря, земледельца и воина – богатыря. О русских витязях – богатырях сказано издревле тоже немало, но то уже другая речь. И об этом уже сказано и еще скажут потом. Единственно, что хочется мне досказать как автору всего этого тома.

У ариев главная мысль заключена в таких слова: «Возлюби другого, как самого себя». В христианскую цивилизацию было заменено одно только слово: «Возлюби ближнего, как самого себя». А что произошло?

На Южном Урале, там, где Разум Земли и откуда пришел Первый Спаситель мира, в местности Карталы не так давно нашли тысячи древних шахт. Тут когда-то стали добывать железо, а из него делать стрелы с железными наконечниками, ковать мечи. Бронзовый век сменился веком железным. И начались войны. Люди шли и шли оттуда, с Востока, со своими стадами следом за Солнцем. По двенадцать километров в сутки. Где-то там впереди, для людей был рай, райские кущи. Где-то вверху, в облаках была тогда вся правда для всех. Потом только для богов, лишь они после стали бессмертны. Лишь они жили, как в сказке, пили свое сказочное молоко и прежде, чем добраться до Млечного пути, шествовали прямо по облакам.

А теперь это сказка для всех нас, кто берет и читает эту книжку про себя, про наших предков. Про их душу, красоту и любовь

к миру живой природы, как про самих себя. Русь ведическая – это значит, что у нее когда-то, в незапамятные времена, было начало, и верится, что, вопреки Плотину, нам не будет конца. Не верьте, люди, этому Плотину – в самом деле, не будет конца человечеству. Потому что у людей всегда будут дети, которые читали и всегда читают Пушкина. Потому что он написал самую смелую в мире книжку «Медный всадник». Про Человека и Власть. Не побоялся тогда сказать того, что и сейчас не говорят, наверно, потому что был потомком Ганнибала, а Ганнибал был потомком эфиопского Императора, его 13-м сыном. Значит Пушкин их и наш человек в Гаване – Африка, Африкан Африканыч.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

РЕЛИКВИЯ. ПОЯС БОГОРОДИЦЫ

Привезли из Афона в Россию
Реликвию – пояс Богородицы.
Стали в очередь. Под крестом просили:
– Ребеночка бы, дитя бы!.. В душу ломится:
«Помоги, помоги, Бгородица!»

Безгреховное дай, божье, детское.
Непорочно зачатие самого Спасителя,
А то что-то Русь стала бедствовать,
Косят косою нас наши целители,
Мрем, как мухи, в нашей обители.

Господи, помоги нам, Греция!
Византийству в нас, Риму Третьему.
Ока тут у нас! Звучит, как меццо
Елены Образцовой! Течет певуче у Фета
Поясом Богородицы – полем и лесом,
Поперек Серединной Руси – зимой и летом,
А не как все реки – с севера на юг,
Как Волга, Днипро и Дон.

Господи! Спаси нас от жадных рук.
Очередь, очередь! На семь километров. Вдоль
По Москве-реке и далее к устью, к Оке.

В Москву едем, стоим в мороз
Ночь напролет, падаем замертво.
А тут у нас подпоясан Окой
Вечный покой,
Русский колосс,
Слово как Бог на пергаменте.

В очередь, в очередь! Сколько к Богу,
Душу спасая, движется к Богородице,
Столько и к Дьяволу в очередь строится,
Расставшись с совестью.
Господи! Спаси их.
Господи! Прости их.
Они не ведают, что творят.
Помоги, помоги им, Богородица!

Матушка! Мать Богородица!
Сколько бедных вокруг, сколько сирых!
Защити и спаси – на семи километрах,
От бесплодия нас – по Великой Руси,
От оскуденья, от вора и виру,,
От бездумного ветра в ретро.

Жизнь – это диво,
Годы – из божьего круга,
Где и рублевская Троица.
В пояс кланяемся! Верим друг в друга!
Любим, пока мы живы!
Пособи, Богородица!

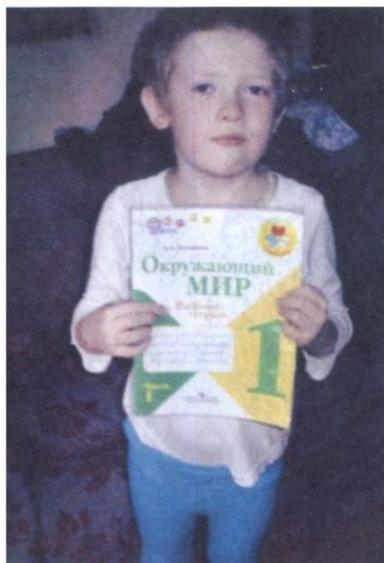
Припадая к тебе, дух мой молится.
Подпоясай нас, обхвати своим поясом,
Господи! Пособи, пособи, Богородица!

**В стране чудес.
Можно и рябине к дубу, наконец, перебраться.**

А это мама-лебедь ведет за собой своих лебедят.

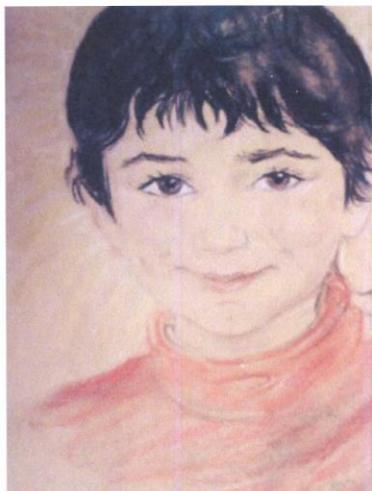
А это сам Миша Кнопочкин. На сей раз он с книжкой, а не, как всегда, с трубочкой. У нас читают все.

А это Мишины бабушки.

А это Миша в Орле, в горсаду,
проводит русскую зиму.

Мальчик Робин – самый младший из братьев.
Приехал сюда со всей своей семьей из другой страны –
из Швейцарии. «Робин – гут!» (рисунок пастелью).

А это все они – трое французов-братьев – у нас тут
в саду, в Малоархангельске. Дети видят во сне
райские кущи.

А это наш Игорь, который помогал мне когда-то писать
«Грибное счастье». И вот он у них там в Европе.
В парижском Буживале, перед тургеневской виллой.

А это с трубочкой я – автор. Взял и вырастил такой кабачок, кабачище. «Алло! Мы ищем таланты». И звоню туда им в Швейцарию. А то через Интернет и на весь мир готов раззвонить друзьям о своих чудесах.

А это тут сидели птички

Это радуга

«И это все мое! Все, что в телевизоре».

**«А я не согласен. Пусть бегают, мышки ничьи».
Такой наш Васька – наш кот, европеец.
Видите, сидит на моем столе. Все мы в стране чудес.**

ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ

(рассказы, сказки, сказания, были)

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Бабушкино солнце (стихи).....5

Книга первая. СЕРЕЖКИНЫ БЕРЕЗКИ

(Рассказы для младших).....	13
Колька-чемпион.	15
«Духанчики».....	17
«Люли».....	20
Книжкины витамины.....	26
О том, как подросла рубашка.....	29
Подарок.	33
У лукоморья.....	37
Зеленые стрелы.	40
Волшебный бинокль.....	48
Алеха.	50
Сережкины березки.	55
Голубой ключик (лесная сказка).....	60
Синие страны.	66

Книга вторая. ТЫКВА НА ЯБЛОНЬКЕ

(Рассказы тоже для младших).....	73
На Певчей горе.	75
Ласточкино гнездо.	80
Синичка в вагоне.....	84
Старичок Сен-Бернар.	89
Страус Сеня.	94
«Воробьиная» ночь.	97
Тыква на яблоньке.....	104

Книга третья. МИША КНОПОЧКИН С ТРУБОЧКОЙ

(Рассказы для детей из 21-го века)	109
Бабушкин праздник.....	111
Кнопочка в холодильнике.	113
Кот Васька прячется в коробке.	116
Как Миша осваивал телефон.	121
Как Миша вышел в Интернет.	127
Кот-Аристократ на перекрестке.....	131
Как Миша пошел в новую школу.	136
Как Миша расколотил чужой магнитофон.	140
Девочка Катя – лидер.....	146
Девочка Катя по имени Кэт.	150
Трое мальчишек – французов из Швейцарии.....	155
Яблоко на голове.	159
Оценка по рисованию.	162
Денежки на асфальте.	166
Черная жемчужина.....	172
Рассказ Людмилы под псевдонимом.....	176
«Робин-гут!».....	177

Книга четвертая. ТРИ БЕЛЫХ КОНЯ

(Рассказы для среднего возраста)	179
Три белых коня.....	181
Кабачок по кабачку – сидя, лежа на бочку.....	182
Подарки из Америки.....	186
Веллер сказал... ..	188
1. Про пучок земляники.....	188
2. Про теток с машинкой.....	189
3. Про конец света.	190
4. Про цены на книги и диски.	191
Что с возу упало... ..	192
«Где ж тебе, милая, если я еле-еле».	195
Катавасия. Домик в деревне.....	197
Баннный переулоч в Москве.	200
Святые колодцы. Солженицын – два.	202
Часть первая.....	202
Часть вторая.	205
Три тенора. Африка	208

Книга пятая. АНЕЧКИНО ПИСЬМО	
(Взрослым о детях)	211
Анечкино письмо.	213
Девочка с белым бантом.....	217
Грибное счастье (повесть-сказка).....	220

Книга шестая. АЗОВ-АЗОВУШКА	
Малые драмы	
(Для старшего возраста и для взрослых)	235
Азов-Азовушка	237
Сказание о сурье.	251
«Много песен про Волгу...».	267
«Блесни, денница!».....	282
Белый камень Алатырь.....	299
Велес в Берендеевом царстве.	316
Тяга земная.	330

Книга седьмая. РУССКИЕ ЛЮДИ	
Для всех детей и для всех взрослых	
(Мифологическая энциклопедия	
с комментариями Л.М.З.)	333
О.Н. Лосский. «Симфоническая личность».	335
А.Н. Афанасьев. «Поэтические воззрения	
славян на природу».....	364
Л.М. Золотарев. Русь ведическая. Детство человечества	390
Вместо послесловия.	
Реликвия. Пояс Богородицы (стихи).....	391

Леонард Михайлович Золотарев

ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ

**семикнижие
для детей и для взрослых**

Корректурa автора

Издатель: Александр Владимирович Воробьев

Издатель: Александр Воробьев

Лицензия ИД №00283 ль 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано к печати 26.03.2012. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. Тираж 300 экз. Заказ № 017.

Отпечатано на полиграфической базе

Издателя Александра Воробьева: г. Орел, пер. Новосильский, 1
Тел. (4862) 76-17-15. 54-15-48

Счастливы сын, который обликом в мать.
Счастлива дочь, похожая на отца.
Из Славянской мифологии.